

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

С. Д. Бодрунов, Л. А. Булавка-Бузгалина, А. И. Колганов,
Н. Г. Яковлева, О. В. Барашкова, Г. А. Маслов

**ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ТЕХНОЛОГИИ, ЭКОНОМИКА, ЧЕЛОВЕК
(ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НООНОМИКИ)**

КУРС ЛЕКЦИЙ

Под редакцией С. Д. Бодрунова

Юбилейная серия в честь 270-летия
МГУ имени М. В. Ломоносова

ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕГО
Классический учебник МГУ

ПОСВЯЩАЕТСЯ

270-летию

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИМЕНИ
М. В. ЛОМОНОСОВА

**С. Д. Бодрунов, Л. А. Булавка-Бузгалина,
А. И. Колганов, Н. Г. Яковлева,
О. В. Барашкова, Г. А. Маслов**

**ГЛОБАЛЬНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ:
ТЕХНОЛОГИИ,
ЭКОНОМИКА, ЧЕЛОВЕК
(ОБЩАЯ ТЕОРИЯ
НООНОМИКИ)**

Курс лекций

Под редакцией
С. Д. Бодрунова

URSS

МОСКВА

**Бодрунов Сергей Дмитриевич,
Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна,
Колганов Андрей Иванович,
Яковлева Наталья Геннадиевна,
Барашкова Ольга Владимировна,
Маслов Глеб Андреевич**

**Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек
(общая теория ноономики). Курс лекций / Под ред. С. Д. Бодрунова.**
М.: КРАСАНД, 2025. — 224 с. (ФУНДАМЕНТ БУДУЩЕГО:
Классический учебник МГУ. (Юбилейная серия в честь 270-летия
МГУ имени М. В. Ломоносова.))

Сер. «Экономическое знание современной России». Т. 1

Данная работа открывает серию лекций «Экономическое знание современной России». В серии выпускаются курсы лекций, рекомендованные Советом по экономическому образованию Вольного экономического общества России.

Учебный курс «Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек (общая теория ноономики)» был прочитан в качестве межфакультетского курса в весеннем семестре 2023/2024 учебного года на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Данный курс был разработан сотрудниками Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова под редакцией С. Д. Бодрунова.

Рецензент:

доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук,
Государственный секретарь Союзного государства *С. Ю. Глазьев*

Издательство «КРАСАНД». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 14. Зак. № АУ-5038.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, проспект 60-летия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–00237–193–8

© Коллектив авторов, 2025

© КРАСАНД, 2025

37300 ID 330385

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45
	URSS

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

Оглавление

Введение	4
Тема 1. Глобальные трансформации XXI века: основные концепции	6
Тема 2. Предмет и метод общей теории ноономики	29
Тема 3. Эволюция индустриального производства. На пороге новой технологической революции	48
Тема 4. Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)	82
Тема 5. Потенциал новых технологий и угроза цивилизационной развилки. Реальные и симулятивные потребности	101
Тема 6. Культура как внутренний критерий новой рациональности	116
Тема 7. Ноономика как неэкономический способ организации общественного производства	142
Тема 8. Необходимость реиндустриализации России как предпосылка движения к НИО.2 и ноономике	157
Заключительная лекция.	
Ноономика: сущность и механизм перехода	175
Приложение	203

Введение

Курс лекций «Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек (общая теория ноономики)» нацелен на выявление перспектив социально-экономического развития на основе анализа тенденций технологических и экономических процессов, развивающихся в современном обществе. В нем раскрывается процесс формирования нового индустриального общества и предпосылок его возникновения; рассмотрены причины и формы проявления кризиса нового индустриального общества, проявившегося в деиндустриализации и финансиализации экономики, появлении так называемой «новой нормальности» и т. д.; дан развернутый социально-экономический анализ новой технологической революции, называемой также промышленной революцией; системно изложена концепция нового индустриального общества второго поколения (НИО.2).

На этой основе раскрываются возможности, которые несет с собой ускорение технологического развития, а также связанные с этим риски; раскрыты механизмы трансформации человеческих потребностей в новых условиях и способов их удовлетворения; доказан тезис о необходимости усиления гуманитарной составляющей социально-экономического развития через поддержку и развитие культуры; наконец — описаны основные концептуальные положения ноономики, базирующейся на новом способе взаимодействия общества и производственной (хозяйственной) системы.

Курс «Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек (общая теория ноономики)» был разработан Научно-образовательным центром современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и прошел апробацию в качестве межфакультетского курса в весеннем семестре 2023/2024 учебного года на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

В состав авторского коллектива вошли:

Бодрунов Сергей Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института нового

индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России;

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Яковлева Наталья Геннадьевна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, доцент Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета и ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Барашкова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета и старший преподаватель Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Маслов Глеб Андреевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора истории мысли и экономической истории Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, научный сотрудник Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета и лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Тема 1

Глобальные трансформации XXI века: основные концепции¹

Рассматриваемые вопросы

1. Глобальные трансформации: цивилизационный и формационный подходы, иные стадийные концепции.
2. Теоретические концепции причин трансформационных сдвигов.
3. Цивилизационное развитие как динамический исторический процесс.
4. Кризисы цивилизационного развития.
5. Технологические, экологические, социальные и гуманитарные составляющие современных кризисных явлений.
6. Противоречия мир-системной структуризации: «ядро» и «периферия».
7. Финансовый капитал как катализатор современных кризисных процессов.
8. Технологическое развитие и его противоречия как основа экономических и социальных трансформаций.

Данной лекцией мы начинаем курс «Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек (общая теория ноономики)». Что касается ноономики, то это сравнительно новая теория, которая появилась лишь около десяти лет назад. Она представляет собой одно из немногих направлений в современной науке, которое пытается дать общее теоретическое описание перспектив (причем достаточно отдаленных) эволюции современного общества.

Но не будем предвосхищать изложение самой теории ноономики, первая лекция у нас носит вводный характер. Она посвящена обзору основных концепций глобальных трансформаций. Начнем с тех наиболее общих основных концепций, которые описывают различного рода подходы к тому, как надо изучать такие крупные

¹ Автор лекции: *Колганов Андрей Иванович*, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

глобальные трансформации в истории человеческой цивилизации, как, например, переход от одной экономической системы к другой. Можно выделить два основных подхода к эволюции общественного развития и, соответственно, к тем трансформациям, которые общество претерпевает в ходе этого развития. Это *цивилизационный и формационный подходы*. Помимо формационного подхода, есть и другие стадийные концепции развития. Но они занимают более скромное место в системе теоретического знания. Хотя есть и среди них достаточно шумевшие, но они имеют гораздо более слабый и менее рациональный теоретический базис.

Кратко говоря, оба этих подхода не могут игнорироваться при изучении глобальных трансформаций. Каждый из них имеет свои преимущества и свои недостатки. До сих пор нет такой теоретической концепции, которая бы решала все вопросы, связанные с глобальными трансформациями. Поэтому, если мы хотим исследовать такого рода процессы, нам приходится обращаться к разным концепциям, которые дают какие-то теоретические предпосылки для исследования таких трансформаций. Нет такой единой теории, которая вобрала бы в себя всю проблематику трансформационных процессов.

В чем преимущества и недостатки цивилизационного подхода, который рассматривает историческое развитие как процесс возникновения, расцвета и гибели цивилизаций? Его преимущество заключается в объемном взгляде на исторический процесс, взгляде, который вбирает в себя самые разные факторы, самые разные составляющие исторического процесса. При этом цивилизационный подход концентрирует свое внимание главным образом на духовной стороне эволюции, на процессах, которые происходят в сфере религии, общественного сознания, формирования культурных парадигм и так далее. Но при этом цивилизационный подход очень сильно «хромает» в теоретическом обосновании своих выводов.

В цивилизационном подходе нет идей, которые бы давали ответ на вопрос, почему происходит возникновение цивилизаций, почему происходит умирание цивилизаций, каким образом на месте одних цивилизаций появляются другие, почему это происходит. Нельзя сказать, что теоретики цивилизационного подхода не пытались решить эти вопросы. Но даже самые талантливые из них и самые

нашумевшие, можно вспомнить хотя бы Льва Гумилева, тем не менее удовлетворительных теоретических ответов найти не смогли. Скажем, концепция пассионарности Гумилева очень интересна. Но откуда эта пассионарность берется, так никто и не разобрался.

Что касается формационного подхода, то он, как и другие стадийные концепции, грешит линейностью взгляда на историческое развитие, рассматривает исторический процесс как непрерывную поступательную цепь изменений. Хотя исторический процесс на самом деле гораздо более сложен и не всегда можно сказать, что глобальные трансформации — это переход от одной стадии исторического развития на какую-то другую, более прогрессивную. Этот недостаток формационного подхода отчасти преодолен в разработках школы мир-системного анализа и в подходах, развивавшихся Ю. И. Семеновым.

Кроме того, в формационном подходе недостаточно разработаны вопросы взаимосвязи различных факторов общественного развития. Формационный подход делает упор на те факторы, которые он считает ведущими, наиболее существенными, то есть в первую очередь на социально-экономические. А вот как эти социально-экономические факторы отражаются на развитии других процессов в социуме и как, в свою очередь, эти процессы влияют на социально-экономическое развитие — эти вопросы гораздо менее разработаны. Опять-таки нельзя сказать, что ими вообще никто не занимался, но тем не менее каких-то ясных концепций, которые бы увязывали все эти факторы между собой, в формационном подходе пока не было. Есть только некая общая установка, что они действительно друг на друга влияют, а вот как именно это влияние происходит — теоретически пока еще почти не описано.

Теперь несколько слов о тех концепциях, которые пытались давать объяснение различного рода глобальным трансформационным сдвигам в историческом развитии человечества, в историческом развитии цивилизации. Концепций таких существует довольно много, но сама множественность их существования говорит о том, что они не удовлетворяли требованиям научного объяснения того, что происходит. Есть большая группа стадийных концепций, которые рассматривают развитие как переход от одной стадии к другой.

Наиболее известный представитель *стадиальных концепций* — это Уолт Ростоу, который выдвинул *концепцию стадий роста*, выделив 6 таких стадий. Первая из них — это традиционное общество, затем переходное общество, на котором, по его выражению, создаются предпосылки для взлета, затем стадия взлета, стадия зрелости, затем стадия высокого массового потребления и, наконец, стадия поиска качества жизни. Ростоу обосновывал переход от одной стадии к другой и, соответственно, трансформацию общества, которая происходила при этом переходе, теми сдвигами, которые происходили в технике, в отраслевой структуре производства. Например, переход от аграрного общества к индустриальному или от индустриального общества к обществу услуг.

Соответственно, выделялись те изменения, к которым технический прогресс приводил в области роста производительности, увеличения объемов и структуры производства и которые в совокупности приводили к изменению модели потребления. Вот то, что он видел в основе этих переходов. Но объяснить причины, по которым развитие данных процессов в какой-то момент приводило к переходу от одной стадии к другой, Ростоу удовлетворительным образом не смог.

Почему происходят такие перемены? Почему меняется отраслевая структура производства? Почему развивается техника? Когда и почему эти сдвиги приводят к качественным изменениям? Ответов на эти вопросы у него нет. А соответственно, нет и удовлетворительного объяснения того, почему происходит сдвиг от одной стадии к другой. Как он происходит? Как — Ростоу в общем описывает. А вот почему? Этот вопрос остается без ответа.

Еще одной *стадиальной концепцией*, очень узконаправленной, являются так называемые *теории модернизации*, которые появились в сороковые годы XX века как ответ на потребность предложить относительно отсталым в экономическом развитии странам, в том числе тем, которые стали в 50-х гг. освобождаться от колониальной зависимости, некую модель перехода к более высокой стадии развития. Был запрос на поиск путей преодоления той социально-экономической отсталости, которая являлась для них тяжелейшей проблемой. Но эти попытки носили скорее описательный, чем концептуальный характер, потому что не было какой-то единой концепции

объяснения причин отсталости и не было понимания того, каковы должны быть движущие силы перехода от отсталости к более высокому уровню развития. То есть за счет чего страны будут модернизироваться? Каким образом им модернизироваться? В каком направлении модернизироваться?

Некоторые рецепты были предложены. Но понимание того, каковы все-таки внутренние пружины, которые могут отсталое общество превратить в более развитое, — вот этого понимания не было. Первоначально теории модернизации вообще носили крайне шаблонный характер и просто рассматривались как набор рекомендаций, основанных на том, что относительно отсталые страны должны скопировать опыт более развитых. Фактически за эталон брались более развитые страны Запада, и вот отсталым странам предлагалось этот эталон воспроизвести, что должно было им обеспечить более высокий уровень развития. Но этот подход уже вскоре после его возникновения подвергся критике, достаточно обоснованной. И современные теории модернизации, в общем, считают копирование не лучшим решением, признавая своеобразие пути различных обществ к модернизации. Но при этом оказываются размыты те критерии, которыми определяют успехи движения по пути модернизации.

Если у каждой страны свой своеобразный путь, то и модернизированное общество тоже можно оценивать по-разному. У каждого общества будет свое понимание того, что такое модернизация, достигнута она или не достигнута. Фактически это означает полный теоретический произвол и невозможность выделения каких-то четких критериев.

Еще одна группа концепций, достаточно распространенных, которые пытаются объяснить то, как происходит историческое развитие, как происходят глобальные трансформации, — это *группа циклических концепций*.

Основоположником циклических концепций считается российский историк, социолог, философ Н. Я. Данилевский. Данилевский считал, что человечество — это только отвлеченное понятие, лишенное всякого действительного наполнения, и критиковал общепринятое деление человеческого общества по географическим и по историческим критериям, то есть деление на Древнюю историю, Средние века и Новую историю. Он считал, что действительные

носители исторической жизни, по его выражению, — это обособленные культурно-исторические типы, которые он рассматривал как естественно сложившиеся группы. И он считал, что эти культурно-исторические типы проходят одинаковые стадии возникновения, расцвета и упадка. Отсюда и отнесение его концепции к группе циклических концепций.

Надо сказать, что Данилевский, в отличие от его последователей, например от концепций Арнольда Тойнби и Освальда Шпенглера, не концентрировал свой исследовательский интерес на проблемах того, каковы признаки упадка или прогресса культурно-исторического типа. Он занимался тем, что кропотливо собирал эмпирический материал, который должен был доказать, что масса особенностей развития разных культурно-исторических типов скрывает за собой повторяемость стадий социального развития. Фактически тем самым проблема исторических трансформаций снималась. Любая трансформация понималась либо как возникновение нового культурно-исторического типа, либо как упадок и гибель культурно-исторического типа.

При этом Данилевский отрицал то, что происходит взаимное проникновение и взаимное обогащение культурно-исторических типов, то есть фактически между ними он не видел каких-то переходов.

Освальд Шпенглер, так же как и Данилевский, отвергал общепринятую периодизацию истории и точно так же считал, что мировая история — это развитие ряда независимых друг от друга культур, проходящих одинаковые стадии развития: зарождения, становления, умирания. История, таким образом, циклична. Уникальность каждой культуры он определял тем, что она имеет некую своеобразную душу. То есть в основе античной культуры лежит аполлоновская душа, в основе арабской — магическая, в основе западной культуры — фаустовская душа и так далее. Очень интересным моментом в концепции Шпенглера было то, что упадок различных культур у него знаменуется переходом от культуры к цивилизации. Каждая культура, исчерпывая свои внутренние творческие возможности, переходит в фазу цивилизации. Цивилизация — это кризисный исход, упадок любой культуры. В этом противопоставлении культуры и цивилизации на самом деле есть очень, я бы сказал, глубокая философская догадка.

Действительно, между культурой и цивилизацией есть определенный антагонизм. Особенно если мы будем рассматривать современную и для Освальда Шпенглера, и для нас цивилизацию. То, что мы относим к признакам цивилизации или, точнее, скажем так, цивилизованности, очень часто является враждебным культуре. И об этом мы еще поговорим.

Каким образом возникает культура по Шпенглеру? Они, если процитировать его, возникают с возвышенной бесцельностью, подобно цветам в поле, и столь же бесцельно уходят со сцены, не оставляя после себя ничего. То есть фактически Шпенглер также снимает проблему трансформации. У него историческое развитие превращается в некие изолированные отрезки существования разных культурно-исторических типов, существования культуры. Вот культура неизвестно из чего и неизвестно как возникла, и потом ушла в никуда. Переходов нет. Процессов трансформаций одной общественной системы в другую нет. История получается не только цикличной, но и дискретной.

Еще одна нашумевшая циклическая концепция — это *теория развития цивилизации Арнольда Тойнби*. Это действительно была нашумевшая идея, его многотомное издание «Истории цивилизаций» хотя первоначально и не пользовалось большим успехом, но потом многократно издавалось, переиздавалось, и вряд ли есть человек, который занимается проблемами исторического развития и методологии истории, который бы не читал и не цитировал Арнольда Тойнби.

В основе его теории цивилизаций лежит идея возникновения и развития цивилизации как ответа на глобальные вызовы своего времени. Это вызовы, которые постоянно бросает народам внешнее окружение, как природное, так и социальное. Это может быть суровый климат, это могут быть особенности ландшафта. Это могут быть природные потрясения, такие как землетрясения, наводнения и т. д. Это могут быть явления социальные — войны, внешняя культурная экспансия и так далее. И ответ на эти вызовы дает, по мнению Тойнби, творческое меньшинство народа.

Развитие цивилизации, с точки зрения Тойнби, определяется тем, способно ли творческое меньшинство находить ответы на вызовы природного мира и человеческой среды. На стадии возникновения и роста

творческое меньшинство находит такие ответы. На стадиях надлома и разложения творческое меньшинство утрачивает способность находить ответы на вызов. Таково его объяснение процесса эволюции цивилизации.

Он не отвечает на вопросы, почему одни цивилизации достигли надлома и разложения, а другие нет. Почему одни цивилизации смогли дать ответ на вызовы, а другие нет? Почему ответ на вызовы дается не сразу при возникновении этих вызовов? Например, если вызов — это географическая среда, то цивилизация может в этой географической среде существовать длительное время, не отвечая на вызов этой среде, а потом вдруг начинает отвечать. Притом отсутствие ответа на вызовы не мешает цивилизации существовать и не приводит к ее регрессу и упадку. И самое главное — у Тойнби нет развития, а есть движение только от возникновения и подъема к упадку и разложению.

По каким критериям делятся цивилизации? Четкого объяснения нет. Тойнби первоначально выделял 21 цивилизацию. Затем в своих последующих разработках он довел это число до 37 или 39 цивилизаций, из которых 13 он определил как независимые, а остальные как дочерние или вторичные, из которых в XX веке осталось существовать только 10 цивилизаций. Причем он считал, что 8 из них находятся под угрозой ассимиляции с Западом. Понятно, что такое достаточно произвольное деление на цивилизации говорит о том, что четких теоретических критериев выделения цивилизаций у него нет.

Следующая группа концепций — *эволюционистские, функционалистские* и так далее. Но я на них подробно останавливаться не буду, потому что у них тоже нет ответа на вопрос о том, как происходят большие трансформации.

Эволюционистские концепции смотрят на развитие как на процесс непрерывной постепенной эволюции. Такой точки зрения придерживались фактически все крупные социологи конца XIX – начала XX века: Огюст Конт, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм и другие. Можно еще упомянуть и антиисторицистские концепции, например Карла Поппера, который вообще рассматривал процесс развития как результат свободного творчества людей. То есть фактически он признавал течение истории в силу чистых случайностей и произвола.

Надо сказать, что довольно заметное место в обществоведческой литературе середины XX века занимает капитальный труд Карла Поланьи «Великая трансформация». На него стоит обратить внимание хотя бы потому, что уже в названии этого труда значится как раз постановка вопроса о некоей глобальной трансформации. Поланьи признавал множественность факторов, влияющих на социальные процессы, но основное внимание уделял именно экономическому, считая, что именно экономический фактор стал толчком всесторонней трансформации общества на рубеже XIX и XX веков.

При этом он рассматривал фактически две конкретные трансформации: возникновение общества свободного рынка и кризис общества свободного рынка. Он считал, что трансформации, которые происходили в Европе, в Соединенных Штатах и в России, связанные со становлением рынка, были в общем однотипны. И он рассматривал этот процесс возникновения рыночного общества как разрешение конфликта между рынком и институтами, обеспечивающими социальную стабильность. С его точки зрения, для того, чтобы рынок развивался, он эти институты разрушил. Причем разрушил не спонтанно, не в результате стихийного эволюционного развития.

Он также считал, что институты самого свободного рынка создавались целенаправленно при участии государства. Они были сконструированы и насильственно внедрены. Поланьи воспринял многие идеи Маркса, Дюркгейма, Вебера, но в понимании движущих причин трансформаций, которые он рассматривал, он не пошел дальше, чем они. Пожалуй, собственной изюминкой его концепции является то, что он рассматривал институты свободного рынка не как спонтанно появившиеся, а как навязанные обществу и полагал, что нужно рассматривать все общественные структуры во взаимодействии. Он считал, что нужно исследовать, когда мы говорим о становлении рыночной экономики, не только саму по себе рыночную экономику, но и рыночное общество в целом.

Надо сказать, что все эти теории, и стадийные, и циклические, и эволюционистские, — они в большей мере рассматривали пути трансформации, нежели ее причины. На причинах трансформации концентрирует свое внимание в первую очередь *конфликтологический подход*. И к числу этих конфликтологических моделей принадлежит прежде всего *марксизм*, который полагает причину

глобальных трансформаций в развитии общественных противоречий, которые на определенной стадии приводят к революционному переходу от одного общественного строя к другому в результате борьбы классов.

Надо сказать, что некоторые современные теоретики других направлений конфликтологического подхода явным образом дистанцируются от этого взгляда, они видят развитие через конфликты среди самых разнообразных групп и в каждом конкретном социальном институте. Может быть, такой взгляд дает нам возможность иметь некое более широкое понимание того, что происходит в обществе, но при этом размывается возможность выделения наиболее существенных причинно-следственных связей, которые приводят к общественной трансформации. Получается, что все влияет, все значимо, а ключевые причины тогда непонятны.

Марксизм имеет ясно выраженную собственную концепцию причин и механизмов развития социальных трансформаций. В их основе марксизм видит развитие материальных условий производства или, если применять марксистский термин, производительных сил. В состав этих производительных сил прежде всего входит сам человек. Это главная материальная сила, лежащая в основе развития производства. Те общественные отношения, при которых происходит процесс производства, определяются уровнем развития этих производительных сил. В зависимости от того, какой уровень производительных сил достигнут, выстраиваются и общественные отношения. Эти общественные отношения, в свою очередь, могут создавать более или менее благоприятные условия для развития производительных сил или для торможения развития производительных сил. И в случае, когда конфликт между производительными силами и производственными отношениями обостряется, когда общественные отношения по поводу производства начинают тормозить развитие производительных сил, это приводит к революционному переходу одного типа экономического общественного строя в другой. Такой революционный переход осуществляется через столкновение противоречивых социально-экономических интересов различных общественных классов и социальных групп. И это столкновение может сопровождаться не только социально-экономическим переворотом, но и политическими революциями.

Проблеме исторических трансформаций большое внимание уделяло такое направление в исторической науке, как школа «Анналов». Она была основана Люсьеном Февром и Марком Блоком в начале XX века, и еще одним из его виднейших представителей был Фернан Бродель. Заслугой этого направления была замена существовавшей до того классической «истории повествования» на «историю проблем». Они предпринимали попытки создать тотальную историю, то есть историю, которая описывает все существующие в обществе связи, и экономические, и социальные, и культурные. Они ставили в центр своих исследований не описание событий, а общество в целом, пытаясь вскрыть глубинные структуры, существующие в течение длительных временных отрезков. И такой подход потребовал привлечения данных смежных наук: экономики, социологии, этнографии, географии и так далее. Они связали политическую историю стран и народов с экономическим и социальным компонентом.

Наиболее известный труд Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» как раз посвящен тому, как возник капитализм из средневекового общества. Фактически он рассматривает одну из глобальных трансформаций, которая происходила на протяжении периода с XV по XVIII век. Он сосредоточился в исследовании на таких элементах, как повседневная жизнь человека, борющегося за обеспечение себе средств существования, то, как эти средства существования обеспечивались, как функционировала и развивалась рыночная экономика и как она перерастала в капитализм. Бродель постарался рассмотреть эти процессы как процессы, протекавшие в разных странах, но взаимосвязанно.

Подход школы «Анналов» во многом соприкасался с марксистским подходом. В этом журнале часто публиковались представители марксистской исторической школы, и в работах того же Фернана Броделя или Марка Блока можно увидеть и заимствование марксистских тезисов, и полемику с марксистскими тезисами, но, во всяком случае, такое научное взаимодействие там существовало.

Одной из последних попыток рассмотрения проблем глобальных трансформаций, причем современных, является концепция *постиндустриального общества*. Основоположником этой концепции считается Дэниел Белл, который еще в конце 50-х гг. выдвинул эту идею, которая получила наибольшую известность после публикации

в 1973 г. его работы «Грядущее постиндустриальное общество». В своей работе «Культурные противоречия капитализма» он выделил три основных направления развития социальных трансформаций: технико-экономическое, которое развивается по критериям эффективности, развитие отношений собственности и направление политического и культурного развития. Он полагал, что эти направления развиваются независимо друг от друга, но могут как-то друг на друга влиять.

Упор в понимании тех трансформационных процессов, которые происходили в последнюю треть XX века, с точки зрения постиндустриальных концепций делался на технологические изменения, в первую очередь, и на их экономические, социальные, культурные последствия. Но целостного взгляда на процесс трансформации, который претерпевало общество, постиндустриалисты обеспечить не смогли. Они хватались за отдельные сдвиги в технологиях, за какие-то видимые социальные последствия этих технологических сдвигов, абсолютизировали их и превращали в некую своего рода универсальную отмычку для объяснения всех происходящих в обществе процессов. Главным образом они принимали во внимание два сдвига. Это падение удельного веса промышленности в валовом продукте, что сопровождалось соответствующим ростом удельного веса сферы услуг, и развитие информационной революции.

При этом они не только абсолютизировали эти сдвиги, очень часто забегая вперед, но и давали чрезмерно прямолинейную интерпретацию их влияния на общество. Отчасти постиндустриалисты заимствовали методологию марксизма (во всяком случае, Дэниэл Белл это признавал), в первую очередь — определяющее влияние материальных факторов на общественное развитие. При этом они сами такое влияние признавали, но их взгляд более эклектичен. У них нет четкого представления о субординации факторов, которые приводят к трансформации общества. И они отличаются от марксизма тем, что избегают исследовать такие проблемы, как противоречия классовых интересов и возможность социальных революций, хотя наличие тех или иных конфликтов интересов они не отрицают.

С наших позиций цивилизационное развитие представляет собой динамический исторический процесс. Этот процесс не цикличен. Он протекает как развитие от одного этапа человеческой цивилизации

к другому. Поэтому существенное значение имеет то, как мы определяем критерии выделения этих этапов развития и как мы определяем причины перехода от одного этапа к другому.

Соответственно, если мы говорим о том, что развитие не циклично, а оно направленно, оно имеет некоторый вектор, то мы сразу сталкиваемся с проблемой, которая в последние десятилетия является предметом дискуссий, а именно — есть ли *исторический прогресс*. Релевантна ли для развития цивилизации идея прогресса и есть ли он? И, соответственно, возникает вопрос о *критериях прогресса*. Ответ на вопрос о том, что такое прогресс, существует. *Поскольку мы говорим о развитии человеческой цивилизации, то есть о развитии самого человека, то критерием прогресса является прогресс в человеческом развитии, в развитии человеческих качеств, свойств и способностей*. И то, что способствует развитию человека, что способствует разворачиванию его способностей и возможностей, то прогрессивно. А что мешает этому, то регрессивно. И если мы подойдем к истории с таким критерием, мы увидим, что человеческая история характеризуется сочетанием прогресса и регресса.

Всегда прогресс покупается ценой регресса в отдельных аспектах, и прогресс не является непрерывным, он может сменяться регрессивными периодами отката в историческом развитии. Такие периоды возникают, и они, как правило, связаны с глобальными трансформациями. *История человеческой цивилизации знает несколько глобальных кризисов, связанных с периодами исторического регресса*.

Первый из них можно зафиксировать буквально на заре человеческой цивилизации. *Примерно 30–50 тысяч лет назад это был кризис охоты и собирательства*. Человечество, развив технологии охоты и собирательства, увеличило свою численность, и это привело к постепенному истощению доступных ресурсов для собирательства и для охоты. Два основных ответа было на эту проблему, на это противоречие. Первый — это миграция. Человек стал заселять доступные ему новые пространства для того, чтобы найти средства для существования. И второй ответ на эту проблему заключался в том, что был осуществлен переход от так называемого присваивающего хозяйства, то есть охоты и собирательства, к производящему, к земледелию и скотоводству. Но прежде чем произошел переход,

разразился демографический кризис, произошло падение численности человеческой популяции в несколько раз. Как мы видим, причина такой первой большой трансформации связана с особенностями процесса производства, которое вел первобытный человек. Тот уровень техники и технологий, который был доступен человеку в этот период, натолкнулся на естественные границы. И для того чтобы преодолеть эти естественные границы, человечество вынуждено было изменить технологию добычи средств существования.

Следующий такой крупный цивилизационный кризис — это так называемая *катастрофа бронзового века*. Это катастрофа, которая произошла в процессе перехода от бронзового к железному веку не только в Европе, не только на Ближнем Востоке, но и в некоторых других обществах. По крайней мере, на материале Европейского Средиземноморья и Ближнего Востока это четко зафиксировано. Этот переход от бронзового века к железному был связан с катастрофическими изменениями: произошли резкие изменения общественного строя, утрата многих производственных и культурных традиций, в том числе, кстати говоря, и письменности. Некоторые виды письменности исчезли. Например, критская линейная письменность исчезла. Были разрушены очень многие государства и крупные города.

Чем была вызвана эта катастрофа? Рядом взаимосвязанных факторов. Важнейшим фактором считают достижение локального климатического минимума, связанного с падением влажности климата и чередой катастрофических засух, что привело к упадку добычи средств существования, вызвало миграцию многих народностей из регионов, которые наиболее пострадали от этого, в регионы с более благоприятным климатом. Один из примеров такой миграции — это вторжение дорийцев на Пелопоннесский полуостров и последующее за этим разрушение микенской и крито-минойской культуры. Но это было не единственное потрясение такого рода. Доступные письменные источники — египетские, греческие, хеттские — рисуют картины засухи и голода, землетрясений, нашествий, внутренних мятежей и восстаний и так далее.

Эти потрясения сказались и на технологическом регрессе. Поскольку производство бронзовых орудий труда и оружия основывалось на выплавке бронзы, которая, как известно, является сплавом

меди с оловом, производство бронзовых орудий критически зависело от поставок олова. Дело в том, что олово не является в Европе повсеместно распространенным материалом, в отличие от меди или железа. Месторождений олова очень немного. Все эти потрясения вызвали полное прекращение или существенное снижение поставок олова, что сделало невозможным массовое производство бронзы и, с одной стороны, привело к значительному упадку цивилизации, а с другой стороны, вынудило перейти к широкому использованию железа, месторождения которого были гораздо более доступны. Хотя при тогдашнем уровне технологий качество железных орудий было значительно ниже, чем качество бронзы, но другого выхода не было. Произошел переход в железный век. Началась борьба за повышение качества изделий из железа и его сплавов.

Можно решить, что данная трансформация была вызвана чисто природно-климатическими причинами. Но на самом деле корень проблемы лежал в неспособности технологий бронзового века дать адекватный ответ на эти природные катаклизмы. Они оказались очень уязвимы перед лицом проблем, вызванных климатическими сдвигами.

Еще одна катастрофа такого же рода и, вероятно, имевшая схожие причины — это *Великое переселение народов*, которое привело к гибели Западной Римской империи и вообще к значительным демографическим и культурным сдвигам на территории всей Европы. Например, часть германских племен, англосаксы, были вытеснены с европейского континента в Британию, были значительно потеснены германцами кельтские племена, а сами германцы, в свою очередь, подверглись давлению со стороны кочевых степных народов через Причерноморье, произошла славянская колонизация Балкан и так далее. Опять-таки это произошло в связи с наступлением локального климатического минимума. Причем проблема обострялась тем, что перед этим, примерно с третьего по пятый век нашей эры, был климатический оптимум, который привел к значительному росту производства продовольствия, соответственно, к демографическому росту, и когда наступил климатический минимум, этому возросшему населению стало нечего есть. И опять началось движение народов с наиболее пострадавших территорий с континентальным климатом в районы с более мягким климатом в Средиземноморье.

Как уже было сказано, произошло крушение Западной Римской империи, население Южной Европы снизилось почти в 4 раза. Многие города и села были заброшены. Произошел упадок земледелия. Хронистами отмечаются частые ливни, непогода, наводнения, массовый голод, неурожай, поздние заморозки, жертвами которых становились перелетные птицы. Например, в Норвегии в VI веке н. э. было заброшено 40 % крестьянских хозяйств.

И здесь не стоит ограничиваться лежащим на поверхности объяснением этих трансформаций только климатическими причинами. Массовые миграции племен случались и ранее, но в данном случае Великое переселение народов совпало с внутренним кризисом античной социально-экономической системы, что не позволило Риму устоять перед натиском «варваров».

Еще один глобальный кризис — это *кризис начала XVII – начала XVIII веков в Европе*. Он характеризовался кризисом системы абсолютизма, демографическим спадом (это еще один пик Малого ледникового периода), многочисленными войнами, снижением плодородия почвы в результате длительного применения системы трехполья. Одновременно с европейскими событиями мы наблюдаем аналогичные потрясения на Востоке, например, падение империи Мин в Китае, аналогичные потрясения в Индии (монголо-маратхские войны).

Ответом на эти катастрофические события был переход в Западной Европе к более интенсивным системам земледелия. Произошел переход от трехполья к плодосменным и травопольным системам, сочетаемым с интенсивным животноводством, что обеспечивало органические удобрения для восстановления плодородия почвы. Переход к более интенсивному земледелию вызвал высвобождение рабочих рук (формирование аграрного перенаселения), которые были постепенно поглощены за счет роста мануфактурной промышленности. Это был негладкий процесс, сопровождавшийся очень сильной социальной напряженностью, потому что высвобождение избыточного сельского населения и поглощение этого избыточного населения мануфактурной промышленностью были довольно сильно разнесены во времени. Но во второй половине XVIII века уже начинает ощущаться недостаток рабочих рук. Это привело сначала в Великобритании, а потом и в остальных странах

Европы к промышленному перевороту, что сопровождалось временным понижением стоимости рабочей силы.

Сформировался новый кризис, *кризис роста, сопровождавшийся рабочими восстаниями в первой половине XIX века*, затем *революционным кризисом в первой четверти XX века*. Но, поскольку это были кризисы роста, они не сопровождались упадком и регрессом, а, наоборот, давали толчок прогрессивному историческому развитию.

Теперь несколько слов о современных кризисных явлениях и о проблеме трансформаций, в эпоху которых мы уже вступаем. *Современные трансформации имеют и технологический, и экологический, и социальный, и гуманитарный состав*. Современный технологический прогресс привел к значительному росту возможностей удовлетворения потребностей человека, однако экономические условия применения новейших технологий создают такую ситуацию, когда, с одной стороны, формируются избыточные, иллюзорные, навязанные потребности для одной части населения Земли и возникает феномен массового недопотребления для другой. Если мы себе представим, что достижения современного технологического прогресса, дающие возможность высокого уровня удовлетворения потребностей человека, будут распространены по всей планете, то при современном уровне развития технологий для поддержания такого уровня потребления не хватит ресурсов Земли.

Это ставит определенный предел решению проблемы развития относительно отсталых стран до уровня наиболее развитых. Кроме того, современный технологический прогресс связан с возрастанием технологических рисков, с угрозой техногенных катастроф, с возрастающей доступностью производства средств массового поражения, с возможностями, которые возникают в области технологического вмешательства в природу человека и которые связаны с развитием средств манипулирования массовым сознанием. Все это стало возможным с развитием современных технологий, применение которых оказалось вне надежных средств общественного контроля. И эти риски пока человечество преодолевать не научилось.

Что касается экологического аспекта, то рост экологической напряженности уже много десятилетий является общим местом. Но от этого он не перестал быть реальной угрозой. Статистика неумолимо свидетельствует о том, что возможности естественного возобновления

природных ресурсов Земли с каждым годом сокращаются. И фактически мы сейчас уже длительное время в течение одного года потребляем больше ресурсов, чем Земля может воспроизвести. Этот так называемый экологический долг из года в год непрерывно возрастает.

И дело не только в климатической повестке, которая у всех на слуху, но и это, я бы сказал, как раз наиболее сомнительный аспект экологического кризиса с точки зрения утверждений, что модификация климата имеет технологическую природу. Возможно, да, но, скорее всего, нет. Скорее всего, это все-таки результат природно-циклических процессов. А вот другие составляющие экологического кризиса, на которые обращают меньше внимания, — они куда как более вредны. Это подрыв воспроизводства природных ресурсов, падение плодородия почвы, сокращение площади лесов, сокращение доступности чистой воды, падение биологического разнообразия, то есть исчезновение видов животных и растений, рост загрязнения окружающей среды. Последнее включает механическое загрязнение, накопление неразлагаемых отходов, особенно пластика. В море, в мировом океане плавают целые многокилометровые острова из пластика. Сюда же относится химическое загрязнение. В особенности опасно распространение солей тяжелых металлов. В городах, кроме этого, имеется электромагнитное загрязнение, акустическое загрязнение, а также информационное загрязнение. Последние три вида не выступают непосредственной угрозой глобальному экологическому равновесию, но, конечно, ухудшают среду обитания человека.

Социальные составляющие современных кризисных явлений заключаются в росте дифференциации доходов населения и имущественной дифференциации. Сейчас уровень дифференциации доходов близок к тому, который существовал в конце XIX – начале XX века, и был одной из причин революционного кризиса первой четверти двадцатого века, который охватил очень многие страны — почти всю Европу, Китай, Мексику, Бразилию.

Еще одна социальная проблема — это раздувание фиктивных потребностей в погоне за расширением рынка сбыта. Чтобы увеличить сбыт, различными методами манипулируют сознанием человека, ему навязываются различного рода фальшивые, иллюзорные, симулятивные потребности, которые только симулируют (имитируют)

реальные потребности человека. Да и методы удовлетворения этих потребностей тоже симулятивны. На самом деле они никакого удовлетворения потребности не дают, а только обозначают это удовлетворение. Эта проблематика, кстати говоря, была поднята в широких масштабах впервые французскими постмодернистами, в первую очередь Жаком Бодрийяром в его книге «К критике политической экономии знака»², но и многими другими представителями не только французской школы. Скажем, в работах Фредерика Джеймисона³ тоже эта проблема исследовалась, хотя он не считает себя постмодернистом.

Надо сказать, что постмодернистская философия выступила довольно ярким отражением тех социально-культурных проблем, с которыми столкнулся современный капитализм. Она очень многое подметила точно в этих проблемах и противоречиях, но оказалась методологически беспомощной в том, чтобы предложить хоть какие-то решения или какие-то новые способы познания реальности. Те подходы, которые предлагал постмодернизм, достаточно быстро обнаружили свою несостоятельность, поскольку сами несли на себе отпечаток того культурного и идейного кризиса, который они пытались объяснить. И мода на постмодернизм, вспыхнувшая в 80-е и 90-е гг., довольно быстро сошла на нет. К сожалению, как всегда, мы очень долго цеплялись за фалды этой моды, когда она уже там прошла. Думаю, что и у нас уже настало отрезвление по этому вопросу.

Еще одной социальной составляющей нынешнего кризиса является нарастание явления социальной депривации и маргинализации. Фиксируется эффект атомизации общества, изоляции человека от других людей (социальной изоляции) нарастание различного рода маргинальных процессов, то есть процессов, которые выбиваются из принятых социально-культурных стереотипов поведения, которые отклоняются от этих стереотипов, и не сказать, что в лучшую сторону.

С точки зрения социальной структуры общества симптомом кризиса является формирование широкого слоя так называемого

² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.

³ Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.

прекариата, то есть лиц с нестабильными условиями занятости и дохода. Это не люмпены, не маргиналы, это люди, которые обеспечивают себе средства существования, но их существование крайне нестабильное. И их социальный статус является в значительной степени неопределенным.

Культурной составляющей современного кризиса является распад традиционных ценностей. При этом отсутствует неконсервативная альтернатива этому распаду. Когда общество сталкивается сейчас с этим распадом традиционных ценностей, то мы видим, что в качестве альтернативы предлагаются только консервативные или даже реакционные решения. Раньше существовала социалистическая альтернатива, но она потеряла значительную часть своей привлекательности, хотя и не сошла со сцены полностью. Поэтому преобладающей альтернативой этому распаду ценностей выступает право-консервативная альтернатива. Проще говоря, современному капитализму с признаками разложения и упадка в культурно-нравственном движении противопоставляется некий старый добрый капитализм, богобоязненный и пуританский.

А другой значимой влиятельной альтернативы пока нет, и нам приходится выбирать между продолжением разложения и упадка или возвратом назад в прошлое. Современное общество сталкивается также с противоречием культурной глобализации, с попыткой нивелирования национальных культур под англосаксонский стандарт, что ведет к утрате национального своеобразия, национальных ценностей, и в качестве реакции на этот процесс мы видим возрастание национализма, в том числе и в его крайних формах, в форме шовинизма. Не глобалистский, но интернациональный ответ, который ведет не к противопоставлению наций друг другу, а к формированию сотрудничества наций на иной основе, чем предлагали современные глобалисты, — такой интернациональный проект существует. Его влияние пока недостаточно сильно, его ориентиры довольно размыты, хотя какой-то период времени, краткий, он довольно шумно заявил о себе на Всемирных социальных форумах. Речь идет об альтерглобалистском движении или движении за альтернативную глобализацию (иное его название — альтернативное социальное движение). Сейчас, конечно, импульс этого движения ослаб, но потребность в таком проекте все-таки существует, и поиск альтернатив продолжается.

Еще один признак современного кризиса — это обострение противоречий в рамках мир-системной структуры, противоречий между ядром и периферией мирового хозяйства. Были надежды, что с распадом колониальной системы противоречия Север — Юг, а затем и Запад — Восток, постепенно уйдут в прошлое. Но эти надежды не оправдались. Деление мирового хозяйства на центр и периферию не только сохранилось, но и закрепилось. Тот факт, что отдельным странам удалось поменять свое место в этой дихотомии Север — Юг, никак не меняет факт существования самой этой дихотомии.

Периферии навязывается модель так называемого зависимого периферийного капитализма, который увековечивает периферийное положение соответствующих стран. И сейчас эти противоречия центра и периферии развиваются с нарастающей остротой, грозя привести к новой вспышке борьбы за передел мирового экономического порядка, и политического тоже, что чревато новыми военными конфликтами. Мы это видим буквально каждый день, то, что ситуация обостряется. Не факт, что нынешняя волна конфликтов не пойдет на спад через какое-то время, но само ее возникновение выступает очень тревожным симптомом того, что мы видим неурегулированные противоречия между Севером и Югом.

Одним из катализаторов современных кризисных процессов выступает господство транснационального финансового капитала. Проблема в том, что транснациональный финансовый капитал — это главный бенефициар сложившегося в настоящее время мирового экономического порядка. И поэтому те кризисные явления, противоречия развития цивилизации, которые мы сейчас наблюдаем, являются во многом следствием того, что глобальный финансовый капитал не хочет этот порядок менять, поскольку он извлекает из него выгоды. Он не хочет допускать перемен. Вообще, сейчас финансовый капитал стал главным инструментом извлечения прибыли из экономической деятельности. Если прибыль по-прежнему производится производительным капиталом, то главным инструментом ее присвоения служит капитал финансовый. И для финансового капитала экономически рационально исповедовать принцип «прибыль любой ценой», не считаясь ни с экологическими угрозами, ни с ростом социальной напряженности, ни с техногенными рисками. Все возможно, если это приносит экономическую выгоду.

Надо сказать, что промышленный капитал тоже таков. Но, в отличие от финансового, он способен производить реальные блага. А финансовый капитал лишь паразитирует на результатах реального производства. Когда-то финансовый капитал был формой, обслуживающей движение денег для финансирования производственного процесса. А сейчас он превратился в насос, который вытягивает ресурсы из производства.

В конечном счете тот рост напряженности в экономических, социальных, культурных, политических процессах, которые мы сейчас наблюдаем, определяется факторами технологического развития. Мы видим противоречие между возросшей технологической мощностью человечества, которая способна значительно расширить удовлетворение наших потребностей, и нашим неумелым использованием этого технологического потенциала, который подчинен удовлетворению узкокорыстных интересов финансовой олигархии, не считаясь с любыми разумными ограничениями. Оказывается, что существующие общественные отношения не обеспечивают преодоление техногенных угроз, не могут обратить технологический потенциал на пользу развитию человека, не могут прекратить бездумную растрату природных ресурсов в погоне за так называемой экономической рациональностью. Мы видим, например, такую ситуацию, когда общий объем продовольствия на Земле вполне способен накормить все человечество. Тем не менее огромная часть человечества голодает. Это определяется не технологическими причинами, не ограниченным технологическим потенциалом человечества. Это определяется, в данном случае, исключительно экономическими, общественными, политическими нуждами. Тем не менее социальные, экономические, культурные изменения происходят, остановить их невозможно. И именно в этих изменениях заключается одновременно и потенциал преодоления тех противоречий, с которыми сталкивается сегодня цивилизация.

Технологии, с одной стороны, в современных общественных условиях создают дополнительные противоречия, дополнительные напряжения, дополнительные риски, а с другой стороны, именно технический прогресс создает потенциальные возможности преодоления всех этих проблем. Но об этом мы поговорим на следующих лекциях.

Рекомендуемая литература

- Агирре Рохас К. А.* «Анналы» и марксизм // Французский ежегодник. 2009. Т. 41. С. 367–389.
- Бодрунов С. Д.* К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. 2020. № 3 (23). С. 52–66.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Составление и комментарии А. В. Белова. Отв. ред. О. А. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
- Семенов Ю. И.* Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради», 2003. 776 с.
- Тойнби А. Дж.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / Пер. с англ. К. Я. Кожурина. М.: АСТ, 2009. 670 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. Т. 1. М.: Мысль, 1993. 663 с.
- Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 19. С. 208–230.
- Rostow W. W.* The Stages of Economic Growth // The Economic History Review, New Series. 1959. Vol. 12. № 1. P. 1–16.

Тема 2

Предмет и метод общей теории ноономики¹

Рассматриваемые вопросы

1. Ноономика как научная гипотеза.
2. Методология исследования ноономики.
3. Исторический и системный взгляд на технологические и социально-экономические трансформации.
4. Марксистский метод в политической экономии и социальной философии: роль в исследовании трансформационных процессов и в разработке теории ноономики.

Предыдущая лекция была посвящена обзору основных концепций глобальных трансформаций. В продолжение данной темы отметим, что технологические и социально-экономические трансформации конца XX – начала XXI в. имеют различную теоретическую квалификацию. С 1970-х гг. прошлого столетия господствующим направлением стала характеристика нового качества технологического и социально-экономического развития общества при помощи таких категорий, как «экономика знаний»², «постиндустриальное (информационное) общество»³ и т. д. Последние два десятилетия

¹ Автор лекции: *Яковлева Наталья Геннадьевна*, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, доцент Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета и ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

² *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 462 с.

³ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; *Castells M.* The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997. Vol. II. 564 p.; *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.

растет популярность квалификации, использующей категории «креативная экономика»⁴ и «цифровая экономика»⁵.

Постиндустриальные тренды в странах ядра обернулись деиндустриализацией, тогда как в странах периферии и особенно в экономиках полупериферии (мы пользуемся категориями мир-системного анализа, основоположниками которого были С. Амин⁶ и И. Валлерстайн⁷) разворачивалась активная индустриализация, что способствовало успешной реализации предпринятой ими стратегии модернизации на основе догоняющего развития. Как отмечали и отмечают российские ученые-экономисты (С. Д. Бодрунов⁸, А. В. Бузгалин⁹, С. Ю. Глазьев¹⁰, Р. С. Гринберг¹¹, В. Т. Рязанов¹² и др.), постиндустриализм оказался миражом, ведущим к нарастанию в экономике и обществе рыночного фундаментализма и финансиализации. Реальные изменения развернулись прежде всего в материальном производстве. В условиях «обретения» знаниями роли главного средства и ресурса развития технологии претерпевают качественное обновление.

В последнее десятилетие в научной литературе все чаще поднимаются проблемы социально-экономических последствий технологических трансформаций. Несмотря на важность и очевидность

⁴ Coy P. Creative economy // Business Week. Special double issue: The 21st century corporation. 2000. P. 1–5.

⁵ Negroponte N. Being Digital. N. Y.: Knopf, 1995. 264 p.

⁶ Amin S. Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism. N. Y.: Monthly Review Press. 1976. 440 p.; Amin S. Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure. Oxford: Pambazuka Press, 2011. 350 p.

⁷ Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge: Cambridge University Press. 1979. 305 p.; Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. Пер. с англ. / Вступ. ст. Г. М. Дерлугьяна. М.: URSS, 2020. 304 с.

⁸ Бодрунов С. Д. Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза // Мир перемен. 2018. № 4. С. 172–181.

⁹ Бузгалин А. В. Закат неолиберализма: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.

¹⁰ Глазьев С. Ю. Догматизм и научная революция в экономике // Экономические стратегии. 2016. № 5 (139). С. 6–13.

¹¹ Гринберг Р. С. Мифы о свободном рынке должны уйти в прошлое // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. М.: Культурная революция, 2014. С. 15–17.

¹² Рязанов В. Т. Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 48–64.

этих вопросов, многие ведущие направления и теории экономической науки препятствуют комплексному взгляду на данную проблему, многие положения мейнстрима (экономикс) с трудом подвергаются переосмыслению и саморазвитию, что тормозит развитие экономической теории. В этих условиях большее внимание получают направления, которые, используя альтернативную методологию и междисциплинарный подход, показывают непосредственную связь технологического развития и вызванных им трансформаций социально-экономической системы. В число последних входит разработанная д. э. н., членом-корреспондентом РАН, профессором С. Д. Бодруновым концепция нового индустриального общества второго поколения (НИО.2)¹³. Автор данной концепции показывает, что эти изменения знаменуют промежуточный пункт трансформаций, которые идут дальше, по направлению к новому типу общественного устройства — ноономике.

Приведем определения ноономики, которые даются автором одноименной теории. «Ноономика (первичное определение) — неэкономический способ организации хозяйственной деятельности, ориентированный на удовлетворение конкретных потребностей человека на основе критериев разумности, определяемых развитием знания и культуры»¹⁴. «Ноономика (расширенное определение) — неэкономическая общественная форма хозяйственной деятельности людей, нацеленная на удовлетворение ноопотребностей (в первую очередь — потребностей в развитии личности человека) на основе развития ноопроизводства, то есть такого производства, которое осуществляется при выходе человека из непосредственной трудовой деятельности („безлюдное производство“) и управлении технологической сферой как внешней по отношению к человеку сфере реализации потенциала человеческого познания»¹⁵.

Прежде чем приступить к рассмотрению предмета и метода общей теории ноономики, необходимо отметить, что на сегодняшний

¹³ Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2016. 327 с.

¹⁴ Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. С. 175.

¹⁵ Там же. С. 194.

день существует определенная научно-образовательная база¹⁶, которая содержит обобщения и изложение базовых идей, которые прорабатывались автором теории ноономики на протяжении двух последних десятилетий и обсуждались в российском и международном научном, экспертном и деловом сообществах, в частности на открытых международных лекциях в Кембридже, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Пекине, Москве.

Концепции, которые излагаются в данном курсе, в настоящий момент имеют статус научных гипотез, поскольку ноономика, как неэкономический способ хозяйственной деятельности, пока не стала осязаемой реальностью в такой степени, чтобы ее наступление можно было считать совершенно несомненным. Научная гипотеза — это научная теория, построенная на основе исследования реальных фактов и закономерностей. Исходя из этого, *ноономика — это научная теория, которая основана на изучении современных тенденций в развитии технологий и обусловленных ими социальных сдвигов.*

Теория ноономики прежде всего основывается на тезисе о приоритете материального производства как базисе общественного развития. В этом отношении данная теория развивает идеи классической политической экономии и опирается на ряд достижений марксистской политической экономии. Характеризуя материальное производство, автор теории ноономики показывает его историческую эволюцию, большое внимание уделяя вопросам индустриализации¹⁷.

Техника и технологии, с одной стороны, и общественные отношения людей — с другой, тесным образом связаны в процессе именно *материального производства.*

¹⁶ Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.; Бодрунов С. Д. Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.; Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.; Журнал «Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте». URL: <https://noonomy-journal.ru/index.php/ru/>

¹⁷ Многие работы С. Д. Бодрунова были посвящены теме индустриализации, реиндустриализации, с особым акцентом на необходимость преодоления деиндустриализации, которая стала проблемой не только России, но и многих стран мира в конце XX – начале XXI вв.

Далее предлагаем коротко рассмотреть историческую эволюцию материального производства. В последующих лекциях данный вопрос будет изучен более подробно.

Материальное производство — это:

- *производство материальных условий жизни* человеческого общества (человеческое общество не может существовать, не производя);
- *производство общественных отношений людей*, производство их общественной жизни, или производство общественного человека.

Характер материального производства и производственной деятельности людей определяет общественные отношения в производстве, т. е. общественное устройство производства. В свою очередь *общественное устройство производства выступает как основа всех остальных общественных отношений людей* (социальная структура общества, культура, идеология, политика, социальная психология и т. д.). Общественные отношения — это не пассивный слепок с отношений производства, они также активно влияют на развитие производственной сферы.

Производство — это процесс, в котором человек преобразует то, что дано ему природой, приспособлявая природную материю для своих нужд, придавая ей форму, необходимую для потребления. Преобразовывать природу можно только в том случае, если понятно, как она устроена, открыты законы, по которым существует природа. Поэтому необходимо научное познание мира, без которого становится невозможным совершенствование техники и технологий.

На общественное устройство влияют все элементы производственного процесса: уровень производительности, характер применяемых орудий труда, технология производства, структура производимого продукта, содержание трудовой деятельности и вытекающие отсюда способы организации производства. Разным ступеням развития элементов производственного процесса соответствуют и разные *типы социально-экономического устройства общества*.

Переход от присваивающего хозяйства и преимущественно каменных орудий труда к производящему хозяйству с применением металлических орудий труда привел к развитию разделения труда

(разделение земледелия и скотоводства, отделение ремесла от сельского хозяйства и др.) и послужил основой перехода от чисто натурального хозяйства к товарному, а возникшее вместе с этим производство прибавочного продукта сделало возможным развитие различных форм эксплуатации.

Переход от преимущественно ручных орудий труда, на основе их специализации и использования универсальных тепловых двигателей, не зависящих от природных источников энергии, к машинам, создал *предпосылки для перехода к новому способу производства*¹⁸.

Развитие техники и технологий влияло на трансформацию общественных отношений. С распространением машинной техники и технологий развитие товарного обмена, денежного обращения и развитие капиталистических отношений получили новый толчок и основу для широчайшей экспансии, что привело к *господству капиталистического способа производства и развитию мирового рынка*.

Машинное производство принесло с собой огромный прогресс разделения труда, рост производительности, развитие многообразия потребностей человека и открытие все новых способов их удовлетворения. Этот прогресс послужил формированию иллюзии «господства над природой».

Становление машинного производства — *первая ступень развития индустриального производства*, сущность которого состоит в массовом производстве стандартизированных изделий для удовлетворения массовых потребностей людей.

Современное индустриальное производство основывается как на машинных, так и немашинных технологиях, построенных на контроле человека над разного рода немеханическими — физическими, химическими, биологическими, информационными — процессами.

¹⁸ В марксистской политической экономии *способ производства* определяется как ступень развития общественного производства, в основе которой лежит противоречивое взаимодействие производительных сил исторически определенного уровня и характера, и соответствующей им системы производственных отношений (Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. М.: URSS, 2022. С. 139–144).

Эволюция индустриального производства во многом определяет сдвиги в социально-экономическом развитии общества на протяжении уже более двухсот лет.

По сей день материальное производство остается основой самого существования экономики:

- материальное производство остается производством по преимуществу индустриальным;
- индустрия является основой, которая через научный и технологический прогресс создает возможности для все более полного удовлетворения непрерывно возрастающих потребностей человека.

Теория ноономики исходит из того, что *принципиальной особенностью текущего периода развития мировой экономики является качественная трансформация ее технологического базиса.*

Как отмечает С. Д. Бодрунов, в условиях «ускорения ускорения» технологического развития происходит непрерывный рост емкости производства и интенсивности внедрения инноваций. Наступающее новое индустриальное общество второго поколения заключает в себе революционирующую роль шестого технологического уклада¹⁹.

¹⁹ Термин «технологический уклад» впервые в нашей стране был введен в научный оборот Л. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым: «Технологический уклад — система взаимосвязанных производств (включающих взаимозависимые технологические цепочки) с одинаковым техническим уровнем, которые могут рассматриваться как подсистема более широкой системы общественного производства, включающей разные технологические уклады» (см.: *Львов Д. С., Глазьев С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. Т. 22. № 5. С. 793–804*). Согласно теории «технологических укладов», «ядром технологического уклада выступает определенный набор базисных технологий, применяемых на протяжении достаточно длительного времени. Технологические нововведения, определяющие формирование ядра, называются ключевыми факторами» (*Глазьев С. Ю., Харитонов В. В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009. С. 10–11*). С. Д. Бодрунов отмечает: «В первое десятилетие 2000-х гг. стартовал переход к шестому технологическому укладу, для которого, как предполагается, будет характерно широкое распространение биотехнологий, когнитивных и других немашинных и гибридных с машинными технологий, нанотехнологий» (см. *Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации: Монография. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. С. 47*).

Существенным отличием ноономики от работ теоретиков пост-индустриального общества является то, что автор данной теории видит основание будущего не в отрицании ведущей роли материального производства, а в формировании его нового качества — *знаниеемкого индустриального производства*, в котором главным источником развития становится знание, наука превращается в непосредственную производительную силу, а культура, формирующая человека, и образование «через всю жизнь» становятся основными условиями эффективной производственной деятельности.

Однако технологические трансформации вкупе с противоречиями современного этапа развития капиталистической системы ведут к *формированию глобальных вызовов для будущего цивилизационного развития* (рост нагрузки на природную среду, усиление неравенства, в том числе в доступе к основным благам, возрастание зависимости человека от технической и информационной среды, вмешательство в непосредственную природу человека и его личность и др.). Ответом на подобные вызовы могут стать качественно новые общественные отношения. *Ноономика — это и есть переход к качественно новой системе общественных отношений, основой которой является неэкономический способ удовлетворения потребностей людей.*

Ноономика в работах С. Д. Бодрунова характеризуется как система отношений, в которой происходят качественные изменения, ведущие к общественному развитию, лежащему, по определению К. Маркса, «по ту сторону собственно материального производства»²⁰, более того, «по ту сторону» собственно экономических отношений. В основе этого процесса лежит прогресс технологий, приводящий к тому, что человек занимает новое место в общественной производственной системе и выступает в качестве «контролера и регулировщика» автоматизированного технологического процесса.

Эти положения Маркса в работах автора теории ноономики сопрягаются с современными трендами в области развития материально-

²⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: Политическая литература, 1968. С. 280, 476.

технической базы производства и производственных отношений, с одной стороны, и процессами в сфере культуры — с другой. В результате этого сопряжения определяется, что общество продвигается к системе отношений, в которой собственность, деньги, капитал и другие отношения рыночной экономики постепенно снимаются новым типом общественных отношений, в которых формируется новый человек (ноочеловек), с новой системой ценностей и стимулов, связанных с саморазвитием и самореализацией. Происходит постепенное замещение прежних, утилитарно-стимулятивных потребностей новыми — потребностями в совершенствовании человеческих качеств.

Как отмечает А. И. Колганов²¹, *«теория ноономики относится к крайне редким в настоящее время теоретическим концепциям, которые, во-первых, носят исторический характер (то есть рассматривают развитие своего предмета в историческом времени, выявляя его специфику на различных исторических этапах). Она представляет собой приложение метода материалистического понимания истории к современной эпохе, позволяя увидеть формирующиеся цивилизационные развилки. Понимание характера исторического развития техносферы²² и человеческого общества в их взаимодействии и взаимообусловленности позволяет выявить те закономерности, которые с объективной необходимостью определяют переход от одной ступени развития к другой, от настоящего — к будущему. Во-вторых, теория ноономики не только обладает прогностическим потенциалом, но и по своему содержанию нацелена на формирование глубоких прогнозов развития цивилизации. В-третьих, она носит междисциплинарный характер, начиная от исследования закономерностей технологического развития и содержания человеческой деятельности, через изучение социально-экономических отношений,*

²¹ Колганов А. И. Технологическая революция: необходимость и возможность качественных изменений в социально-экономическом развитии // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 4. С. 125–132.

²² *Техносфера* — совокупность объектов техногенного происхождения (созданных, произведенных человеком) и преобразованная с их помощью часть биосферы. В широком смысле слова в техносферу входят и все условия осуществления производственной деятельности — знания, умения, отношения между людьми в процессе производства, и т. д. Подробнее см. Бодрунов С. Д. Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. С. 49.

определяемых этим развитием, эволюции форм собственности, человеческих потребностей, роли знаний и культуры, социальной структуры общества, роли и функций государства, вплоть до социально-философских и идеологических выводов»²³.

В работе Г. А. Маслова²⁴ рассматриваются три фундаментальных направления в экономической науке, пересекающихся по предмету и исследовательским подходам с теорией ноономики и ставших, как нам представляется, основными методологическими истоками данной теории: классическая политическая экономия и метод марксистской политической экономии, традиционный институционализм, теории технико-экономического развития.

Методологическая основа представленного в данном курсе лекций учебного курса — *философская составляющая подходов к изучению социально-экономической реальности в эпоху индустриального способа производства и прежде всего — методы исследования, принятые в классической марксистской политической экономии*²⁵.

Одним из первых ученых, внесших существенный вклад в то, чтобы поставить изучение взаимного влияния развития техники и технологии, с одной стороны, и социально-экономического строя общества — с другой, на научную основу, был *Карл Маркс* (1818–1883). К. Маркс дал развернутое обоснование материалистического подхода в общественных отношениях — общественные отношения людей определяются материальными условиями их производства, а их взаимодействие определяет переход от одной исторической ступени развития общества к другой. *Материалистический подход в общественных отношениях* — это основа марксистского метода в политической экономии.

Далее остановимся на аспектах марксистского метода в политической экономии и социальной философии, наиболее значимых

²³ Колганов А. И. Технологическая революция: необходимость и возможность качественных изменений в социально-экономическом развитии // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 4. С. 125–132.

²⁴ Маслов Г. А. Концепция НИО.2 и ноономики: истоки становления в экономической теории // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 142–151.

²⁵ Подробнее о методологии классической марксистской политической экономии и социальной философии см. в учебнике: Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. М.: URSS, 2022. 560 с.

для исследования трансформационных процессов и разработки теории ноономики.

Предмет политической экономии в марксизме — это преимущественно *объективные отношения людей* в процессе материального производства в широком смысле слова, т. е. как собственно производства, так и обмена, распределения и потребления (в терминологии марксистской политической экономии — *производственные отношения*). В этом — принципиальное отличие марксистской политической экономии от господствующего сегодня в экономической теории дискурса, обозначаемого словом «экономикс» (в более широком смысле — неоклассическая экономическая теория), где центром внимания является субъективный выбор индивида, причем преимущественно в сфере обмена, а не производства.

Кроме того, экономика в свете марксистской политической экономии представляет собой совокупность различных общественных систем, сменяющих друг друга в процессе исторического развития (*историко-системный метод исследования экономической реальности*). И это относится не только к рыночной экономике, но и к сложной системе нелинейно развивающихся и сменяющих друг друга способов производства — античного, азиатского, феодального, капиталистического (в терминологии Маркса — буржуазного). Для каждого из них характерны свои особенные производительные силы и производственные отношения.

Так, например, «капиталистический способ производства — это система, основанная на индустриальном труде, системе машин как главном средстве производства, развитом общественном разделении труда, достигающем мирового масштаба. Для этой системы характерны отношения товарного производства (а не просто рынок — всего лишь форма этих отношений), наемный труд лично свободного работника, присвоение прибавочного продукта в форме прибыли и производных от нее форм, специфический (подчиненный росту вещного богатства) технический прогресс и перемежающийся кризисами перепроизводства экономический рост»²⁶.

²⁶ Бузгалин А. В. Марксистская политическая экономия в XXI веке: производительные силы, производственные отношения, человек (200-летию со дня рождения Карла Маркса посвящается) // Научные труды Вольного экономического общества.

Таким образом, *экономика* — это не просто сфера функционирования тех или иных более или менее рациональных акторов — *это многообразие исторически развивающихся экономических систем*. При этом национальные экономические системы имеют свои *закономерности развития*, которые *специфическим* (для определенного пространства и для определенной цивилизации) образом преломляют общие законы экономического развития.

Метод марксистской политической экономии позволяет исследовать процесс развития общественных систем, в частности зарождение внутри уходящей системы переходных отношений, соединяющих в себе все еще господствующие отношения существующей социально-экономической системы и уже появляющиеся ростки будущей. Данную методологию возможно использовать и для анализа происходящей в настоящее время трансформации капиталистической системы в будущую посткапиталистическую.

Так, например, современной марксистской политической экономией исследуется феномен «*поздний капитализм*»²⁷. А. В. Бузгалин и А. И. Колганов определяют поздний капитализм «как этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост и др.) требует использовать элементы *пострыночных и посткапиталистических отношений* (например, отношения общественного регулирования экономики в таких формах, как активная промышленная политика, планирование и др.; рост общественных форм использования создаваемых благ, включая различные виды общественной собственности, обеспечение общедоступности ключевых ресурсов развития, таких как образование, здравоохранение и др., распространение „экономики солидарности“ и трансформация отношений собственности в информационной сфере; более активное перераспределение части прибыли и ренты на цели общественного развития, в частности через прогрессивный налог на доходы и наследство)»²⁸.

²⁷ Понятие «поздний капитализм» введено в работах Э. Манделя, Ф. Джеймисона (Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.; Mandel E. Late Capitalism. L.; N. Y.: Verso, 1978. 618 p.).

²⁸ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 2. Теория: глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: URSS, 2018. С. 52–53

С. Д. Бодрунов предлагает несколько иную, чем современные марксисты-политэкономы, систему шагов по продвижению к качественно новому, нежели экономический (в настоящее время — рыночно-капиталистический), способу удовлетворения потребностей — к ноономике. Это «квадрига ноономики»²⁹ — научно-технический прогресс, диффузия собственности (в том числе различные формы шеринга и диффузии прав собственности), социализация общества и солидаризм.

Метод марксистской политической экономии и социальной философии также позволяет увидеть *диалектическую*³⁰ *взаимоадекватность, с одной стороны, материально-технологической базы производства* (в марксизме это называют производительными силами), *а с другой — социально-экономических отношений* (в марксизме — производственных отношений).

Маркс показал, с одной стороны, как характер социально-экономических отношений двигает технический прогресс вперед, определяя ступени эволюции производительных сил, а с другой — как эта эволюция производительных сил модифицирует сам характер производственных отношений. Действительно мы видим, что с изменением облика современного производства меняется и роль рыночных отношений. Свободная конкуренция и бум предпринимательства, которые обеспечили высочайший прогресс производительных сил

²⁹ Бодрунов С. Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 5–14.

³⁰ *Диалектический метод* — это одно из важнейших мировых, универсальных достижений марксистской теории, выросшее из мощной философской традиции, истоки которой лежат в Античности, из великого методологического наследия Гегеля (прежде всего, его «Науки логики»). Диалектика, в отличие от формальной логики, носит системный характер. Она нацелена не на разрозненное применение диалектических «законов» или «принципов» к любому, произвольно очерченному предмету, а на изучение сложных систем, которые должны быть отражены в познании также в виде *системы научных категорий и понятий, выстроенных в соответствии с реальной диалектикой самой познаваемой системы*. Центральное место в диалектике занимает *проблема противоречия*. Если формальная логика строится на исключении противоречий, то диалектический метод опирается на изучение противоречий. Более подробно о философских основах метода марксистской политической экономии и социальной философии см. в учебнике: Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. М.: URSS, 2022. С. 40–51.

в XIX и XX веках, сегодня уже не справляются с созданными ими силами. И это подтверждается не только накопившимися глобальными проблемами, такими как экологический кризис, создание и использование оружия массового поражения и т. д., но и в том числе развитием самой капиталистической системы, требующим использования нерыночных механизмов. Один из примеров таких механизмов — планирование, методы которого используются уже более двух столетий, но наиболее активно — во второй половине XX века. Так, например, для прогресса высокотехнологичного материального производства (например, сложные ПНО-кластеры) сегодня недостаточны отношения свободного рынка и классические формы частной собственности, необходимы долгосрочные программы государственной поддержки, государственно-частное партнерство и т. д.

Исходя из марксистской социальной философии, основным критерием *«человеческого измерения» экономического развития* является *критерий прогресса*, а именно развитие человека, обогащение и развертывание его способностей.

История развития общества показывает изменение роли и места человека в общественном развитии. В современном мире человек с экономической (точнее — политэкономической) точки зрения становится главной производительной силой общества. Это обусловлено, в первую очередь, технологическим прогрессом и изменением в содержании труда. С гуманистической точки зрения — человек становится главной ценностью социального развития, так как является носителем общечеловеческих и культурных ценностей и является основным двигателем социального прогресса. Все это обуславливает важность формирования и развития человека и его потенциала.

В рамках теории ноономики, как и в марксистской теории, и в ограниченных аспектах — в поведенческой экономике, а также в ряде социологических теорий (например, в концепции социоэкономического человека), есть представление о том, что в современных условиях на смену homo economicus (рациональному экономическому человеку рыночной системы) приходит человек с другими качествами, другими ценностями и мотивацией. В частности, в трудах

С. Д. Бодрунова, посвященных проблемам человека³¹, показано, что на смену ключевым характеристикам «человека экономического» (ориентация на максимизацию утилитарных благ, денежного дохода, а в современных условиях — симулятивных благ; отношение к труду как обременению, исключительно конкурентные отношения между людьми и др.) приходит новый тип ценностей и мотивации. Это — движение к Новому человеку — «человеку культурному», для которого характерно творческое содержание труда, отказ от симулятивных потребностей³², развитие человеческих качеств как высшего критерия прогресса. Данный теоретический взгляд позволяет по-новому посмотреть на цели и средства экономического развития, поставив в центр вопрос об интенсивном развитии человеческого потенциала.

Мы исходим из того, что категория *человеческий потенциал* качественно отличается от категории «человеческий капитал». Сегодня многие зарубежные и российские авторы теоретико-экономическое исследование человека и его роли в экономическом развитии общества часто проводят, опираясь на понятие *человеческий капитал*. Введение и активное использование этого понятия, с одной стороны, свидетельствует о признании роли человека как одного из важнейших факторов современного экономического развития; с другой — отражает сведение многогранного существования человека в экономике к фактору увеличения стоимостного богатства. Человеческий потенциал включает в себя не только способность человека к репродуктивному труду (рабочая сила), но и потенциал творческой деятельности, личностного развития, роль которого в современной экономике и в будущем будет возрастать.

В будущем, на наш взгляд, доминирующую роль будет играть творческая деятельность как атрибут тех глобальных трансформаций

³¹ Бодрунов С. Д. От хомо экономикус — к хомо сапиенс // Вопросы философии. 2021. Т. 12. С. 18–31; Бодрунов С. Д. От экономических интересов — к нооценностям // Вопросы философии. 2022. Т. 7. С. 15–26.

³² *Симулятивные потребности* — иллюзорные, фальшивые потребности, навязываемые рыночной системой исключительно в погоне за расширением объема сбыта.

в экономике и обществе, которые происходят на наших глазах. В этой связи представляют интерес прогнозы Маркса о долговременных тенденциях развития материального производства, заключающиеся в вытеснении человека из непосредственного процесса материального производства, превращение человека не столько в непосредственного участника производства, сколько в его «контролера и регулировщика» на основе преобразования природных процессов в контролируемые и направляемые технологические процессы, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека», когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение предела для этого развития», и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»³³. Именно с этими изменениями в материальных условиях производства Маркс связывал свою идею о *скачке человечества «из царства необходимости в царство свободы»*.

В современной экономике возрастающую роль играют *знания*. Постоянное усовершенствование технологий, с одной стороны, должны опираться на глубокие фундаментальные и прикладные исследования, с другой стороны, на высокий уровень квалификации персонала. В этой связи критически важной является роль науки и образования в переходе к такой модели экономического развития, которая открыла бы путь к *непрерывной* модернизации экономики на основе приоритетного развития *знаниеемкого производства* — производства, главным фактором которого являются знания, а не машины или сырье.

Таким образом, *наука превращается в непосредственную производительную силу общества*. В результате происходит движение к более прогрессивному способу удовлетворения материальных потребностей, при котором человек становится «контролером и регулировщиком». Отсылка к данным выражениям Маркса часто

³³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: ИПЛ, 1968. С. 280, 476; Ч. II. М.: ИПЛ, 1969. С. 35, 110, 221.

встречается в работах С. Д. Бодрунова, и мы уже упоминали об этом в нашей лекции. «Тем самым происходит солидаризация теории ноономики с марксистским подходом в вопросе отказа от ныне господствующих экономических отношений в сфере материального производства. При этом, если продвижение к ноономике предполагает плавный и естественный уход экономических отношений как таковых в сфере материального производства, то движение к коммунизму, марксистской версии общественной формации будущего, связывается с острой классовой борьбой. В этом принципиальное различие подходов»³⁴.

Теория ноономики не сводит прогресс человеческой деятельности только к профессионально-техническим и технологическим знаниям, как освоенным человеком, так и воплощенным в средства производства. С одной стороны, прогресс технологий и содержания труда ведет к росту производительности труда и расширению возможностей удовлетворения человеческих потребностей. С другой стороны, масштабы производственной деятельности человека стали такими, что ведут к истощению ресурсов нашей планеты и разрушению среды обитания всего живого. В связи с этим дальнейшее наращивание потребления становится опасным для существования самого человека и человеческой цивилизации. Тем более если потребление в большей степени подстегивается манипулированием потребителей ради расширения сбыта за счет формирования симулятивных потребностей.

Последнее, что следует выделить — это *учет при решении экономических проблем социальных, политических и культурных аспектов и трендов*, того, что в марксизме называется «обратным влиянием надстройки на базис». Необходимо понимать, какие общественные слои и в каком соотношении друг с другом порождают тот или иной экономический строй. Так, например, сейчас стоит вопрос: какой социальный слой станет драйвером решения задачи развития знаниеемкого производства: креативный класс (Р. Флорида), прекариат (Г. Стэндинг, Ж. Т. Тощенко), социалиат (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов)?

³⁴ Маслов Г. А. Концепция НИО.2 и ноономики: истоки становления в экономической теории // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 142–151.

В данной вводной лекции мы показали предмет исследования общей теории ноономики и методологию, на которой базируется данная теория. В последующих лекциях мы подробнее остановимся на вопросах, которые расширят познание предмета исследования общей теории ноономики, при этом будем опираться на ту методологию, которую мы определили, как основную для данного курса.

Рекомендуемая литература

- Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
- Бодрунов С. Д.* Гиперразвитие финансового капитала как глобальная цивилизационная угроза // Мир перемен. 2018. № 4. С. 172–181.
- Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.
- Бодрунов С. Д.* От экономических интересов — к нооценностям // Вопросы философии. 2022. Т. 7. С. 15–26.
- Бодрунов С. Д.* От хомо экономикус — к хомо сапиенс // Вопросы философии. 2021. Т. 12. С. 18–31.
- Бодрунов С. Д.* Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 5–14.
- Бузгалин А. В.* Закат неолиберализма: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
- Бузгалин А. В.* Марксистская политическая экономия в XXI веке: производительные силы, производственные отношения, человек (200-летию со дня рождения Карла Маркса посвящается) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 211. № 3. С. 407–408.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В.* Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. М.: URSS, 2022. 560 с.
- Глазьев С. Ю.* Догматизм и научная революция в экономике // Экономические стратегии. 2016. № 5 (139). С. 6–13.
- Колганов А. И.* Технологическая революция: необходимость и возможность качественных изменений в социально-экономическом развитии // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 4. С. 125–132.

- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: Политическая литература, 1968. 628 с.
- Маслов Г. А.* Концепция НИО.2 и ноономики: истоки становления в экономической теории // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 142–151.
- Рязанов В. Т.* Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 48–64.

URSS

Тема 3

Эволюция индустриального производства. На пороге новой технологической революции¹

Рассматриваемые вопросы

1. Периодизация этапов научно-технического развития в рамках различных направлений.
2. Промышленные революции как точки трансформации глобальной экономики.
3. Автоматизация и химизация производства как основные факторы научно-технической революции и развития промышленного производства.
4. Изменение парадигмы развития международной торговли в новых технико-экономических условиях.
5. Трансформационная роль творческого труда в общественном воспроизводстве.
6. Отечественная политическая экономия и комплексное отражение технико-экономических трансформаций в различных социально-экономических системах.
7. Теория ноономики и современный рост знаниеемкости производства.

В рамках представленной темы акцент делается прежде всего на материальных предпосылках, сформировавшихся в XX веке, которые позволяют говорить о переходе на новый этап технико-экономического развития, о новой технологической революции. В этой связи важно отразить основные подходы, которые складывались

¹ Автор лекции: *Маслов Глеб Андреевич*, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора истории мысли и экономической истории Центра методологических и историко-экономических исследований Института экономики РАН, научный сотрудник Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета и научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

в общественной мысли, главным образом (но не только) экономической, касающиеся вопросов взаимосвязи развития технологий и экономических систем — *теории технико-экономического развития*:

- Советские экономисты («НТР и преимущества социализма»; Г. Н. Волков, А. А. Кузин, Н. В. Марков, С. В. Шухардин);
- Шумпетерианство (Д. Доси, Г. Менш, К. Перес, К. Фримен) — формирование волн, циклическое развитие, этапы роста глобальной конкуренции;
- Теория постиндустриального общества, экономики знаний (Д. Белл, П. Друкер, Э. Тоффлер);
- Теории жизненного цикла продукта (М. Познер, Р. Вернон, С. Линдер) — модификация теории сравнительных преимуществ, модели Хекшера—Олина, новая роль государства;
- Институциональные подходы (Ж. Фурастье, Дж. К. Гэлбрейт, Дж. Ходжсон) — теории индустриального общества, изменение институциональных структур, теория конвергенции;
- Теории человеческого капитала, «креативного класса» (Т. Шульц, Г. Беккер, Р. Флорида);
- Теория четвертой промышленной революции (К. Шваб);
- Постсоветская школа критического марксизма (А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, Л. А. Булавка-Бузгалина и др.);
- Теория нового индустриального общества второго поколения, ноономики (С. Д. Бодрунов).

Данные подходы стали формироваться во второй половине XX века, в период ускорения научно-технического прогресса, когда более актуальным становился вопрос соревнований между двумя системами. Тем самым со стороны экономической реальности, со стороны практики был очевидный запрос к экономической теории, которая должна была выработать рекомендации для победы в этой конкурентной борьбе.

В первую очередь важно сказать о разнообразии классификации этапов технико-экономического развития. Единой общепринятой концепции в этом вопросе нет, поскольку под разные исследовательские задачи формируются различные критерии выделения данных этапов.

Так, в концепции четырех промышленных революций² выделяются на протяжении истории три основные, наиболее мощные волны технико-экономических сдвигов, то есть технологических революций. Первая промышленная революция (конец XVIII века) связана с появлением машин, индустриализацией производства. Вторая промышленная революция (рубеж XIX–XX веков) ознаменована появлением многих новых отраслей. Стала развиваться металлургия, появился двигатель внутреннего сгорания, начало формироваться автомобилестроение. Активно, в гораздо больших масштабах, чем ранее, развивались различные виды транспорта (железные дороги, впоследствии авиация, появился известный конвейер Форда). Произошел качественный сдвиг в химии, в возможностях обработки материалов и освоения различных источников энергии (в том числе с процессом тотальной электрификации). Третья промышленная революция, согласно К. Швабу, пришлась на конец 70-х, начало 80-х гг. XX века, и она связывается с информационной революцией, то есть прежде всего с революцией в микроэлектронике.

Теория пяти технологических парадигм была разработана западными исследователями конца XX века, Кристофером Фриманом³ и Карлотой Перес⁴ (табл. 1).

Господство первой парадигмы также приходилось на конец XVIII века, и она соответствует промышленной революции, которая зародилась в Великобритании. Так называемый большой взрыв, то есть такое революционное изобретение, которое дало толчок революции, связано с открытием фабрики Аркрайта в одном из английских городов. Эта фабрика знаменовала собой переход производства

² Шваб К. Четвертая промышленная революция / Пер. с англ. М.: Издательство «Э», 2018. 208 с.; Lee M., Yun J. J., Pyka A., Won D., Kodama F., Schiuma G., Park H., Jeon J., Park K., Jung K. et al. How to Respond to the Fourth Industrial Revolution, or the Second Information Technology Revolution? Dynamic New Combinations between Technology, Market, and Society through Open Innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2018. Vol. 4. № 3. P. 1–24; Xu M., David J. M., Kim S. H. The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges // International Journal of Financial Research. 2018. Vol. 9. № 2. P. 90–95.

³ Freeman C. The Economics of Industrial Innovation: 2nd Ed. L.: Francis Pinter, 1982. 250 p.

⁴ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. 231 с.

Таблица 1

Технологические парадигмы К. Перес и К. Фримана.

Пять последовательных технологических революций, 1970–2000-е гг.⁵

Технологическая революция	Принятое название периода	Страна или страны экономического «ядра»	Большой взрыв, начавший революцию	Год
<i>Первая</i>	Промышленная революция	Великобритания	Открытие фабрики Аркрайта в Кромфорде	1771
<i>Вторая</i>	Эпоха пара и железных дорог	Великобритания (распространялась на Континентальную Европу и США)	Испытания парового локомотива «Ракета» для железной дороги Ливерпуль – Манчестер	1829
<i>Третья</i>	Эпоха стали, электричества и тяжелой промышленности	США и Германия, перенимающие инициативу у Великобритании	Открытие сталелитейного завода Э. Карнеги в г. Питтсбурге (шт. Пенсильвания)	1875
<i>Четвертая</i>	Эпоха нефти, автомобиля и массового производства	США (поначалу с Германией, соперничавшей с США за мировое лидерство), позднее распространилась на Европу	Первая «Модель-Т» произведена в Детройте (шт. Мичиган) на заводе Г. Форда	1908
<i>Пятая</i>	Эпоха информации и телекоммуникаций	США (распространяется на Европу и Азию)	Выпущен первый микропроцессор Intel в г. Санта-Клара (шт. Калифорния)	1971

⁵ Не пропустите золотой век // Стимул, 6 января 2018 г. URL: <https://stimul.online/articles/interview/ne-propustite-zolotoy-vek/>

от мануфактуры (ручная обработка материалов) к индустриальному производству (появление машины, которая «заменяет» некоторые части тела работников). Вторая технологическая парадигма знаменует собой эпоху пара (изобретение парового двигателя, давшее толчок развитию транспорта) и железных дорог. Такая транспортная революция естественным образом повлекла за собой экономическую революцию, поскольку интенсифицировались торговые связи. Можно было говорить уже о некоей протоглобализации, что, соответственно, дало толчок экономическому развитию во всем мире, но прежде всего в развитых странах. В конце XIX века произошел переход на третью технологическую парадигму, которая, по сути, пересекается со второй промышленной революцией в интерпретации К. Шваба. Наступила эпоха стали, электричества, тяжелой промышленности. На этом этапе в мировые лидеры выбились США, конкурируя с Англией и отчасти с Германией.

Вторая промышленная революция у Фримана и Перес, можно сказать, делится на две части, включая две технологические парадигмы. Ее вторая часть, то есть четвертая технологическая парадигма, связывается с эпохой нефти, автомобилей и в целом массового конвейерного производства. Конвейерное производство, зарождавшееся еще на рубеже XIX–XX веков, включило в себя уже более сложную продукцию (в частности, автомобили, становящиеся доступными относительно широким слоям населения). Поэтому в данном случае выделяется отдельная технологическая парадигма. Наконец, символом начала пятой технологической парадигмы, где США сохранили и укрепили свое лидерство, стало появление первого микропроцессора в 1971 г., выпущенного компанией Intel. Этот год можно условно назвать датой рождения микроэлектроники и в целом перехода к так называемому информационному обществу.

*Концепция Глазьева—Львова*⁶ включает в себя шесть технологических укладов. По сути, она очень тесно пересекается с концепцией технологических парадигм Фримана—Перес. Согласно авторскому определению, технологический уклад — это система соединения технологии с производством, предопределяющая во многом характер

⁶ Глазьев С. Ю., Львов Д. С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.

развития экономических отношений (определение также близко к интерпретации Фриманом и Перес технологической парадигмы). Однако в данном случае выделяется не 5, а 6 технологических укладов.

«Дополнительный», шестой технологический уклад, очень близко по своему наполнению пересекающийся с четвертой промышленной революцией, формально берет свое начало с периода кризиса 2008–2009 гг. Он связывается во многом с развитием информационных технологий, но уже на базе искусственного интеллекта (что в наше время все больше наблюдается в повседневной жизни), и более тонким воздействием на материалы, появлением нанотехнологий. Если говорить максимально общо, нанотехнология — это обработка материала на уровне наночастиц, то есть имеет место максимально «миниатюризованная» обработка материала. За счет этого, соответственно, становится возможным появление более дешевых и качественных новых материалов. К наиболее прорывным областям шестого технологического уклада также относятся биология, медицина. В наше время биология как наука имеет кардинально другое лицо по сравнению с тем, когда методы математического моделирования еще не применялись в такой степени, когда не была расшифрована ДНК и т. д.

Далее следует выделить *теоретические подходы, которые обращаются к научно-техническим аспектам экономического развития под углом трансформации системы международной торговли*, сделав некоторое предисловие. Долгое время в экономической мысли господствовала *теория Хекшера—Олина*⁷. Ее основной нормативный вывод состоит в том, что каждая страна должна специализироваться на тех отраслях (более капиталоемких или более трудоемких), где у нее в данный момент наивысшая сравнительно с другими странами производительность относительно других сфер. Следовательно, продукцию других отраслей выгоднее импортировать, а не производить самостоятельно.

В результате, с одной стороны, здесь имеет место естественная и понятная логика распространения идеи об эффективности разделения труда, перенесенная на масштаб национальной и международной

⁷ Хекшер Э. Влияние внешней торговли на распределение дохода // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / Под ред. А. П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 154–173; Улин Б. Межрегиональная и международная торговля. М.: Дело, 2004. 416 с.

экономики. С другой стороны, в экономической теории довольно быстро были выявлены ее недостатки и ограничения. В частности, так называемый *парадокс Леонтьева* говорит о следующем. Было эмпирически посчитано⁸, что США, страна развитая, по какой-то причине больше экспортировала трудоемкие товары, а не капиталоемкие, что, казалось бы, должно быть свойственно примитивным экономикам с доминированием ручного репродуктивного труда. Объяснение парадоксу Леонтьева нашлось в том, что в условиях производства, основанного на высоких технологиях, труд становится более затратным, поскольку требуется более высокая квалификация у работников, и, следовательно, больше средств на воспроизводство рабочей силы. Тем самым нормативный вывод теории Хекшера—Олина о том, что стране следует закрепить специализацию на определенных отраслях, сохранился. Однако произошел подрыв в части соотношения богатых и бедных стран как поставщиков капиталоемкой и трудоемкой продукции соответственно.

Дальше в вопросе фактической критики теории Хекшера—Олина продвинулись представители *теории жизненного цикла продуктов*, в частности М. Познер⁹ и Р. Вернон¹⁰. По результатам их эмпирических исследований обнаружилось, что когда экономика достигает высокотехнологичного уровня, то появляются следующие закономерности. Вначале, при внедрении продукта, у производителя-инноватора появляется квазимонопольная выгода. Однако со временем конкуренты осваивают технологию, учатся ее имитировать, и эта выгода исчезает. Более того, со временем бедные страны, скопировавшие технологию, будут производить продукт с меньшими издержками за счет более дешевой рабочей силы, а богатая страна, где технология была создана, станет импортером данного продукта. Таким образом, страна-инноватор в долгосрочном периоде может оказаться в проигрыше, учитывая затраты на разработку изобретений, которые затем могут быть скопированы. В этой ситуации

⁸ Леонтьев В. Межотраслевая экономика. М.: Экономика, 1997. 480 с.

⁹ Познер М. Международная торговля и изменение технологии // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 436–453.

¹⁰ Вернон Р. Гипотеза продуктового цикла в новом международном окружении // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 512–522.

нормативный вывод теорий М. Познера и Р. Вернона состоит в том, что экономическая политика государства не должна быть пассивной, как в случае с рекомендациями в рамках концепции Хекшера—Олина. Государство должно регулярно поддерживать инновационное развитие, поскольку удержать «привилегии» от изначально более высокой позиции страны-инноватора становится сложнее. Логика свободного рынка в данном случае не работает. Вместе с этим делается вывод о том, что именно в странах с высокой зарплатой в первую очередь будут развиваться новые технологии. Это объясняется тем, что большие издержки на труд стимулируют предпринимателей более активно вкладываться в технику, инвестировать в роботизацию, ориентируясь на рост производительности труда. В иной ситуации, при низких зарплатах, фирма может устойчиво генерировать прибыль и без инноваций, которые связаны с рисками и неопределенностью.

Среди теорий жизненного цикла продукта стоит отметить концепцию шведского исследователя С. Линдера¹¹. В то время как теория Хекшера—Олина «поощряет» максимальную специализацию производства, разделения труда, С. Линдер выделяет специфику ситуации при высокотехнологичном производстве. Высокотехнологичные продукты одновременно являются не стандартными, а дифференцированными, более качественными, разнообразными и трудновоспроизводимыми. При этом развитая страна, специализирующаяся на таких наукоемких товарах с высокой добавленной стоимостью, может столкнуться с проблемой сбыта продукции на мировом рынке. Она связана с тем, что большинство стран мира небогатые и на глобальном рынке возможен недостаток спроса на данные товары. Рынок оказывается очень ограниченным. Следовательно, возникают предпосылки для торговли главным образом с богатыми странами, где потребители могут себе позволить более дорогие и качественные товары. Кроме того, на сдерживание торговли работает наличие логистических издержек, а также более сложная работа по изучению потребителя дифференцированных товаров. Последнее подразумевает, что внутреннего потребителя фирма знает лучше,

¹¹ Линдер С. К вопросу о торговле и трансформации // Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 417–435.

а это, в свою очередь, означает бóльшие риски при выходе на зарубежный рынок. Таким образом, теория Линдера гласит, что при выходе производства на более высокий, с точки зрения развитости технологий, уровень возникают объективные факторы сдерживания внешней торговли. С. Линдер отмечает, что теория Хекшера—Олина в большей степени соответствует условиям простого производства стандартизированных товаров, но становится очень ограниченной, когда экономика основана на воспроизводстве сложных дифференцированных продуктов.

Обращаясь к исследованиям творческого труда, к западным теориям человеческого капитала и креативного класса, стоит сказать об истории их становления. Нужно отметить, что это тот редкий случай, когда наша, советская, академическая наука с точки зрения хронологии опередила западную. Проблема развития экономической теории на Западе, связанная с этими вопросами, состояла в инерционности использования моделей, ориентированных по-прежнему на условия более простой системы производства. К примеру, продолжали воспроизводиться модели, включающие в себя предпосылки, свойственные простому конвейерному производству, где работники осуществляют несложные и легко контролируемые производственные операции. Экономическая практика же ставила вопросы более трудного взаимодействия внутри фирмы, где труд становился более сложным, творческим, и на микроуровне требовались новые управленческие модели.

Рассмотрение подобных вопросов происходило с теоретическим «опозданием», лишь спустя время они нашли свое отражение в исследованиях. Прежде всего это касается теории человеческого капитала¹², где закреплялось, что высококвалифицированный работник обладает некими уникальными качествами (включаемыми в сам человеческий капитал). Выделялась специфика отношений с такими работниками внутри фирм и поведения самого работника на рынке. Однако при этом, помимо прочего, сохранилась методологическая проблема фундаментального отличия человеческого капитала от «старого» вещественного капитала. Так, например, покупатель

¹² Becker G. S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with spec. ref. to education. N. Y.; L.: Columbia Univ. Press, 1975. 268 p.

станка становится его полноправным владельцем, который может распоряжаться им и его полезными функциями неограниченно. Продавец же станка больше никаких возможностей его использования не имеет. Однако нельзя так же купить «человеческий капитал», например знание английского языка. Покупатель сам не осваивает английский язык, а его носитель, выступающий «продавцом», не лишает себя знания языка. Таким образом, «человеческий капитал» стал рабочим термином, однако с тем, что в него вкладывается, нельзя провести стандартную операцию купли-продажи, что делает человеческий капитал не совсем «полноценным» капиталом.

Позже в рамках парадигмы человеческого капитала стало проводиться множество эмпирических исследований, которые в том числе доказывали, что необходимо давать больше полномочий высококвалифицированным работникам для поддержания их мотивации к труду. При этом фундаментальных исследований, которые бы объясняли сущностную трансформацию экономических отношений в результате интенсификации научно-технического прогресса, роста роли творческого труда, в рамках этого направления, скорее, не было. Тем не менее был привнесен важный эмпирический вклад, который позволил на уровне отдельных аспектов корректировать экономическую политику, политику фирм на микроуровне.

Спустя определенное время, уже к рубежу XIX–XX вв., теория в рамках данного направления пришла к концепциям креативного класса¹³, где стала непосредственно выделяться специфика не просто высококвалифицированного, а именно творческого труда, который создает нечто новое. Работников, являющихся носителями таких навыков, стали относить к так называемому креативному классу. При этом подрывается «классическое» деление на классы. Так, и предприниматель может быть отнесен к креативному классу, и наемный работник частной коммерческой фирмы, и работник некоммерческой организации, и фрилансер. Тем самым возникает проблема, что люди могут занимать самые разные места на рынке труда, но все они механически объединяются под некий общий «креативный класс». В конечном счете это становится крупной

¹³ *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 421 с.; *Хокинс Д.* Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М.: Классика-XXI, 2011. 256 с.

методологической и фундаментальной теоретической проблемой, и при этом четкого и признанного определения креативного класса еще не сформировалось.

Далее следует перейти к *марксистскому подходу*, в рамках которого в нашей стране, как было отмечено выше, многие вопросы социально-экономических последствий научно-технического прогресса развивались раньше, чем на Западе. Его основой естественным образом стали базовые предпосылки из теории К. Маркса, которые касаются проблемы формального и реального подчинения труда капиталу¹⁴. Исторически ранее было сформировано формальное подчинение, когда в условиях позднего феодализма цеховые мастера, работавшие ранее независимо друг от друга, объединяются в качестве наемных работников в единое предприятие с кооперацией и разделением труда. Такое объединение тем не менее не привело к революционному повышению производительности труда, поскольку базировалось на ручном труде. Соответственно, еще не сформировалась полноценная материальная база для нового характера связи между наемным работником и капиталистом, которая окончательно бы ограничила влияние феодальных отношений.

Однако, когда появляются машины, принципиально увеличивающие производительность, то происходит четкое разделение на владельцев данных средств производства и работников, попадающих в зависимость от них. Соответственно, работники, являющиеся только носителями способности к труду, вынуждены продавать свою рабочую силу для получения зарплаты. Тем самым индустриализация стала материальной предпосылкой уже реального подчинения труда капиталу, которое является основой воспроизводства капиталистических отношений с двумя основными четко выделяемыми классами.

Со временем, согласно прогнозу К. Маркса, когда уровень производительности станет столь высоким, что общество сможет удовлетворять свои основные материальные потребности, главной целью станет расширение возможностей творческой самореализации. И в данном случае разделение труда при позитивной исторической

¹⁴ *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 516–517; *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: Издательство политической литературы, 1968. 244 с.

роли в повышении производительности начинает действовать в негативном ключе, делая человека придатком машины, что оказывает особенно плохое влияние в контексте раскрытия творческого потенциала работника. Зацикленность на какой-то одной трудовой операции препятствует личностному развитию. Данную неприглядную сторону реального разделения труда К. Маркс регулярно описывал на примерах из практики, включавших явления сверхэксплуатации, тяжелых условий труда при минимальной зарплате.

По мере смягчения этих противоречий вследствие роста благосостояния, более благоприятных условий труда, которые во многом были достигнуты вследствие борьбы рабочих, в теории человек стал, условно говоря, больше рассматриваться за пределами исключительно сферы производства. Как и предсказывали классики марксизма, человек стал видаться не только придатком машины и автомата, но также регулировщиком и контролером производственного процесса, как бы выходя по ту сторону материального производства. Это стало возможным по мере внедрения частичной автоматизации производства в XX веке. Данные вопросы встали во главе угла советской экономической мысли, особенно после 1961 г., когда в наибольшей степени активизировались дискуссии о потенциале научно-технической революции. 1961 г. примечателен в данном случае тем, что именно в это время прошел XXII съезд Коммунистической партии СССР, на котором была поставлена задача обеспечения материально-технической базы коммунизма к 1980 г. и, соответственно, был дан толчок бурному распространению публикаций по теме.

В 1960-е гг. сформировались крупные *теоретические системы, посвященные проблемам научно-технического прогресса*¹⁵. При этом довольно скоро стало понятно, что многие задачи (например, обеспечение тотальной автоматизации производства как основы материально-технической базы коммунизма) в течение столь короткого времени решить не удастся. Уже с конца 1960-х гг. при в целом сохраняющемся каркасе теоретической системы стала происходить корректировка

¹⁵ Хейнман С. А. Создание материально-технической базы коммунизма и научно-техническая революция // Коммунист. 1962. № 12. С. 47–58; Кузин А. А., Шухардин С. В. Современная научно-техническая революция // Коммунист. 1964. № 16. С. 49–58.

отдельных положений¹⁶. В частности, признавалось, что при беспрецедентном темпе роста знаний и скорости их внедрения в производство потребуются несколько десятилетий, чтобы приблизиться к полному раскрытию трансформационного потенциала новых технологий. В начале перестройки, в период, когда практика хозяйствования в еще большей степени выявила сложности интенсификации высокотехнологического экономического развития, произошел уже кардинальный пересмотр многих подходов. Нужно также отметить, что в 1970-е гг. советской теорией фактически были упущены трансформации, связанные с нарождающейся информационной революцией, впоследствии связанной с пятым технологическим укладом. Теория не смогла уловить новые вызовы практики.

Рассматривая основную «начинку» положений советских экономистов, нужно начать с раскрытия термина научно-технической революции. Он был введен в оборот английским ученым левого толка Джоном Берналом в первые годы после Второй мировой войны¹⁷. Им отмечалось, что технологический и производственный «смысл» первой промышленной революции конца XIX века состоит в том, что машина заменяет на качественно более высоком уровне некоторые органы человека в процессе труда. Условно говоря, с помощью машины человек теперь работает так, будто у него появилось 10 рук с многократным ростом их силы. Научно-техническая революция, в свою очередь, подразумевает, что появляются такие машины, которые могут отчасти заменить мозг человека, выполняя какие-то вычислительные функции, функции управления и так далее. Этот процесс называется автоматизацией.

Второй ключевой чертой научно-технической революции, выделенной Берналом, стала химизация производства. Она означает создание новых, более качественных и дешевых материалов на основе синтетической химии. Особенность нового характера воздействия на материалы, которое началось развиваться еще в середине XX века, но в наибольшей степени стало проявлять себя в наши дни,

¹⁶ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М.: Политиздат, 1976. 335 с.; Марков Н. В. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1973. 239 с.

¹⁷ Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Издательство иностранной литературы, 1956. 735 с.

заключается в том, что рабочий объект не разделяется относительно своей исходной формы, а «собирается». Революционным стало непосредственное влияние человека на материю на уровне атомов. В данном аспекте СССР достиг значительных успехов. Так, именно в Советском Союзе впервые появился синтетический каучук, заработала атомная электростанция гражданского назначения.

В наше время, говоря о четвертой промышленной революции, ее можно назвать неким венцом, завершением распространения научно-технической революции, которая, зародившись еще в середине XX века, только сейчас начинает себя проявлять в производстве в наибольшей степени¹⁸.

Что тогда, что сейчас говорится о беспрецедентной скорости внедрения каких-то инноваций, на порядок более сжатом периоде между фундаментальными научными открытиями и их воплощением в производстве и реализацией на рынке. Ранее он мог занимать десятилетия. Более того, сейчас прикладные исследования, по сути, вплетаются в процесс производства, становясь его составной частью. В разработках советских экономистов это нашло отражение в известном тезисе о науке как непосредственной производительной силе.

Популярный ныне термин *NBICS-конвергенции* (нанотехнологии — биотехнологии — информационные технологии — когнитивные науки — социальные науки) значительным образом был раскрыт еще несколько десятилетий назад в других терминах. Составляющую «инфо» допустимо прямо соотнести с автоматизацией, которая, по сути, есть воплощение развития информационных технологий. Понятие химизации во многом проявляет себя через компоненту «нано», поскольку в обоих случаях подразумевается высокоточная обработка материалов. Биология также находилась и находится в центре развития науки в целом. Когнитивные науки сейчас, безусловно, развиваются более быстрыми темпами, чем это было ранее, и чем это предсказывалось, но подобное направление научного развития можно было предсказать и тогда; таким образом, общая канва технологического развития схожа. Новая роль человека

¹⁸ Гринин А. Л., Гринин Л. Е. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество. 2015. № 1. С. 17–47.

общественных связей дала толчок развитию социальных наук в XX веке, новый этап которого наблюдается в наше время.

Важно сделать акцент также на слове «конвергенция». И при анализе научно-технической революции ранее, и при описании четвертой промышленной революции однозначно говорится о постоянном слиянии научного знания в разных дисциплинах. Это отражается и в крупных взаимосвязанных технологических, производственных системах, объединяющих внутри себя достижения ранее более «изолированных» наук. В данном случае пример, который лежит на поверхности, — это космические проекты. Так, чтобы запустить человека в космос, нужно было собрать в единую систему знания из биологии, чтобы понять, как человек будет себя чувствовать в космосе. Для строительства космического корабля с необходимым уровнем прочности, энергоэффективности необходимы знания из физики, химии. Информационные технологии необходимы для возможностей управления полетом. Неслучайно сейчас, на этапе четвертой промышленной революции с ее NBICS-конвергенцией, в разных странах имеет место новый всплеск интереса к космической индустрии.

Кроме того, современный этап и период более раннего становления научно-технической революции объединяет процесс математизации наук. Сейчас даже гуманитарные науки глубоко пронизаны математическим инструментарием, чего не было прежде. Часто справедливо отмечается, что сейчас мы живем в эпоху «цифры», больших данных и так далее.

Как и раньше, в наше время фиксируется, что новый характер технологий предъявляет новые требования к рабочей силе. Современный работник, соприкасающийся с этими технологиями, должен обладать высоким уровнем квалификации, развитостью творческих навыков, адаптивностью, готовностью решать задачи разнопланового характера.

Что же касается отличий в акцентах, касающихся технологического наполнения трансформаций середины XX века и современности в глазах исследователей, то главным можно назвать атомную энергетику. В Советском Союзе на нее возлагали очень большие надежды, и, как отмечалось выше, управляемая термоядерная реакция виделась реальным в обозримом будущем безграничным источником энергии. Однако до сих пор подобные перспективы очень туманны. В целом

потенциал атомной энергетики был преувеличен. Особенно большое разочарование оказалось связано с Чернобыльской трагедией (в наше время сохраняется негативный отголосок также после аварии на Фукусиме). Однако, несмотря на это, атомные технологии занимают сейчас свою значительную нишу, и в нашей стране это область, где у нас сохраняется наследие и лидерство в мире. Атомная энергетика в мире продолжает развиваться с гораздо большей технологической обеспеченностью в вопросах безопасности, чем это было ранее, и остается одним из главных альтернативных источников энергии.

Таким образом, *характер и потенциал научно-технической революции в целом был предсказан верно, однако изначально был переоценен потенциал ее распространения*. При этом многое, например появление квантового компьютера, изначально предсказать было крайне затруднительно. Среди же слишком оптимистичных и неоправдавшихся надежд главным образом выделяется прогноз освоения контролируемой термоядерной реакции.

После освещения технологических параметров трансформации производства перейдем непосредственно к их *социально-экономическим последствиям*, которые отражались и советскими экономистами, и представителями четвертой промышленной революции. В данном случае также есть определенная теоретическая преемственность, возможно, на первый взгляд, неожиданная, учитывая разное время и разные системы, в которых формировались концепции. Она обусловлена во многом схожей технологической «начинкой», что отмечалось выше.

Так, что советские экономисты, что западные исследователи писали о *рисках дисбалансов на рынке труда, в том числе о рисках безработицы*. Предполагается, что с развертыванием роботизации, автоматизации часть населения будет на этом хорошо зарабатывать, но будет уволено большое число работников, которые могут попасть в маргинальные слои и, несмотря на общий рост производительности, владеть жалкое существование. Именно о безработице в таком пессимистичном ключе в последнее время говорится меньше, хотя еще сравнительно недавно, 10 лет назад, было опубликовано нашумевшее исследование оксфордских экономистов, которые предсказывали, что чуть ли не половина рабочих мест может быть заменена¹⁹.

¹⁹ Frey C., Osborne M. The Future of Employment. How Susceptible Are Jobs to Computerization // Technological Forecasting & Social Change. 2017. Vol. 114. Jan. P. 254–280.

Скорее всего, уже сейчас это можно назвать преувеличением, поскольку можно заменить отдельные операции, но редко можно заменить профессию полностью. Исключения могут существовать. Например, в наше время все больше появляется касс самообслуживания, и это говорит о возможности замены кассира. Однако большинство профессий состоит из более разнообразных трудовых операций, и все сразу их заменить гораздо труднее. Тем не менее, риски глобальной структурной безработицы не исчезают.

Более точным прогнозом оказалось указание на *многоуровневый рост неравенства*. Неравенство внутри отдельных стран сдерживается тем, что государства вынуждены перераспределять все большую долю доходов от богатых к бедным за счет, в том числе, прогрессивного налогообложения. При этом, тем не менее, несмотря на рост ставок подоходных налогов на богатых во многих странах, то есть при более активном перераспределении, все равно сохраняется высокий уровень неравенства. Как было показано еще в известной работе Т. Пикетти²⁰, в наше время мы вернулись к историческим пикам неравенства. Это во многом связано с неравномерным доступом к знаниям, к качественному образованию, к технологиям, к перспективным рабочим местам. Рыночная система на разных уровнях воспроизводит предпосылки неравенства, что, соответственно, выливается в большое неравенство доходов, в неравенство доступа к базовым благам и так далее.

Другим сходством между идеями советских экономистов и теоретиков четвертой промышленной революции является тезис *об объективном формировании крупных систем, объединяющих ранее изолированные технологические процессы*. Помимо производственных комплексов, неких «единых фабрик» это может быть, например, «умный город» с огромной информационной системой, включающей множество тесно взаимосвязанных элементов. Вместе с тем, за счет такого укрупнения возникает проблема монополизации власти (рыночной или политической), так как появляется субъект, контролирующий такие масштабные системы, что, в том числе, еще больше усиливает вышеупомянутые риски неравенства.

²⁰ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

Сейчас капитализация крупнейших компаний, представляющих сферу высоких технологий, очень велика²¹. Это во многом обусловлено институтом интеллектуальной частной собственности, который на высокотехнологичном рынке продавца делает фактически монополистом инновационного товара. Отстающим фирмам в этих условиях догнать лидеров становится крайне трудно. Более того, существуют предпосылки еще большего ускорения монополизации, так как фирма-лидер в качестве своего конкурентного преимущества в настоящем может использовать свое монопольное положение в прошлом. В то же время касательно вопроса монополизации нужно сделать оговорку, что современные исследователи все же указывают на значимую роль малого бизнеса в инновационном процессе. Советские экономисты в этом вопросе были более категоричны, что, в том числе, привело к фактическому игнорированию появления новых малых компаний на начальном этапе информационной революции.

Следующим ключевым моментом, описанным и применительно к научно-технической революции и к четвертой промышленной революции, является *тенденция все более тесной интеграции производства, науки и образования*. Как отмечалось выше, наука становится непосредственной производительной силой, все более тесно сращенной с производством. Наука, в свою очередь, не может существовать без подпитки со стороны системы образования. К образованию при этом предъявляются более высокие требования с точки зрения его гибкости, адаптивности под меняющиеся требования. Тем самым увеличивается взаимообусловленность и переплетение сфер производства, науки и образования. В этой связи советские экономисты критиковали капиталистическую систему ввиду господства частной собственности, при которой отдельные фирмы, движимые собственным интересом, будут препятствовать процессу интеграции данных сфер. Если отдельные частные фирмы ориентированы на максимизацию собственных прибылей, то, соответственно, они не заинтересованы, например, в затратах на фундаментальное образование, хотя в конечном счете они нуждаются в его плодах. Частное

²¹ Full List of Fortune Global 500 Companies (2024). (Updated Aug 31, 2024). URL: <https://us500.com/fortune-global-500>

образование же не сможет удовлетворить все потребности, так как это вызовет недостаток массовости, нужной науке, ввиду ограниченной платежеспособности населения. В этих условиях требуется вне рыночное активное участие со стороны государства, что и произошло на практике. В долгосрочном периоде растет государственное вмешательство в социальную сферу (в меньшей степени, например, в США и Великобритании, но в большей в континентальной Европе и особенно в Скандинавии), растут государственные расходы в целом в развитие человеческого потенциала.

Неравенство и диспропорциональность развития также проявляют себя на международном уровне. Мировая экономика очень глобализована, и тенденции, формирующиеся внутри отдельных национальных систем, переносятся на планетарный масштаб. Растущую конкуренцию и обострение геополитической напряженности, безусловно, нельзя сводить только к борьбе за господство на новых высокотехнологичных рынках, однако этот фактор является одним из самых существенных. Это касается и передела рынка ресурсов, необходимых для обслуживания «умных» производств. Среди недавних ярких проявлений такой конкуренции можно вспомнить 2020–2021 гг., период активной пандемии коронавируса. С точки зрения решения такой глобальной проблемы, казалось бы, страны должны объединиться для совместной разработки вакцин и спасения максимального числа жизней. Однако на практике история пошла по другому пути. Наоборот, усилились отношения конкуренции между крупнейшими фармкомпаниями, желавшими вместо распространения технологий их ограничить, чтобы занять лидирующее положение в условиях роста спроса на их продукцию.

Следующим описанным в разной литературе аспектом можно выделить проблему предсказанного еще несколько десятилетий назад *информационного взрыва*. В качестве любопытного примера можно привести следующую цитату из советской книги 1973 г., где фактически был описан современный смартфон: «В ближайшем будущем можно ожидать, что ЭВМ станут иметь „карманные“ размеры и широко войдут в повседневную жизнь человека. Не вытесняя человека, а „дополняя“ его, увеличивая его интеллектуальную мощь, они станут надежными помощниками при принятии окончательных решений, при управлении сложными системами. Они возьмут на себя

выполнение умственных операций, весьма трудоемких, но протекающих по заранее известному шаблону, по существу своему механических, а не подлинно творческих»²². В данном случае возникает противоречие. С одной стороны, человек получает практически безграничный доступ к достижениям науки и культуры всего человечества. С другой стороны, он не всегда способен понять и «переварить» такой объем информации. Кроме того, такая свобода в поиске знаний несколько «расслабляет» человека и притупляет готовность к самостоятельной исследовательской деятельности. Большой поток информации без дозированного и разборчивого восприятия способен подорвать ментальное здоровье человека в условиях очень высокого ритма жизни. Системное решение такой проблемы еще предстоит найти.

Ключевым положением, в котором сходятся советские и современные западные исследователи, является *формирование предпосылок перехода к следованию более широким критериям качества жизни*. Рассматривая этот вопрос, советские экономисты осуществляли жесткую фронтальную критику капитализма. Отмечалось, что по своей природе капитализм нацелен на узкие задачи роста производства и максимизации прибыли, и на другие цели должным образом работать не может. Современные исследователи, безусловно, менее радикальны в этом смысле. Однако они также отмечают большие возможности переключения на другие задачи по мере достижения уровня производительности, способного удовлетворить базовые потребности. Так, можно постепенно сокращать рабочее время, отдавая предпочтение качественному досугу, концентрироваться на развитии более комфортной окружающей среды. Хотя и в сравнительно мягких формах, но развивается повестка создания более благоприятных условий труда.

Особое место сегодня занимают *проблемы экологии*. Этот вопрос применительно к проблемам в СССР советскими экономистами по идеологическим причинам не подсвечивался, однако с теоретической точки зрения не отрицался. При этом отмечалось, что в рамках социалистической системы имеется принципиальная возможность решения проблемы экологии в отличие от условий капитализма.

²² Марков Н. В. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1973. С. 49–50.

Капитализм представлялся неспособным должным образом ответить на экологические вызовы, поскольку в своем существовании он нацелен на максимизацию прибыли с использованием все больших ресурсов, что оставляет большой экологический след и создает большой урон окружающей среде. Сейчас проблема экологии является очень популярной, но предлагаемые меры в реформистском духе не приводят к комплексному ее решению. Зачастую и вовсе этот вопрос политизируется в контрпродуктивных формах.

Общим рефреном в работах советских экономистов можно назвать фронтальную критику капитализма как системы с выделением преимуществ социализма и плановой экономики в качестве отрицания рынка. В наше время западные экономисты подобную критику, что естественно, не воспроизводят. Однако ими в целом обосновывается логика роста роли государства, направленная на «латание дыр» рынка по вышеописанным направлениям.

По статистике действительно в развитых странах с более широким распространением научно-технического прогресса доля государственных расходов относительно ВВП гораздо выше. Это объективный процесс, который длится несколько десятилетий, несмотря на различные волны господства то модели государств всеобщего благосостояния, то неолиберализма (рис. 1, табл. 2).

Таблица 2

Доля государственных доходов в процентах от ВВП в США, Японии и некоторых странах Западной Европы (по годам)²³

Страна	1913	1938	1950	1973	1999
Франция	8,9	23,2	27,6	38,8	52,4
ФРГ	17,7	42,4	30,4	42,0	47,6
Нидерланды	8,2*	21,7	26,8	45,5	43,8
Великобритания	13,3	28,8	34,2	41,5	39,7
Среднее арифметическое	12,0	29,0	29,8	42,0	45,9
США	8,0	19,8	21,4	31,1	30,1
Япония	14,2	30,3	19,8	22,9	38,1

* 1910.

²³ Maddison A. The World Economy. Vol. 1: A Millennial Perspective. P.: OECD, 2006. P. 135.

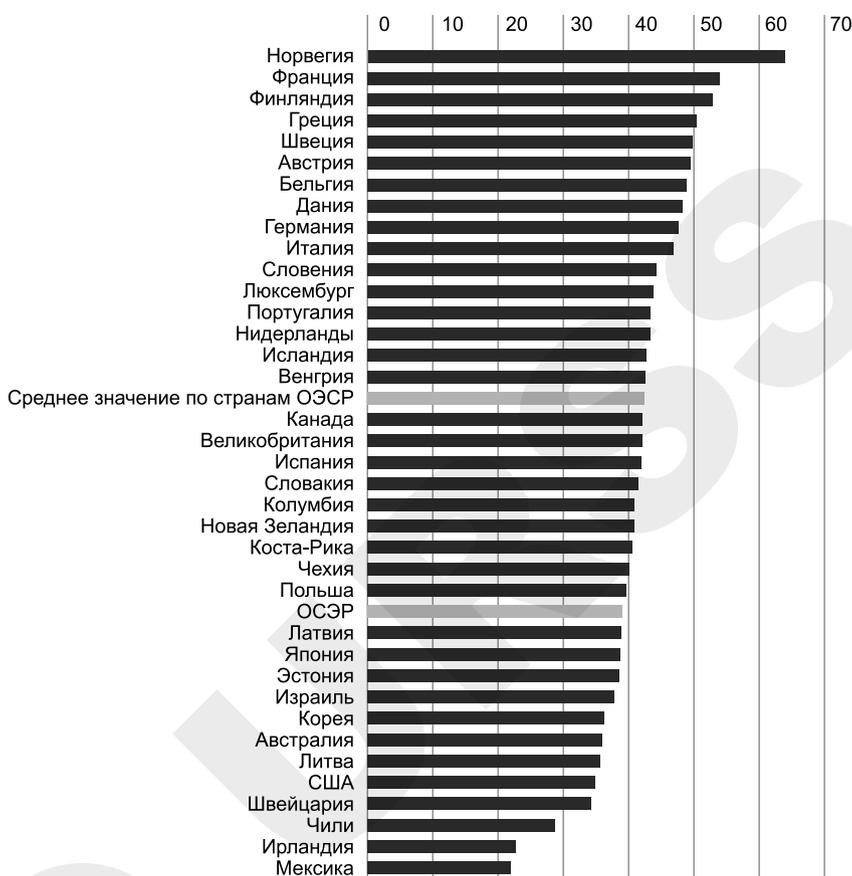

Рис. 1. Доля государственных доходов относительно ВВП в некоторых странах (2022 г.)

Источник: Данные ОЭСР. URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/general-government-revenue.html>

Если, например, в Великобритании в начале XX века доля государственных расходов относительно ВВП составляла около десяти процентов, то сейчас в той же Великобритании уже более 40 % ВВП перераспределяется государством, которое в условиях новой технико-экономической реальности вынуждено закрывать различные провалы рынка. Рост роли государства проявляется и в более активном непосредственном участии в производстве. Развиваются институты

государственно-частного партнерства. Это объясняется тем, что внедрение передовых технологий всегда связано с рисками, которых частный бизнес при возможности старается избегать. Кроме того, многие проекты требуют больших инвестиций и задела во владении технологиями. В результате государство становится активным помощником коммерческим компаниям, как правило, берет на себя ведущую роль в реализации мегапроектов.

Далее после указания на сходства в положениях между разработками советских экономистов и теоретиками четвертой промышленной революции нужно указать и принципиальные различия.

На уровне отношений к другим теориям одним из главных различий можно назвать отсутствие «прямой конфронтации» со стороны западных исследователей с «мейнстримом» экономической мысли (при наличии критики отдельных положений). Не критикуется основная парадигма, методологическая база господствующей экономической теории. Советские же исследователи в этом вопросе, как и по отношению к экономической практике, были намного более категоричны. В частности, отмечалось, что многие модели, которые, к слову, до сих пор преподаются в качестве основных в экономических вузах, характеризуются чрезмерной абстракцией и устаревают.

В качестве одного из типичных примеров можно привести следующий. В известной производственной функции Кобба—Дугласа уровень выпуска зависит от величины используемого капитала и труда в определенном отношении друг другу. При этом в рамках этой функции труд и капитал взаимозаменяемы. Это абсолютно логично для своего времени, когда разворачивалась промышленная революция. Действительно, если смотреть со стороны предпринимателя, работников, занимающихся низкоквалифицированным трудом, может заменить машина. Условно говоря, одна машина может заменить трех работников, и тогда при решении о покупке машины нужно соотнести ее цену и расходы на амортизацию с зарплатами этих трех работников. Таким образом, степень взаимозаменяемости двух факторов производства высока, что и отражает модель Кобба—Дугласа.

Однако в современных условиях наукоемкого производства ситуация становится сложнее. Если используется сложное оборудование,

то его должен настраивать, обслуживать и обновлять квалифицированный, образованный и креативный работник, которого заменить может быть нелегко. В то же время и сам такой работник, каким бы талантливым и компетентным он ни был, не может реализовать свой созидательный потенциал без использования рабочей машины, материализующей продукт труда²⁴. Таким образом, в данном случае работник и машина не взаимозаменяемы, а взаимодополняемы, однако та же функция Кобба—Дугласа, как и многие другие популярные «мейнстримные» модели, этому, по сути, противоречат.

Советские экономисты также отмечали, что крупные компании могут искусственно сдерживать развитие и распространение технологий. Эту логику можно увидеть и сегодня, примером может служить то, что пока есть спрос и возможности гибкого ценообразования на имеющуюся модель смартфона, не всегда достаточно стимулов вкладываться в разработку новой модели. В случае же, если технология для новой модели уже есть, то «придержать» выпуск обновленного продукта также может быть выгодно, чтобы не сократить еще существующий спрос на старую модель.

В СССР, особенно в 1970-е гг., подчеркивалась проблема милитаризма. Помимо геополитических конфронтаций, его рост обусловливался заинтересованностью в росте военных заказов, увеличивающих доходы производителей вооружений на основе стабильного спроса со стороны государства. На этой основе происходит сращивание государства и крупного бизнеса. Поскольку новые вооружения связаны с новыми технологиями, то имеет место деструктивный процесс направления достижений научно-технического прогресса в сферу орудий разрушения, вымывающего к тому же ресурсы из гражданского сектора, где потребление благ непосредственно ведет к росту благосостояния населения. Возникают предпосылки для раздувания в медиа военной истерии для обоснования больших заказов для оборонной промышленности, которые могут быть не связаны с реальными потребностями в поддержании обороноспособности страны. При этом другая страна, гипотетический

²⁴ Даже если для примера взять «изолированного» программиста-фрилансера, он все равно зависим от заказчиков, которые конечным образом опосредованно служат материализации продукта, на создание которого этот программист также поработал.

противник, видя рост производства вооружений, сама начинает испытывать потребность в росте военных расходов в ущерб гражданскому сектору. Это провоцирует раскручивание гонки вооружений, от которой основная масса населения в обеих странах страдает. После распада СССР, когда на первый взгляд казалось, что гонки вооружений — это явление прошлого, в первое время действительно военные расходы стали сокращаться. Однако спустя некоторое время оборонная промышленность стала расти, ввиду сохранения обуславливающих это факторов на современном этапе развития.

Завершая часть о вкладе советских экономистов и сторонников теории четвертой промышленной революции в вопрос последствий научно-технического прогресса, нужно сказать о проблеме подрыва рыночного равновесия. Фактически соглашаясь с известным шumpетерианским тезисом о созидательном разрушении, советские экономисты подчеркивали, что по сути любая инновация ведет к подрыву рыночного равновесия. Соответственно, чем более инновационной становится экономика, тем больше будет возникать дисбалансов спроса и предложения, что подрывает стабильность рыночной системы. Этот процесс усиливается рыночной властью крупных компаний, препятствующей «нормальному», свободному формированию рыночной конъюнктуры. Современные западные исследователи, хотя в меньшей степени и в менее явном виде, отмечают данные явления, фиксируя принципиальное изменение характера воспроизводства капиталистической системы.

Далее перейдем к постсоветскому периоду и его теоретическому представительству в виде *постсоветской школы критического марксизма*. Говоря об исследовательских направлениях школы, связанных с последствиями научно-технических трансформаций, нужно отметить наличие преемственности с советскими разработками.

На основе большего исторического опыта продолжено рассмотрение современного рынка как несвязанного с концепцией «невидимой руки», описанной классиками политической экономии. Власть крупнейших корпораций в наше время настолько сильна, что именно они во многом формируют условия рынка, а не просто подчиняются им. Рынок становится управляемым, а не свободным, что противоречит его природе. По мере технологического развития данная тенденция лишь усиливается, как и сами технологии эволюционируют под

более сильным контролем корпораций. Кроме того, для устойчивого воспроизводства и развития капитализма сегодня ему требуется включать в себя все больше внерыночных элементов, что противоречит его собственной основе. Такая новая ключевая характеристика рынка дала основание появлению понятия «поздний капитализм» (хотя сам термин впервые был введен ранее вне постсоветской школы критического марксизма). Как отмечалось выше, это проявляется в более активной, подрывающей обособленность рыночных акторов роли государства в решении задач, за которые частный капитал взяться не способен. В частности, как отмечалось и ранее, оно вынуждено финансировать доступное образование, без которого не будет кадров для науки, и, соответственно, источников развития высокотехнологичного производства. При этом, согласно подходу школы, за счет этого процесса внутри капитализма создаются зародыши, «островки» будущей пострыночной системы, означающие продвижение к «царству свободы», используя марксистскую терминологию.

Однако на пути к более прогрессивным общественным отношениям случаются так называемые зигзаги истории, когда противоречия разрешаются путем попятного движения относительно общей логики хода истории. Типичным примером можно назвать неолиберальный поворот, случившийся после трех послевоенных десятилетий, характеризовавшихся господством модели государств всеобщего благосостояния. Зачастую подобные «откаты» сопровождаются замедлением научно-технического прогресса, его активным «направлением» в «превратный сектор» (термин школы, означающий отрасли, нацеленные на извлечение прибыли, но не ведущие к развитию человеческих качеств), менее свободным доступом к их достижениям для широких слоев населения. Выделение возможностей и предпосылок такого обратного движения истории является новизной, привнесенной постсоветской школой критического марксизма.

В работах лидеров школы А. В. Бузгалина и А. И. Колганова²⁵ большое внимание уделяется проблеме трансформации творческого

²⁵ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Т. 2. Теория: глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: URSS, 2018. 912 с.; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Большой сброс или выброс полуправды: станет ли постпандемический мир более справедливым? // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 161–167.

труда, «креативной революции», что непосредственно связано с вопросом научно-технического прогресса. Эта «креативная революция», которая сейчас проявляется в более гибких отношениях между работодателями и работниками, выступает главной движущей силой в сторону «царства свободы». Ранее поведение человека сводилось главным образом к модели homo economicus, то есть к модели, где человек стремится меньше работать, максимизировать материальное потребление, быть более зацикленным на нем. Сейчас же уже появились предпосылки для новой модели человеческого поведения, которую можно назвать homo creator. В контексте этой концепции работник больше нацелен на творческую самореализацию, материальный доход для него начинает играть вторичную роль, поскольку базовые материальные потребности уже удовлетворены. Формируется другая система стимулов, которая ведет, соответственно, к другим целям функционирования общественной системы. К примеру, если частная интеллектуальная собственность была наиболее востребована как ключевой институт, обеспечивающий максимизацию дохода, то в мире homo creator она становится устаревшей, поскольку сдерживает распространение продукта творческого труда.

Сами работники творческого труда, естественно, не теряя свою субъектность, становятся не атомизированными, а частью так называемого совокупного работника. Выполнение простых операций выступает как индивидуальный труд, поскольку такой работник, кроме как разделением труда, не связан с другими работниками в данном случае. Однако при решении творческой задачи, создании нового знания или феномена культуры работник фактически вступает в диалог с другими людьми, внесшими вклад в решение данной задачи. К примеру, совершенствование какой-то программы построено на прежних разработках в программировании в целом, на математических знаниях, полученных, в том числе, много веков назад. Тем самым происходит соединение творческого труда одного работника с его коллегами и предшественниками, что позволяет говорить о самом понятии совокупного работника. Любой творческий труд по своей сущности выступает как коллективный.

Трансформация характера, мотивов труда и общественных институтов логичным образом приводит к формированию новых

социальных слоев. В частности, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов выделили такую новую группу, как социалиат²⁶. К ней относятся работники творческого труда, занятые в некоммерческой сфере. В результате, поскольку труд таких работников в связи с целями их организаций не направлен, в конечном счете, на максимизацию прибыли, их мотивация становится наиболее приближенной к модели *homo creator*. Соответственно, социалиат становится наиболее заинтересован в дальнейших общественных трансформациях, связанных со все большим внедрением вне рыночных механизмов и институтов.

Другой представитель постсоветской школы критического марксизма Л. А. Булавка-Бузгалина обращается к более широким философским и культурологическим вопросам²⁷. В ее работах отмечается, что современная гегемония капитала подавляет всеобщую культуру, которая по своей природе не соответствует рыночным принципам. Этот принцип можно отразить в известных пушкинских словах «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Например, чтобы художник создал шедевр, он должен прислушиваться к своим глубинным чувствам, к собственному видению мира. Однако если он ставит перед собой задачу максимизировать доход, подчиняясь рыночному спросу, то будет формироваться совсем другой ход мышления, находящийся в противопоставлении с задачами развития подлинной культуры. В результате логика рынка подавляет творческий потенциал человека. Если ставить вопрос в более широком смысле не только об искусстве, но и о преобразовании общества, социальном творчестве, то рынок оказывает на него такое же негативное влияние, направляет, в том числе, передовые технологии исключительно на нужды капитала. К примеру, значительные ресурсы, идущие на развитие искусственного интеллекта, вкладываются не в улучшение городской среды, качества жизни широких слоев населения, а в совершенствование технологий

²⁶ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.

²⁷ Булавка-Бузгалина Л. А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 167–179; Булавка-Бузгалина Л. А. Культура как рынок: «не продается вдохновенье»? // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 5–17.

заработка на финансовых рынках, контроля над работником, а следовательно, ужесточением его условий труда.

Н. Г. Яковлева специализируется на сфере образования, в том числе как фундаменте научно-технического развития²⁸. Ею критикуется современная неолиберальная модель, поскольку она ведет к бюрократизации, коммерциализации образования в интересах чиновничества и частного капитала. Это идет в ущерб образовательным практикам, нацеленным на свободное гармоничное развитие личности, развитие творческих навыков, которые, в конечном счете, являются условием воспроизводства экономической системы на высокотехнологичном уровне в современных условиях. Упрощенно говоря, при явлениях бюрократизации и ориентации сферы образования на извлечение дохода становится выгоднее в режиме конвейера воспроизводить стандартные и простые методики преподавания, снижать требовательность по отношению к студентам, что препятствует применению индивидуального подхода, творческому развитию учеников.

Автор данной лекции исследует влияние экономической практики на экономическую теорию с особым акцентом на факторе технологий, влияющих на последнюю²⁹. Было показано, что направление развития теории в очень существенной степени задается теми рамками, которые фактически задает технико-экономическая среда. Ряд концепций и идей нередко получали свое признание значительно позже своего появления, в более соответствующей заложенным установкам среде или же получали «вторую жизнь» по мере обновления технико-экономических условий.

Т. Д. Степанова обращается непосредственно к вопросу так называемого креативного класса, изучая эволюцию становления

²⁸ Яковлева Н. Г. Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 133–141; Яковлева Н. Г. Образование: роль в формировании человеческого потенциала, технологической и социально-экономической модернизации России // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 30–47.

²⁹ Маслов Г. А. К вопросу о взаимосвязи эволюции технологических укладов и истории политической экономии // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 95–104; Маслов Г. А. Постсоветская политическая экономия в поисках ответа на вызовы научно-технической революции // Вопросы политической экономии. 2022. № 4. С. 101–113.

различных подходов в России и за рубежом по этой теме³⁰. Как отмечается, на данный момент в теории до сих пор нет консенсуса даже по таким фундаментальным вопросам, что есть «креативный класс», каковы четкие критерии выделения творческого труда относительно нетворческого или просто высококвалифицированного. Также ею проведен ряд эмпирических работ с анализом рынка труда в России в данной сфере, где отмечается не самая благоприятная динамика.

С. Д. Бодрунов, автор концепции нового индустриального общества второго поколения и теории ноономики; работает в тесном диалоге с постсоветской школой критического марксизма, и касательно вопроса социально-экономических последствий научно-технического прогресса у школы возникает немало параллелей с его направлением³¹. В его работах используется преимущественно методология политической экономии (особенно стоит выделить историко-логический метод) и традиционного институционализма с особым акцентом именно на технико-экономических факторах.

С. Д. Бодрунов отмечает, что индустриальное производство по-прежнему находится на главном месте в социально-экономической системе, однако это индустриальное общество имеет уже иной характер, чем несколько десятилетий назад, и оно задает другие институциональные рамки. Это уже не то «новое индустриальное общество», описанное Дж. К. Гэлбрейтом во второй половине XX века³², которое настолько детерминировало многие общественные отношения, что позволило в свое время этому американскому экономисту говорить о конвергенции капиталистической и социалистической систем на близкой технологической основе крупного машинного

³⁰ Степанова Т. Д. Развитие теории креативного класса: зарубежная и российская экономическая мысль // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 153–169; Степанова Т. Д. Мировой креативный класс: динамика, тенденции, развитие // Проблемы современной экономики. 2022. № 1. С. 41–44.

³¹ Бодрунов С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / Под ред. д. э. н. С. Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. 240 с.; Бодрунов С. Д. Рождение новой эпохи: вызовы для России и мира // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 235. № 3. С. 55–62; Бодрунов С. Д. Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 8–14.

³² Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 479 с.

производства. С другой стороны, в конце XX века сфера услуг стала занимать ведущее место в структуре производства развитых стран, работники все меньше заняты физическим трудом. Это стало предпосылкой формирования концепций постиндустриального общества, экономики знаний, где промышленности отводилась уже вторичная роль.

Теория нового индустриального общества второго поколения выступает своего рода отрицанием отрицания подхода Дж. К. Гэлбрейта и постиндустриальных концепций. Индустриальная система по-прежнему играет ключевую роль, однако она пронизана автоматизацией, новыми материалами и многими другими последними достижениями науки и техники. Это меняет экономическую систему на всех уровнях: от микроуровня, где возникают новые отношения занятости, изменения условий труда и пр., до глобальных цивилизационных вызовов, перед которыми стоит человечество (риск мировых войн, экологические вызовы и др.). Новая система вступает в острое противоречие с прежним неолиберальным порядком. «Постиндустриальным» такое общество назвать некорректно, поскольку многие производства были просто перенесены в другие страны, но не были «заменены» сферой услуг. Кроме того, в самой сфере услуг большое место занимает симулятивный сектор, слабо связанный с непосредственным удовлетворением потребностей населения, повышающим их качество жизни (например, в значительной степени это можно сказать о раздутых сегментах финансовых рынков, маркетинга, пиара и пр.).

Логика истории ведет к росту роли творческого труда и приоритетному развитию социальной сферы, что по мере дальнейшего научно-технического прогресса позволит осуществить переход на качественно новую систему — ноономику. Это та система, где общественные отношения лежат уже по ту сторону материального производства за счет высшей степени автоматизации производства. В данном случае можно провести параллель с предсказанием Маркса о том, что человек в будущем встанет «над» производством, являясь его «контролером» и «регулирующим». В этих условиях экономические отношения в их традиционном понимании будут подорваны, что фактически закрепляется в замене части «эко-» на «ноо-». Сама же приставка «ноо-» означает и с этимологической, и с содержательной

точки зрения «разум». Это подразумевает, что в мире ноономики воспроизводство общественной жизни будет более гармоничным, контролируемым и направленным на удовлетворение широкого спектра потребностей, развитие личности. Таким образом, общество уйдет от современной зацикленности на максимизации потребления.

В качестве общего заключения можно сказать, что сейчас наблюдаются очень масштабные трансформации глобальной социально-экономической системы за счет во многом технологических факторов, что ведет и к крупным изменениям экономических концепций, непосредственно или опосредованно описывающих данные процессы. Это не значит, что исследователи сталкиваются с жестким технологическим детерминизмом, но в данном случае особенно проявляет себя потенциал историко-материалистического подхода, фиксирующий ключевую роль материального базиса. Более актуальными в условиях масштабных трансформаций будут становиться фундаментальные теории, позволяющие переосмыслить глобальные изменения, в то время как прежние узкопредметные подходы, как представляется, будут иметь меньшую научную востребованность.

Что касается развития экономической практики, то существует множество альтернатив, и, находясь сейчас еще в начальной стадии изменений, достоверный прогноз представить крайне трудно. Нередко говорится, например, о негативном сценарии, где общество ждет некий откат в технологический феодализм с жестким антагонизмом между владельцами умных машин и всеми остальными, у которых будут очень туманные перспективы занятости в мире тотальной роботизации. В результате может «реинкарнироваться» институт вассальной полурабской зависимости. С художественной точки зрения, в книгах, в фильмах, в играх в последнее время это активно описывается, причем все чаще в духе киберпанка. Есть подходы, согласно которым капитализм себя уже исчерпал, о чем говорит и стагнация многих экономических показателей, рост глобальных конфликтов, военной напряженности. Однако при признании современной тупиковости капитализма никаких реальных альтернатив не просматривается.

Существуют и более позитивные прогнозы, отмечающие, что рынок, как уже не раз случалось ранее, при всех сложностях все же

сможет себя успешно адаптировать под новую научно-техническую среду. Также говорится о дальнейшем потенциале социализации капитализма, новой и более активной роли государства, гражданского общества.

При всей неопределенности тем не менее можно без преувеличения сказать, что масштаб грядущих изменений будет колоссальным. Обществу придется быстро адаптироваться под новые реалии, а экономистам — гибко корректировать многие из своих прежних подходов.

Рекомендуемая литература

- Бодрунов С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. 240 с.
- Бодрунов С. Д.* Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 8–14.
- Бодрунов С. Д.* Рождение новой эпохи: вызовы для России и мира // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 235. № 3. С. 55–62.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28.
- Глазьев С. Ю., Львов Д. С.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 793–804.
- Гринин А. Л., Гринин Л. Е.* Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество. 2015. № 1–2. С. 17–47.
- Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 479 с.
- Маркс К.* Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 907 с.
- Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М.: Издательство политической литературы, 1968. 244 с.
- Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. 231 с.
- Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
- Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 421 с.
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2018. 208 с.

- Freeman C.* The Economics of Industrial Innovation: 2nd ed. L.: Francis Pinter, 1982. 250 p.
- Frey C., Osborne M.* The Future of Employment. How Susceptible Are Jobs to Computerization // Technological Forecasting & Social Change. 2017. Vol. 114. Jan. P. 254–280.
- Хокинс Д.* Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М.: Классика-XXI, 2011. 256 с.
- Lee M., Yun J. J., Pyka A., Won D., Kodama F., Schiuma G., Park H., Jeon J., Park K., Jung K.* et al. How to Respond to the Fourth Industrial Revolution, or the Second Information Technology Revolution? Dynamic New Combinations between Technology, Market, and Society through Open Innovation // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2018. Vol. 4. № 3. P. 1–24.
- Xu M., David J. M., Kim S. H.* The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges // International Journal of Financial Research. 2018. Vol. 9. № 2. P. 90–95.

Тема 4

Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)¹

Рассматриваемые вопросы

1. Место концепции нового индустриального общества (НИО.2) в общей теории ноономики.
2. Отличительные особенности современного производства. Технологический прогресс: рост рисков и возможностей в эпоху глобальных трансформаций.
3. Основные характеристики технологической трансформации в условиях «ускорения» инновационных процессов, свойственного НИО.2.
4. Основные характеристики знаниеинтенсивной экономики.
5. Проблемы, которые необходимо решить в условиях глобальных трансформаций и развития знаниеемкого производства.
6. Рединесс-потенциал и пенетрационный потенциал технологий. Синергия технологий.
7. Направления изменений в содержании труда и формирование нового типа работника в условиях НИО.2 и перехода к ноономике.

Далее в рамках нашего курса мы будем говорить о новом индустриальном обществе второго поколения — НИО.2. При этом сначала мы дадим общую характеристику нового индустриального общества и его места в общей теории ноономики и в социально-экономической реальности. Тем, что НИО.2 занимает одно из центральных мест в общей теории ноономики, обусловлена также необходимость вспомнить ряд ключевых тезисов из предыдущих тем курса. Это позволит лучше осмыслить место понятия нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) в общей структуре и логике

¹ Автор лекции: *Барашкова Ольга Владимировна*, кандидат экономических наук, старший преподаватель Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета и старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

курса. А далее мы исследуем ряд ключевых вопросов, связанных с формированием и развитием нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). К таким вопросам относятся следующие: рост знаниеинтенсивности производства и развитие новых технологических укладов; «ускорение ускорения» инновационных процессов; рединесс-потенциал и пенетрационный потенциал технологий; характеристики знаниеемкого производства; интеграция производства, науки и образования как одна из ключевых характеристик экономики XXI века; необходимость осуществления реиндустриализации; проблема формирования нового типа работника для нового этапа развития производства; критерии развития и др.

Место концепции нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) в общей теории ноономики. Основные характеристики НИО.2. Итак, о чем мы говорили ранее. Первое: *концепция ноономики как научная гипотеза.* Происходит качественная трансформация технологического базиса современной экономики, и это приводит к формированию ряда очень существенных, во многом критичных для дальнейшего развития и существования человечества, глобальных вызовов социально-экономическому развитию. Соответственно, происходит переход к качественно новой технологической основе производства. Здесь нам необходимо обратиться к понятию и концепции *нового индустриального общества второго поколения (НИО.2).*

Одной из ключевых характеристик этой стадии развития является реиндустриализация, то есть возвращение к высокой роли промышленного производства на новой технологической основе, когда происходит, в том числе, вытеснение человека непосредственно из процесса материального производства. Человек при этом выполняет функцию управления, становится «контролером производства», и на первый план выходят именно знания человека, а не то, что он выполняет функции придатка машины, как это было в условиях индустриального общества первого поколения (в отличие от нового индустриального общества второго поколения — НИО.2, которому и посвящена наша лекция).

Наконец, все эти изменения востребуют *переход и к качественно новой системе общественных отношений.* И на этом мы делаем

акцент, поскольку подход в рамках нашей разработки этих проблем подразумевает анализ и учет взаимосвязей системы технологий, системы производства и системы общественных отношений. Общая теория ноономики как раз является концепцией, которая предлагает объяснение этого перехода, основные ориентиры, цели, возможные формы этих общественных отношений, что мы с вами и будем раскрывать дальше согласно тематике нашего курса.

Необходимо зафиксировать соотношение трех составляющих, через которые мы можем емко охарактеризовать сущность концепции ноономики (см. рис. 2): 1) технологии (уровень технологического развития, который нагляднее всего выражается с помощью концепции технологических укладов); 2) материальный базис и 3) формы общественного устройства (или формы организации производственных отношений).

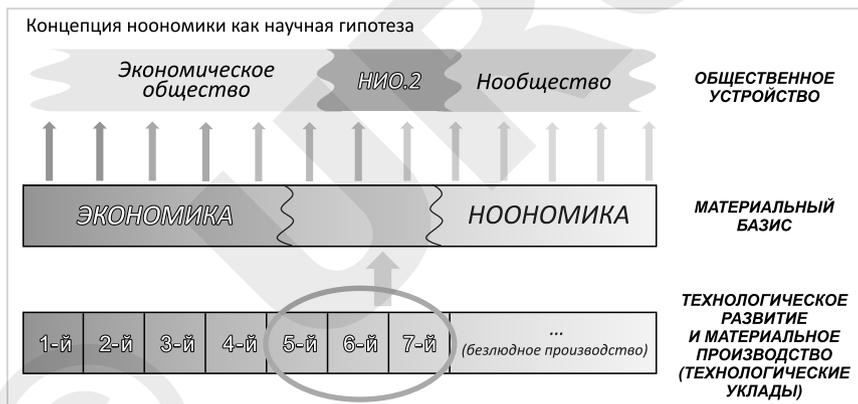

Рис. 2. Три ключевых составляющих (уровня), позволяющих охарактеризовать сущность концепции ноономики: 1) уровень технологического развития; 2) материальный базис; 3) общественное устройство.

Источник: Презентация доклада С. Д. Бодрунова «Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики» на пленарной сессии Санкт-Петербургского экономического конгресса (СПЭК-2019)

Эта схема (рис. 2) позволяет наглядно представить и место НИО.2 в общей теории ноономики. Так, НИО.2 является формой общественного устройства в период перехода от экономического общества к ноообществу и перехода от экономики к нооэкономике. С точки зрения уровня технологического развития, для НИО.2 характерно развитие

5, 6, 7-го (зарождающегося в настоящее время) технологических укладов. А для ноообщества (и, соответственно, ноономики как его материального базиса) прогнозируется уже переход к новому технологическому укладу, в котором технологии позволят перейти к преимущественно безлюдному производству². Подчеркнем, что ноообщество (и, соответственно, ноономика) — это зарождающиеся отношения, и в рамках общей теории ноономики их характеристики мы как раз выводим, выявляем и прогнозируем на основе анализа текущих тенденций.

Концепция ноономики — это научная теория, которая основана на изучении современных тенденций в развитии технологий и, что важно подчеркнуть, социальных сдвигов, которые этими технологиями обусловлены.

Почему это научная гипотеза? Поскольку ноономика — это неэкономический способ хозяйствования, и на данном этапе сейчас развиваются пока только элементы такого способа хозяйствования, то мы говорим о ноономике именно как о научной гипотезе, то есть о том, что основано на анализе реальных фактов и закономерностей и обеспечивает возможность прогнозировать дальнейшее развитие этих тенденций. Следует сказать, что не только прогнозирование текущих тенденций, но и определение *желаемых направлений* помогают обеспечить достижение целей долгосрочного развития, благодаря возможности заранее корректировать при необходимости и определять тенденции в контексте существующих вызовов.

Вопрос о критериях развития является важным, потому что критерии общественного прогресса (сейчас чаще говорят о научно-техническом прогрессе, что отчасти пересекается, но не совпадает с понятием «общественного прогресса»), определение целей и задач экономического развития — это дискуссионный вопрос в настоящее время. И в этом вопросе пересекаются и социально-философское поле дискурса, и социально-экономическое. Как именно эти пространства

² Подробнее о ноономике как основании для нового технологического уклада см.: Глазьев С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–64.

здесь взаимосвязаны? В социальной философии на протяжении многих лет наблюдается тенденция распространения постмодернистского подхода, что подразумевает в том числе отрицание так называемых больших нарративов. К числу больших нарративов относятся и нарративы прогресса, причем *общественного* прогресса. Здесь нужно немного отступить и сделать акцент на том, что *прогресс технологий* в настоящее время активно обсуждается и признается в целом положительным явлением, но часто из дискурса исчезает акцент на том, что *общественный прогресс шире, чем прогресс технологий*. Общественный прогресс подразумевает определение того, какова роль человека в том укладе, который формируется в том числе под воздействием технологического прогресса. Мы можем заметить недостаточное внимание, уделяемое критериям общественного прогресса в широком смысле, который не сводится к технологическому прогрессу³, например, при обсуждении проблем искусственного интеллекта с точки зрения этических стандартов регуляции этой сферы. Чаще обсуждают этические правила, но здесь этические правила не могут заменить социально-философские основания, и важно об этом помнить⁴. Далее мы еще будем касаться этого вопроса критериев — критериев развития, критериев, на основании которых выбирается то или иное направление для осуществления планируемых изменений и т. д.

Когда мы характеризуем новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), необходимо сказать об отличительных

³ Тем, кто хотел бы более глубоко ознакомиться с исследованиями по проблемам общественного прогресса, рекомендуем обратиться к разработкам философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова: Булавка-Бузгалина Л. А. Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84; Гобозов И. А. Прогресс или регресс общества? // Философия и общество. 2015. № 3. С. 34–51; Момджян К. Х. О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 51–58.

⁴ См. по этой проблеме, напр.: Разин А. В. Искусственный интеллект и цифровое общество: новые этические вызовы // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 50–56; Брызгалина Е. В. Искусственный интеллект в образовании. Анализ целей внедрения // Человек. 2021. Т. 32. № 2. С. 9–29.

особенностях современного производства. И в связи с этим обращаю ваше внимание на тезис Алана Фримана — профессора университетов Канады и Великобритании, который на протяжении ряда лет консультировал мэрию Лондона по проблемам развития креативной индустрии и креативной экономики. Он отметил, что «сам термин „ноономика“ — это весьма необходимое напоминание о том, что умственная деятельность не может рассматриваться как второстепенный аспект современного производства, который можно не принимать во внимание»⁵. Иными словами, особенность современного знаниеинтенсивного производства — в том, что умственная деятельность является первостепенным его аспектом, и общая теория ноономики уже в самом названии концепции акцентирует это.

На основании своего опыта исследования сферы креативных индустрий Великобритании, развивая концепцию творческого труда, Алан Фриман ввел термин «немашинизируемый труд». Творческий труд — это труд немашинизируемый. Это понятие отражает то, что, несмотря на развитие технологий, несмотря на автоматизацию, умное производство и т. д., всегда будет оставаться сектор творческого труда, который нельзя машинизировать, нельзя заменить машинами. И такой — немашинизируемый — труд будет занимать значимую долю в структуре занятости и играть очень важную роль в социально-экономическом развитии. Термин «ноономика» и концепция ноономики как раз акцентируют внимание на роли знаний и знаниеемкого производства, а также на характеристиках такого производства, которые мы с вами рассмотрим далее в данной теме.

Напомним еще ряд положений из предыдущих лекций, чтобы выстроить логическую последовательность курса.

Технологический прогресс: рост рисков и возможностей в эпоху глобальных трансформаций. На первой лекции, когда мы говорили о том, что предметом курса являются глобальные трансформации, мы обращали внимание на то, что технологический прогресс, с одной стороны, привел к существенному росту возможностей удовлетворения

⁵ Фриман А. Сумерки машинокрайического мировоззрения: незаменимый труд и будущее производства // По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022. С. 263.

потребностей. В то же время создается ситуация, существенно увеличивающая технологические риски (включая и экологическую напряженность) и создающая социальные вызовы, включая рост неравенства доходов (и важный аспект здесь — это раздувание иллюзорных или симулятивных потребностей). Далее в нашем курсе мы более подробно на этом остановимся, поскольку ноономика как концепция, в центре которой находится изучение и понимание общественного устройства, которое соответствует этим новым условиям, новому технологическому уровню, как раз и позволяет отвечать на эти критические вызовы, подразумевает, что мы говорим не только о производстве, не только о технологиях, не только о том, как человек эти технологии реализует в производстве, но и о *самом человеке*. Причем даже не и о человеке вообще, а *прежде всего* о человеке как акторе, осуществляющем эти изменения, определяющем развитие этих технологий.

В связи с проблемой потребностей заметим, что у нас производство должно быть ориентировано на удовлетворение потребностей. Но сейчас как раз остро стоит вопрос не о том, насколько производство удовлетворяет *существующие потребности*, а насколько оно стремится *создавать новые потребности* (под производством мы подразумеваем бизнес в широком смысле, то есть не только производственную деятельность, но и большой сектор услуг, в том числе так называемую экономику впечатлений). Этот вопрос можно сформулировать и по-другому: на что направлена преобладающая доля инструментов современного маркетинга? Мы видим, что они направлены не на то, чтобы помочь человеку понять свои уже существующие рациональные (разумные) потребности, осознать их и выбрать подходящий способ их удовлетворения, но на то, чтобы сформировать новые потребности (причем зачастую потребности симулятивные, о чем будем говорить далее в рамках курса), что в крайнем выражении приобретает форму манипулирования человеком через его поведенческие особенности, знание о которых активно внедряется в современный инструментарий маркетинга.

Важное место занимает проблема потребностей, проблема того, на удовлетворение каких потребностей направлены ресурсы — рациональных потребностей или же иллюзорных (симулятивных). Здесь

играет роль и культурная составляющая: противоречия глобализации (культурные аспекты) и проблема отсутствия конструктивной альтернативы распаду традиционных ценностей, которая была бы отлична от консервативной альтернативы — это все проблемы, которые в своей сущности также сводятся к проблеме человека, формирования его ценностей, мотивов деятельности. И далее мы подробнее будем рассматривать как раз вопросы формирования самого человека, в которых важнейшую роль играют образование и другие *сферы* (здравоохранение, культура, наука), *создающие, формирующие человеческий потенциал и человеческие качества.*

Также мы ранее отмечали, что рост напряженности и усиление вызовов определяются противоречиями между технологической мощью современного общества в широком смысле слова, которая способна удовлетворять потребности, и нашим неумелым (без учета разумных ограничений) использованием этого технологического потенциала. Но проблема в том, насколько этот технологический потенциал используется умно, целесообразно и в соответствии с целями долгосрочного развития человечества, а не только отдельных акторов, преследующих свои интересы (например, корпоративные интересы, сконцентрированные на прибыли, и т. д.); насколько этот потенциал используется с учетом рисков, и удастся ли направлять его в конструктивное русло — именно на социально-экономическое и культурное развитие всего общества или, по крайней мере, большей его части.

И эти тенденции, которые мы выявляем (а научный подход, напомню, состоит в том, что мы исследуем явления, выявляем тенденции и ищем способы разрешения противоречий), наряду с угрозами содержат в себе и *новые возможности*. Поскольку противоречия непременно содержат в себе и возможности для конструктивного их преодоления. Но при этом нужно четко понимать цели, критерии, по которым мы выбираем соответствующие способы разрешения этих противоречий.

На предыдущей лекции мы рассматривали различные классификации этапов технико-экономического развития (и, соответственно, технологического прогресса) — промышленные революции, технологические уклады. Следует сказать, что одна из самых

операциональных классификаций в этой области сейчас — это *концепция технологических укладов*. Основатели этой концепции — С. Ю. Глазьев и Д. С. Львов. С. Ю. Глазьев в настоящее время продолжает активно развивать эту концепцию⁶. И мы на эту концепцию будем опираться, поскольку это позволяет выявить различные этапы развития общества и, соответственно, нового индустриального общества второго поколения, о котором мы будем говорить. И эта концепция технологических укладов позволяет понять и прогнозировать дальнейшее развитие как технологий, так и экономических, общественных отношений.

Сейчас мы говорим о 4, 5 и 6-м технологических укладах как элементах современного этапа развития. Их сочетание различно для разных стран. При этом действительно передовое развитие — это 5 и 6 технологический уклад, но при этом 3 и 4 уклады во многих странах продолжают оставаться либо доминирующими, либо занимают существенную долю даже там, где 5 и 6 технологические уклады активно развиваются. Что касается 7-го технологического уклада, то считается, что он пока зарождающийся, хотя его контуры уже прослеживаются и активно обсуждаются. 6 уклад — это нанотехнологии и связанные с ними биотехнологии, а 5 уклад — это преимущественно ИКТ.

Итак, *новое индустриальное общество второго поколения и ноономика*. НИО.2 — это общественная система, которая основана на индустриальном производстве, соответственно, это индустриальное производство нового поколения. Эта система по-своему является отрицанием отрицания (здесь мы переходим к понятию из диалектической методологии) нового индустриального общества первого поколения, характеристики которого были подробно раскрыты в работах Джона Кеннета Гэлбрейта⁷.

⁶ Подробнее см.: Глазьев С. Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–64; Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. 310 с.

⁷ См. главы 14 и 18: Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. В рамках общей теории ноономики подробная характеристика НИО.2 в сравнении с новым индустриальным обществом второго поколения содержится в работах: Бодрунов С. Д. НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструментов

Обратите внимание, что «отрицание отрицания» означает снятие (конструктивное снятие) теории постиндустриального общества. В чем же сущность этих теорий, которые были особенно популярны в научном и общественном дискурсе в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг.? Почему они не выдержали проверку практикой? Концепция постиндустриального общества (приставка «пост» означает, что общество следует за индустриальным обществом) подразумевала, что доминирующим для него сектором экономики, составляющим основу его социально-экономического развития, будет сфера услуг, то есть нематериального производства.

Эта концепция в свое время активно иллюстрировалась статистически на примере стран с развитой рыночной экономикой, которые очень существенно задействовали другие страны в глобальных масштабах, перенося на их территорию многие отрасли своего производства (как раз материального производства), и фактически выполняли функции разработки технологий, а это те функции, которые приносят наибольшую долю прибыли в цепочке добавленной стоимости. То есть фактически было некорректно говорить о том, что индустриальный сектор больше не является основообразующим для социально-экономического развития. И это показал опыт дальнейшего развития.

В частности, «мировой экономический и финансовый кризис 2007–2009 гг. охладил казавшийся непреодолимым энтузиазм авторов и поклонников этих теорий. Движение „по ту сторону“ материального производства обернулось на практике не столько ростом эффективности, производительности и благосостояния, сколько экспансией посредничества и, прежде всего, финансового, ставшего немаловажным фактором упомянутого мирового кризиса»⁸. В результате многие исследователи, кто сначала был активным сторонником концепции постиндустриального общества, по прошествии многих лет погружения в эту тему и анализа данных, более аккуратно стали говорить об этих концепциях.

развития: Открытая лекция. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. 76 с.; *Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2016. 327 с.

⁸ *Бодрунов С. Д.* НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструментарий развития: Открытая лекция. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. С. 4.

Когда мы говорим о том, что у нас индустриальный сектор минимизируется, что занятость в нем сокращается, а роль его, следовательно, снижается — здесь возникает немало вопросов. Прежде всего, что понимать под сектором услуг, под постиндустриальным сектором? Что к этому сектору относится, если это сфера нематериального производства? По определению, сфера общественного питания, деятельность курьеров, туристическая сфера относятся к сфере услуг. Если посмотреть на эти сектора экономики, то далеко не во всех из них уровень производительности труда и уровень организации являются высокими. Если в сфере индустриального материального производства высокие технологии заменяют ручной труд высокоавтоматизированным (когда человек фактически контролирует систему машин), что приводит к существенному повышению производительности труда, то в сфере услуг зачастую до сих пор используется ручной труд. Те же курьеры, хотя их передвижение обеспечивается технологиями (сначала велосипеды, потом самокаты с моторами, потом велосипеды с моторами), по своей сути, это все равно очень низко механизированный труд, с низкой производительностью. Поэтому полагать, что доля занятости в этом секторе является признаком прогрессивности социально-экономического развития, будет не вполне корректно.

Ноономика — это общественная система, которая, если говорить словами К. Маркса, лежит «по ту сторону материального производства». То есть рассматривает уже новый этап развития общества и в том числе производства, когда человек непосредственно из самого производства вытесняется, оно, в свою очередь, становится существенно более знаниеемким, то есть доля знаний в нем играет все большую (ведущую) роль — соответственно, это уже другое качество материального производства.

Резюмировать то, о чем мы говорили выше, можно следующим тезисом: *технологическая революция требует существенного реформирования экономических отношений*. И этот тезис является своего рода прологом к дальнейшему переходу к углубленному рассмотрению характеристик нового индустриального общества второго поколения — НИО.2.

Мы уже с вами акцентировали внимание на глобальных вызовах и на том, что общая теория ноономики представляет собой научную

теорию, которая анализирует и систематизирует факты, выявляет и объясняет тенденции, а также возможные направления дальнейшего развития в случае реализации того или иного сценария.

«Ускорение ускорения» инновационных процессов. Технологическая трансформация, или промышленная революция 4.0⁹ — это рост знаниеемкости материального производства, причем рост, обратите внимание, с ускорением ускорения. То есть это не просто ускоренный рост, но еще более ускоренный по сравнению с прежним ускоренным ростом. То есть сами темпы роста повышаются.

Что в себя включает это комплексное явление? Во-первых, *взрывной рост продвинутых технологий* 5 и 6 технологических укладов, о которых мы с вами говорили ранее. Во-вторых, *синергию технологий* как основу формирования новой индустриальной базы экономики. В-третьих, *усиление тенденций интеграции производства, науки и образования*¹⁰.

Интеграция производства с наукой и образованием — это очень важный, можно сказать, ключевой момент тех явлений и того курса, который важно реализовывать и для того, чтобы направить глобальные трансформации в конструктивное русло, и для того, чтобы выстраивать новое знаниеемкое производство, и чтобы формировать человека, который в этих новых отношениях (производственных и социально-экономических) будет востребован и будет выступать своего рода «центром» этих отношений. В кратком виде это можно сформулировать в виде следующего тезиса: основой экономики XXI века должен стать единый комплекс, объединяющий на микро- и макроуровнях такие звенья, как: 1) высокотехнологичное материальное производство, создающее знаниеинтенсивный продукт; 2) наука, создающая ноу-хау (англ. know-how); 3) образование и

⁹ Подробнее о составляющих Четвертой промышленной революции см., напр.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2023. 208 с.

¹⁰ По проблемам интеграции производства, науки и образования существует большой пласт работ, ссылки на ряд из них содержатся в списке рекомендованной литературы. Значительный вклад в разработку этой темы внесли регулярные конгрессы «Производство. Наука. Образование (ПНО)», проводимые под эгидой Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте. См., например: Производство, наука, образование: сценарии будущего (ПНО-2021). Сборник статей VIII Международного конгресса. СПб.: Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, 2022. 423 с.

культура, формирующие человека, обладающего знаниями и способного их применить в производстве (новый тип работника, новый человек)¹¹. Наконец, четвертый элемент технологической трансформации в условиях «ускорения ускорения» инновационного процесса — это *курс на высокотехнологичную реиндустриализацию*, то есть на повышение роли промышленности, индустриального производства на новой высокотехнологичной основе.

Все перечисленные выше задачи целесообразно решать в рамках общего долгосрочного направления — осуществления *опережающей* траектории развития. С таким понятием, как «догоняющее развитие», вы, безусловно, знакомы. А мы ведем речь об *опережающем* развитии. При такой постановке долгосрочных задач (а стратегия — это всегда долгосрочные цели и задачи, ведущие к этим целям) мы не догоняем по тому же пути, по тем же показателям, которые были на предшествующих этапах развития передовых стран (передовых на момент составления стратегии), а определяем, формулируем критерии, чтобы понять, какие цели, какие задачи будут соответствовать (через определенное количество лет) нашим задачам социально-экономического, культурного, социогуманитарного развития, и выстраиваем опережающую стратегию развития. Эта опережающая стратегия развития учитывает уже будущие целевые ориентиры и включает в себя конкретные шаги, которые к этому приведут (а не просто реализуется стремление догнать другие страны, путем прохождения всех этапов развития последних — при других условиях, критериях и т. д.).

Далее следует сказать о сущности того сдвига, который лежит в основе трансформации глобальной экономики. Знания являются решающим фактором развития индустриального материального производства и, соответственно, это определяет новое качество экономики, а, следовательно, и общественного устройства, поскольку мы рассматриваем экономические отношения в тесной взаимосвязи с общественными отношениями. И речь мы ведем о новом индустриальном обществе второго поколения (НИО.2), которое в этих условиях формируется.

¹¹ Подробнее см.: Бодрунов С. Д. НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструкторский развития: Открытая лекция. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. С. 37–39.

Следует также сказать о роли человека в производстве. Производство подразумевает определенный характер труда, и, следовательно, производство на новом этапе развития также подразумевает новое содержание труда и определенные изменения трудящегося человека (формирование нового типа работника). Новое содержание труда рассматривалось нами в одной из предшествующих тем¹². Речь идет о творческом труде, творческой деятельности, креативной деятельности, соответственно — о *креативном работнике*. И эти изменения производства вызывают необходимость не только реформирования управления экономикой, но и *научного обоснования целей и характера самих изменений*. Как вы помните, мы с вами говорили ранее о критериях, которые лежат в основе постановки целей и задач развития.

Приведем *основные характеристики знаниеинтенсивной экономики* (напомню, что мы говорим о знаниеемком (знаниеинтенсивном) производстве, и, соответственно, — знаниеинтенсивной экономике):

- значение материальных компонентов в продукте снижается, а знаниевых компонентов — повышается. Эта особенность как раз и определяет знаниеемкий продукт. На смену материалоемким и энергоемким продуктам приходит новый тип продуктов — знаниеемкие;
- изменение места и роли человека в производстве;
- изменение характера инновационной технологической деятельности («ускорение ускорения», о котором мы говорили, синергия технологий и др.);
- повышение необходимости и (что важно) возможности, потенциала интеграции производства, науки и образования;
- возникновение предпосылок для формирования нового типа человека. Мы знаем, что распространено понятие «человек экономический» (хомо экономикус), а здесь мы уже можем говорить о «человеке знающем» («хомо ноосус»), который в условиях ноономики — нового общественного типа устройства, играет решающую роль.

¹² См. также подробнее об этом: Колганов А. И. Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 65–80.

Если мы говорим о целях и задачах развития, которое мы с вами ранее определили, как развитие опережающее (а не догоняющее), то какие нам необходимо решить проблемы для достижения этих целей? Обратите внимание, что сейчас мы будем говорить о России. С одной стороны, в рамках курса мы говорим о глобальных трансформациях, но, с другой стороны, в данном контексте мы конкретизируем то, что наиболее актуально для нашей страны.

Итак, во-первых, это проблемы импортозамещения, производства знаниеемкого оборудования для высокотехнологичного производства. Во-вторых, очень острая проблема дефицита кадров. Это актуально всегда, а в условиях глобальных изменений, резкого увеличения роли знаниеемкого производства и новых технологий значение проблемы дефицита кадров повышается. Поскольку, с одной стороны, за счет внедрения новых технологий (в том числе искусственного интеллекта) высвобождаются занятые из какого-то сегмента, но это автоматически не приводит к тому, что эти люди становятся сразу трудовыми ресурсами для другой сферы деятельности. Необходимо как минимум организовать переобучение этих людей. И с этой целью активно создаются прогнозы таких секторов. Также здесь есть проблема, что высвободившиеся трудовые ресурсы далеко не всегда могут перейти в другой сектор, который в трудовых ресурсах активно нуждается¹⁵. Наконец, проблема недостаточного научного сопровождения перехода к знаниеемкому производству и знаниеинтенсивной экономике, недостаточная интеграция науки в эту сферу.

Какие же есть направления решения этих проблем и, соответственно, стратегии, которые учитывают эти тенденции? Для того чтобы определить цели экономического развития, обосновать стратегию достижения этих целей, выработать критерии и определить модель экономического развития, существенной является роль экономической науки (экономической теории). Также необходимое условие для реализации серьезных изменений и выстраивания траектории движения к заданным целям и задачам — это использование

¹⁵ Подробнее об этой проблеме см., например: *Земцов С. П.* Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 1–16.

инструментария стратегического планирования, то есть интеграция стратегического планирования в деятельность по достижению поставленных целей. И, конечно, подготовка кадров, которые необходимы для знаниеинтенсивной экономики.

Какие ресурсы можно задействовать для интенсификации технологического развития? Материальные (финансовые) ресурсы: государственный бюджет, средства предприятий как субъектов хозяйственной деятельности. Существенный ресурс, который мог бы быть задействован — это сокращение утечки капитала, но это большая проблема, которая скорее находится в области политической воли, поскольку экономическая и политическая сфера, как области управленческих решений, тесно взаимосвязаны, в частности в этом вопросе. С. Ю. Глазьев много пишет о том, какой ресурс утрачивается из-за утечки капитала, и обосновывает меры, которые позволили бы сократить его утечку, а следовательно, больше ресурсов направлять в экономическое национальное развитие.

Человеческие ресурсы: интеграция производства, науки и образования, развитие креативного (творческого) труда и творческого человека. Известное понятие «креативный класс» используется для отражения этой области в задачах развития.

Чтобы создать условия для развития и использования потенциала творческого (креативного) труда, необходимо формировать инфраструктуру как для развития, формирования человеческого потенциала, так и для реализации творческой деятельности. И это тоже важное направление решения задач развития.

Что касается области социально-экономических отношений и институтов, то здесь мерами, направленными на достижение обозначенных нами выше целей, является уход от рыночного фундаментализма, то есть признание того, что рынок далеко не все регулирует, что минимизация роли государства не отвечает поставленным целям и задачам, напротив, требуется повышение роли государственного регулирования и планирования.

Большую роль в этих изменениях следует отводить промышленной политике, осуществлению долгосрочной стратегии социально-экономического развития. Необходимо выявлять направления технологического прорыва — наиболее перспективные области — и направлять ресурсы на эти направления.

Здесь следует также учитывать, насколько экономика на текущем этапе своего развития (в точке отсчета для наших планов) восприимчива, готова к тому, чтобы внедрить те или иные высокие технологии, характерные для 5 и 6 технологических укладов. В общей теории ноономики это называется *«рединесс потенциал»* — потенциал восприятия новых технологий, восприимчивости к новым технологиям. Причем выделяют два типа рединесс потенциала: рединесс-I (потенциал восприятия новой технологии другими технологиями) и рединесс-II (потенциал восприятия новой технологии уже отдельными элементами производственного процесса). Понятие рединесс-потенциала необходимо рассматривать в связке с понятием «пенетрации» — проникновения технологий (технологических решений) в другие технологии и различные элементы производственного процесса. «Рединесс потенциал» необходимо учитывать при выявлении направлений для технологического прорыва и разработке мер по развитию этих направлений¹⁴. И это особенно важно на современном этапе развития, для которого характерна *синергия технологий* — увеличение технологического эффекта при сопряжении двух или нескольких технологий, превосходящее сумму эффектов технологий по отдельности. Возможность выявить направления технологического прорыва и обеспечить условия для синергии технологий в этих областях является важным условием получения максимально возможного эффекта от внедрения новых технологий.

Следующая мера — это совершенствование государственного управления согласно поставленным целям и задачам, а также критериям, которые мы определили.

И в заключение рассмотрения нашей темы следует сказать о *характеристиках нового типа работника*. И этот вопрос будет своего рода мостиком к следующим темам курса, в которых более подробно будут затронуты проблемы развития культуры как одной из основных сфер формирования человека и его потребностей, а также проблемы формирования самих потребностей человека, соответствующих уровню развития ноообщества. Мы ранее говорили о креативном (творческом) работнике как о ключевом звене знаниеинтенсивного производства и знаниеинтенсивной экономики в целом.

¹⁴ Подробнее см.: *Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики. М., 2019. С. 140–154.

Что же определяет характеристики человека как человека труда? В чем новизна, когда мы говорим о новом типе работника, и какие характеристики особенно важны в условиях развития нового технологического уклада? При этом, охарактеризовав человека труда и в целом человека, мы сможем с нового ракурса посмотреть и на цели, на то развитие какого общества и экономики является целевым ориентиром в рамках общей теории ноономики. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что изменяется тип потребностей, на которых концентрируется человек. Также следует отметить, что главными профессионалами становятся инженеры, ученые и педагоги, а не менеджеры, маркетологи и финансисты, что было характерно для предшествующего этапа развития.

Таким образом, НИО.2 — это современный этап социально-экономического развития, обладающий рядом отличительных характеристик, и следует учитывать, что в нем уже существуют элементы следующего этапа общественного развития — ноономики. И новый уровень развития производства (НИО.2) требует и нового типа работника, а новый тип общественного устройства (ноономика) требует новый тип человека. Для формирования человека одной из ключевых сфер является сфера культуры, которая в значительной степени оказывает влияние на формирование ценностей, мотивов деятельности и потребностей человека. И эти важные вопросы будут рассмотрены в следующих темах курса.

Рекомендуемая литература

- Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2016. 327 с.
- Бодрунов С. Д.* НИО.2 и ноономика как ключевые ориентиры социально-экономической трансформации: предпосылки формирования и инструментарий развития: Открытая лекция. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2019. 76 с.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
- Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики: Учебник. Гл. 4. Переход к новому поколению индустриального общества. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.
- Бодрунов С. Д., Гэлбрейт Дж. К.* Новая индустриальная революция и проблемы неравенства. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. 143 с.

- Глазьев С. Ю.* Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–64.
- Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 479 с.
- Земцов С. П.* Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 1–16.
- Колганов А. И.* Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 65–80.
- Маслов Г. А.* Концепция НИО.2 и ноономики: истоки становления в экономической теории // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 142–151.
- Маслов Г. А., Яковлева Н. Г.* Производство. Наука. Образование в России: технологические революции и социально-экономические трансформации // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 58–64.
- Нуритдинова А. Р.* Основные направления интеграции науки, образования и производства // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 4. С. 24–27.
- Производство, наука, образование: сценарии будущего (ПНО-2021). Сборник статей VIII Международного конгресса. СПб.: Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, 2022. 423 с.
- Фриман А.* Сумерки машинокрайического мировоззрения: незаменимый труд и будущее производства // По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022. С. 255–331.
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2023. 208 с.

Тема 5

Потенциал новых технологий и угроза цивилизационной развилки. Реальные и симулятивные потребности¹

Рассматриваемые вопросы

1. Новые технологии и сценарии общественного развития.
2. Скачок в технологическом развитии и наступление переломного момента в истории цивилизации.
3. Реальные и симулятивные потребности.
4. Рост давления на окружающую среду.

В предыдущих лекциях мы подробно рассмотрели эволюцию индустриального производства, отличительные особенности современного производства и определили, что общество находится на пороге 6 технологического уклада, который открывает перспективу новой технологической революции, создает материальную основу перехода к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2). Однако будет ли это новое индустриальное общество (в целом человеческая цивилизация) развиваться, и в каком направлении, зависит не только от уровня развития производительных сил, в том числе технологий, но и от характера общественных отношений. То есть, иными словами, технологии уже готовы перейти на новую ступень развития, но готов ли человек влиять на общественные отношения (и одновременно изменяться вместе с ними) в направлении движения к переходу к НИО.2 и далее к нооэкономике? Это и есть основной вопрос этой лекции.

¹ Автор лекции: *Яковлева Наталья Геннадьевна*, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, доцент Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета и ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Напомним, что метод марксистской политической экономии показывает диалектическую взаимоадекватность, с одной стороны, материально-технологической базы производства (в марксистской теории это называют производительными силами), а с другой — социально-экономических (общественных) отношений (в марксистской теории — производственных отношений). К. Маркс и его последователи показали, с одной стороны, как характер социально-экономических отношений двигает технический прогресс вперед, определяя ступени эволюции производительных сил, а с другой — как эта эволюция производительных сил преобразовывает сам характер общественных отношений. Например, сегодня мы наблюдаем, как изменение облика современного производства меняет роль рыночных отношений и определяет генезис пострыночных, посткапиталистических отношений².

Эти положения марксистской политической экономии в ноомике соединяются, с одной стороны, с современными направлениями развития материально-технической базы производства и производственных отношений, с другой — процессами в пространстве культуры (как пространства формирования и развития человеческих качеств и человеческого потенциала). Это соединение показывает, что общество продвигается к такой системе общественных отношений, в которой собственность, деньги, капитал и другие отношения рыночной экономики постепенно снимаются новым типом отношений, в которых формируется новый человек (ноочеловек), с новой системой ценностей и стимулов, связанных с саморазвитием и самореализацией. Происходит постепенное замещение прежних, утилитарно-симулятивных потребностей новыми — потребностями в совершенствовании человеческих качеств.

Более подробно остановимся на специфическом отличии технологий 6 технологического уклада от предыдущих поколений технологий. Особые свойства нового технологического уклада — это *соединение технологий*, т. е. так называемая синергия технологий. *Синергия технологий* — явление увеличения технологического эффекта,

² Дискуссии по генезису посткапиталистических отношений ведутся на разных площадках, в частности на страницах журнала «Вопросы политической экономии» (См. подробнее № 1 и № 2, 2024. URL: <https://interpolitec.su/>).

превосходящего сумму эффектов отдельных технологий, при сопряжении двух или нескольких технологий.

Если раньше технологии развивались локально в определенных сферах, то технологии 6 технологического уклада имеют большую способность к взаимопроникновению и взаимовлиянию друг на друга. Причем, это не просто искусственное соединение одной технологии с другой, а восприятие и взаимодействие разнородных технологий на более высоком технологическом уровне. На этой основе появляются гибридные технологии.

Гибридные технологии используются в различных областях, например:

- в производстве (гибридные аддитивные системы обработки);
- в медицине (гибридные фотоакустические и термоакустические технологии в биомедицинской инженерии);
- в IT (гибридные интеллектуальные системы (экспертные системы + нейроинформационные технологии)).

С одной стороны, появление гибридных технологий дает возможность удовлетворения потребностей человека на более высоком уровне, с другой стороны, это может создавать угрозы формирования независимой от человека технической системы, т. к. эффект проникновения технологий одна в другую формирует сложные целостные технические комплексы, образующие техноценозы. *Техноценоз* — образующееся (по аналогии с биоценозом) сообщество технических изделий, характеризующихся технологической взаимозависимостью и общим целевым назначением³.

В связи с этим перед современным обществом встает ряд важных вопросов. Насколько человек с сегодняшней системой ценностей, мотивами и потребностями, а также уровнем знаний готов ставить сложным техническим системам такие задачи, которые ведут к прогрессу общества? Возможно ли наступление такой ситуации, когда техноценоз сможет существовать без воздействующей и направляющей роли человека? Могут ли сложные технические системы влиять не только на общественные отношения, но и изменить

³ Понятие «техноценоз» введено Б. И. Кудриным. См.: Кудрин Б. И. Исследования технических систем как сообществ изделий — техноценозов // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 236–254.

непосредственно природу человека? Таким образом, технологический прогресс ставит ряд проблем перед обществом, которые влияют на дальнейшее развитие как общественных отношений, так и непосредственно человека, как особого рода существа, живущего на Земле.

Новый технологический уклад способен не только перестроить образ общественной жизни человека, но и сам, в свою очередь, может определенным образом встраиваться в новый общественный уклад. В теории ноономики этот процесс представлен следующими этапами:

1. Создаются необходимые технологические предпосылки для перехода к иному способу и иному уровню удовлетворения человеческих потребностей.
2. Меняется механизм формирования этих потребностей.
3. Происходят изменения в общественных отношениях и институтах, и, в итоге, в тех общественных условиях, которые задают вектор самого технологического прогресса.
4. Формируется новый тип человеческой деятельности и новый тип человека.

Создаются необходимые технологические предпосылки, о которых мы уже подробно говорили в предыдущих лекциях, к новым способам удовлетворения более широкого спектра потребностей (например, еще 20–30 лет назад мы не предполагали, что появится возможность купить практически любые товары, не выходя из дома, а сейчас это уже обычное явление⁴). Это влечет за собой и изменение механизма формирования потребностей у человека, потребности могут расширяться, изменяться по содержанию и т. д. Под влиянием изменений технологических предпосылок и потребностей человека изменяются и общественные отношения. И все это, в конечном счете, влечет за собой формирование новых видов деятельности человека, а также может влиять на формирование нового типа личности человека.

Новый технологический уклад и новые технологии влияют на общественный уклад, т. е. на социально-экономическую систему и

⁴ Читатели могут ознакомиться с подробными статистическими данными, свидетельствующими о динамичном росте интернет-торговли на протяжении последних нескольких лет (в разрезе по странам мира), обратившись к следующему ресурсу: Интернет-торговля в мире / TAdviser. [Дата публикации: 25.02.2025]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-торговля_в_мире

формирующиеся в ней общественные отношения и, соответственно, на самого человека. Но существует и обратная связь: общественные отношения влияют на прогресс технологий и их использование.

Применяя диалектический метод, мы можем определить противоречие, которое обусловлено, с одной стороны, прогрессом производительных сил, в первую очередь технологий, увеличением знаниеемкости производства, изменением содержания труда, с другой стороны — общественными отношениями, характерными для современного этапа рыночно-капиталистической системы, характеризующегося финансиализацией экономики, коммерциализацией социальной сферы и т. д. (рис. 3).

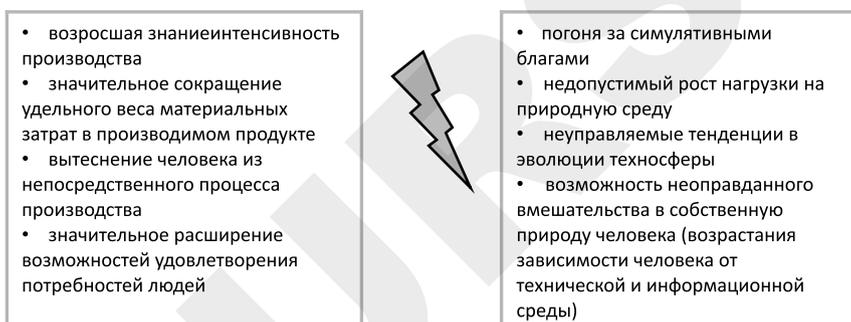

Рис. 3. Противоречие развития НИО.2

Источник: разработано автором

С одной стороны, рост возможностей современного общества, которые обусловлены, в первую очередь, технологическим прогрессом, ведет к появлению различных траекторий развития, а с другой — создает систему глобальных угроз и появление так называемой *цивилизационной развилки*⁵ или двух путей развития:

- «либо поворот к обществу с новым общественным укладом, разумное использование технологических достижений и устойчивое формирование несимулятивных потребностей личности и общества,

⁵ Бодрунов С. Д. Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 35–37.

- либо путь в тупик, в технотронное общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие и преимущественно симулятивные потребности, а большинство людей занято в сфере обслуживания, с возможной утратой контроля над развитием техносферы и разрушением среды обитания»⁶.

В связи с этим актуальными вопросами являются: «...анализ рисков и противоречий, которые связаны с увеличением давления на окружающую среду, опасностью вмешательства в природу человека и другими проблемами, стоящими перед человечеством на пути к ноономике или на пути к глобальным катастрофам. Однако, если удастся преодолеть эту развилку на основе осмысленного продвижения к ноономике, человечество сможет сделать шаг к нооиндустриальной системе. Главным станет использование знаний и технологий, а важнейшим компонентом будет технология доверия, формирующая нового человека, новые общественные отношения, превращающие знания в важнейший феномен его бытия, а не просто экономического развития с акцентом на культурные приоритеты и у человека, и у общества»⁷.

В основе этой развилки, как говорится в общей теории ноономики, лежат *разные виды рациональностей* (рис. 4). Рациональность в человеке есть всегда, но на современном этапе развития общественной системы над нами довлеет экономическая рациональность, а именно — увеличение объема производства и потребления в денежном эквиваленте.

Здесь проявляется проблема качества и количества в экономике, из которой вытекает проблема экономического роста и/или экономического развития. С начала индустриальной эпохи экономический рост, понимаемый как увеличение объема производимых обществом товаров и услуг, стал фетишем практически для всех промышленных стран. В жертву этому приносились и приносятся страны, регионы и в целом природная среда обитания человека. Мировой и отечественный исторический опыт показал, что само по себе наращивание

⁶ Бодрунов С. Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 113.

⁷ Зотова Е. С. О ноономике как основе глобальной трансформации (рецензия на книгу С. Д. Бодрунова «Ноономика: траектория глобальной трансформации») // Экономическая наука современной России. 2021. № 2 (93). С. 123–129.

Рис. 4. Виды рациональностей

Источник: Доклад С. Д. Бодрунова «Презентация учебника «Общая теория ноономики»

валовых показателей экономики (ВВП и др.) не гарантирует роста благосостояния населения и социально-экономической стабильности, увеличения производительности труда и улучшения других показателей экономической эффективности. Поэтому стало очевидным, что экономический рост и экономическое развитие, а тем более социально-экономическое развитие — это не синонимичные понятия⁸.

Капитал всегда стремится к расширению массового производства и массового сбыта. К. Маркс определял капитал как самовозрастающую стоимость, т. е. стоимость, приносящую прибавочную стоимость или избыток над первоначальной стоимостью. Рыночно-капиталистическая система, с одной стороны, порождает постоянное развитие производства, совершенствование технологий, прогресс производительных сил — и одновременно расширение и рост многообразия человеческих потребностей. С другой стороны, исходя

⁸ Данные вопросы рассматривались, например, на круглом столе «Рост VS развитие», организованного журналом «Вопросы политической экономии» и Научно-образовательным центром современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. По итогам круглого стола издан тематический номер журнала «Вопросы политической экономии» (2024. № 3. URL: <https://interpolitec.su/>).

из экономической рациональности, безразлично какого рода потребности и какими средствами удовлетворять (главное — спрос платежеспособного потребителя) — то вместе с прогрессом производства и потребления развивается также индустрия по формированию и удовлетворению навязанных потребностей (маркетинг, реклама и т. д.), которые в большинстве своем являются симулятивными⁹.

С. Д. Бодрунов пишет об этом: «Симулятивные потребности — это иллюзорные, фальшивые потребности, навязываемые рыночной системой исключительно в погоне за расширением объема сбыта. Они формируются искусственно: под влиянием идеологической обработки потребителей им навязываются излишние или даже приносящие вред предметы потребления, а многим полезным вещам приписываются дополнительные свойства, симулирующие удовлетворение потребностей. Согласно концепции Ж. Бодрийяра¹⁰, значительная часть потребления в современном капитализме формируется не реальными полезными вещами (потребительскими стоимостями), а лишь знаками удовлетворения мнимых потребностей (симулякрами)»¹¹.

В современной рыночной экономике позднего капитализма выделяются:

- производство реальных потребительских стоимостей, удовлетворяющих реальные потребности;
- производство товаров-симулякров, симулирующих удовлетворение симулятивных потребностей, искусственно создаваемых при помощи маркетинга, рекламы и различных способов манипуляции сознанием потребителя.

Товары-симулякры — товары, выступающие как знаки удовлетворения симулятивных потребностей или как средства удовлетворения мнимых потребностей¹².

⁹ Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 3–25.

¹⁰ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. 240 с.

¹¹ Бодрунов С. Д. Ноономика как стратегический проект // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 139.

¹² Природа и роль симулятивных товаров с социально-философской точки зрения была детально исследована Ж. Бодрийяром в работе: Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион Русская книга, 2003. 272 с.

Массовое производство товаров-симулякров привело к возникновению и формированию обширного рынка симулякров, превратившегося в значимое социально-экономическое явление.

Анализ природы товара-симулякра и рынка таких товаров подробно представлен в статье А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии»¹³.

Авторы вышеуказанной статьи представили следующую *классификацию феноменов рынка симулякров*:

1. «Обычные» товары, превращенные в символы и получившие в силу этого ценность, существенно превышающую ту, что имеют их аналоги, например:

- костюм-бренд, стоящий в десятки раз дороже не имеющего соответствующего лейбла костюма с аналогичными потребительскими качествами;
- все феномены из области «престижного потребления» — от модных ресторанов и клубов до особых образов жизни;
- феномен «человек-бренд»; когда создатели брендов сознательно формируют некие личности как симулякры определенного образа жизни (например, тот или иной вариант гламура, где за симулякром искусства (человека искусства) скрыто формирование имиджа тех или иных корпораций). Таким образом формируется человек-симулякр (s-человек), создающий эпидемию симулятивно-подражательного поведения.

2. Знаковые феномены, не имеющие «обычной» потребительской стоимости, например:

- поток симулякров, идущих от СМИ;
- продукты массовой культуры, не имеющие культурной ценности (не способствующие возвышению человеческих качеств), но имеющие очень высокую символическую ценность, создаваемую специфическими методами (от «обычной» рекламы до особых механизмов «раскрутки» поп-звезд);
- искусственно сформированные знаково-символические сферы досуга.

¹³ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Альтернативы. 2012. № 2. С. 65–91.

3. Виртуальные товары-симулякры:

- симулякры, создаваемые процессом финансиализации в сфере виртуального фиктивного капитала («начинка» искусственно «надутых» финансовых пузырей — деривативы и другие финансовые производные); эти товары обращаются на рынках, порожденных современными тенденциями эволюции фиктивного капитала и дальнейшего отрыва его от реального капитала;
- совокупность предметов и услуг виртуального потребления (от бессодержательных компьютерных игр до привычки к бездумному и бессмысленному веб-серфингу).

С точки зрения марксистской политической экономии¹⁴, материальной предпосылкой формирования рынков симулякров стали двоякого рода технологические процессы:

- развитие технологий, повышение производительности и роста креативной составляющей труда до такого уровня, когда стало возможным массовое производство товаров-симулякров, ориентированное на широкие круги общества;
- развитие и повсеместное распространение компьютерных технологий и интернет-среды, что создало необходимые предпосылки для развития рынков-симулякров третьего рода (рынков виртуальных симулякров), а именно они растут быстрее всего в современных условиях.

Генезис рынков симулякров обусловлен специфическими противоречиями процесса накопления капитала, характерными для второй половины XX – начала XXI вв. — достижение пределов прогресса накопления¹⁵ капитала в реальном секторе экономики¹⁶.

В работах по теории ноономики отмечается, что для продвижения к ноономике необходимо формирование ноорациональности,

¹⁴ Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2012. № 11. С. 31–42.

¹⁵ Пределы накопления — возможность бесконечного инвестирования в реальное производство (производство продуктов и услуг, необходимых для прогресса производительных сил и прежде всего — самого человека) при несокращающейся норме прибыли.

¹⁶ Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2012. № 11. С. 31–42.

основанной на осознанном самоограничении удовлетворения исключительно *реальных потребностей*, контроле за рациональностью применения знаний и современных технологий и разумных критериях вмешательства в окружающую среду и природу человека.

Таким образом, «встает проблема изменения критериев рациональности хозяйственной деятельности человека и критериев разумности формирования его потребностей. Эти критерии не могут измениться сами собой даже при понимании остроты тех проблем, которые влечет за собой следование прежним, экономическим критериям рациональности. Для их изменения должны накопиться объективные предпосылки в характере деятельности людей»¹⁷.

Рост потребностей человека, особенно симулятивных, и способов их удовлетворения *увеличивает давление на окружающую среду*, а значит, увеличивает риск возникновения экологических проблем и даже необратимых последствий для жизни на планете Земля. В связи с этим возникает необходимость гармонизации взаимоотношений человека и природы.

Теория ноосферы — одна из первых теорий, которая положила начало исследованию влияния человека и общества на природу, и определила основания гармонизации этих отношений. Огромный вклад в развитие теории ноосферы внес В. И. Вернадский, который выделил биосферу и ноосферу. Он определил, что *ноосфера* — высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием человеческого общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы. Теория ноосферы утверждает, что человечество является частью природы, мощной «геологической силой» (своей мыслью и трудом преобразующей нашу планету) и поэтому для самосохранения должно взять на себя ответственность за развитие биосферы, превращающейся в ноосферу. Это требует определенной социальной организации и новой (экологической и гуманистической) этики. Теория ноосферы разрабатывалась в первые десятилетия XX в., поэтому в полной мере в своих основах учитывала три основных силы: *природа — человек — общество*.

В XX в. появляется еще один существенный элемент — техника. Особенно активно влияние техники с конца 50-х гг. XX в., с началом

¹⁷ Бодрунов С. Д. Ноономика и ноосфера: взаимосвязь и различия концепций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 21.

научно-технической революции (НТР) как гигантского качественного скачка в развитии науки и техники. Поэтому в наши дни необходимо учитывать и гармонизировать следующую цепочку отношений: *природа — человек — общество — техника*.

Рост техносферы уже сегодня начинает превосходить то, что создавалось естественной биологической эволюцией. По данным геологов, вес техносферы, то есть всего, что создал человек за свою историю с помощью технологий, составляет 30 триллионов тонн (табл. 3).

Таблица 3

Примерная масса основных компонентов физической техносферы
(в порядке убывания, 1 Tt = 10^{12} тонн)¹⁸

Компонент	Площадь, 10 ⁶ км ²	Толщина, см	Плотность, г/см ³	Масса, Tt	%
Городские районы	3,70	200	1,50	11,10	36,9
Сельское жилье	4,20	100	1,50	6,30	20,9
Пастбища	33,50	10	1,50	5,03	16,7
Пахотные земли	16,70	15	1,50	3,76	12,5
Траловое морское дно	15,00	10	1,50	2,25	7,5
Землепользование и эрозия почвы	5,30	10	1,50	0,80	2,7
Негородские дороги	0,50	50	1,50	0,38	1,3
Лесопосадки	2,70	10	1,00	0,27	0,9
Водоемы	0,20	100	1,00	0,20	0,7
Железнодорожные пути	0,03	50	1,50	0,02	0,1
Итоги (если применимо)	81,83			30,11	

С одной стороны, это создает угрозы самому существованию человечества, с другой стороны — окна возможностей, дающие шанс разрешить проблемы техногенного давления на окружающую среду. Техносфера превратилась в колоссальную и уже во многом независимую от человека силу. Увеличивается ответственность человека

¹⁸ *Zalasiewicz J., Williams M., Waters C. N. etc. Scale and diversity of the physical technosphere: A geological perspective // The Anthropocene Review. 2017. Vol. 4 (1). P. 12.*

за введение этой силы в разумные рамки, и здесь возникают возможные варианты: либо ответственность будет осознана и превращена в систему действий коллективных акторов, либо ответственность будет не осознана, или осознана, но не реализована в силу коллективной безответственности человечества.

Теория ноономики, несмотря на определенные, в том числе принципиальные, отличия, имеет и сходство с теорией ноосферы¹⁹. И основное сходство состоит в том, что обе теории исходят из возрастающего значения человека и его разума для дальнейшего развития цивилизации. Однако если теория ноосферы лишь фиксирует приобретение человеческим разумом определяющей роли в развитии цивилизации, то теория ноономики определяет конкретные материальные и социальные предпосылки, которые обуславливают переход к качественному изменению роли разума и личности человека в развитии человеческой цивилизации. Кроме того, в теории ноосферы в самой начальной форме определяются тенденции, связанные с развитием самого разума. В теории ноономики этому вопросу также уделяется внимание, причем, с точки зрения роли знания в развитии производства, в формировании целевых установок и потребностей человека. Теория ноономики фокусируется на содержательной стороне вопроса нооразвития в целом, не ограничиваясь исследованием, безусловно важного вопроса — роли человека в его отношениях с окружающим миром.

Как определяет С. Д. Бодрунов, «ноономика выступает как материальный базис всей общественной жизни, сформированный на критериях разума и культуры, — нообщества, нооцивилизации, и в этом смысле является тем реальным основанием, на котором ноосфера и может стать реальностью. Развитие современных технологических укладов, ведущее к существенному росту знаниеинтенсивности (knowledge-intensity), создает предпосылки для формирования нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). В свою очередь НИО.2 образует отправной пункт перехода к ноономике — к неэкономическому способу производственной деятельности,

¹⁹ См. более подробно в статье С. Д. Бодрунова: Ноономика и ноосфера: взаимосвязь и различия концепций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 7–31.

обеспечивающему удовлетворение потребностей человека на основе не экономических критериев рациональности, а критериев знания и культуры. Центральным звеном системы такого рода потребностей выступает развитие самого человека, его творческих способностей. Такая система потребностей позволяет отойти от нарастающего давления на природную среду, которое подталкивается стремлением к экономическому росту, ориентированному на постоянное наращивание объемов потребления»²⁰.

В заключении скажем также о линии рассуждений марксистов-политэкономов, вытекающей из работ К. Маркса: капитализм, как строй, базирующийся на эксплуатации и природы, и человека, не может решить экологические проблемы²¹. Поэтому для разработки и внедрения новых, природосберегающих технологий и повсеместного их применения, а также ограничения и/или отказа от нерационального использования природных ресурсов и т. д. необходима новая система общественных отношений, в которой налажена планомерная организация общественного производства, а человек в его единстве с природой выступает как высшая ценность и цель развития. В качестве некоторого паллиатива на пути к реализации этой цели может выступать *социализация и развитое общественное регулирование* в рамках реформируемой существующей капиталистической системы.

Рекомендуемая литература

- Бодрунов С. Д. Научно-технический прогресс и трансформация общества: нономика и нообщество. Часть 1 // Нономика и нообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 35–37.
- Бодрунов С. Д. Нономика и ноосфера: взаимосвязь и различия концепций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 7–31.

²⁰ Бодрунов С. Д. Нономика и ноосфера: взаимосвязь и различия концепций // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 19.

²¹ Более подробно см. в работах: Зражевская О. В. Марксистская политэкономия и вопросы сохранения окружающей среды и рационального природопользования // Вопросы политической экономии. 2020. № 4. С. 163–174; Фостер Дж. Б. Марксизм и экология. Общий путь в эпоху перемен // Бизнес и экология. 2015. № 4. С. 43

- Бодрунов С. Д.* Ноономика как стратегический проект // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 139.
- Бодрунов С. Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 113.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономики // Альтернативы. 2012. № 2. С. 65–91.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 31–42.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* «Капитал» К. Маркса и современная система капиталистических производственных отношений: опыт восхождения от абстрактного к конкретному // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 3–25.
- Зотова Е. С.* О ноономике как основе глобальной трансформации (рецензия на книгу С. Д. Бодрунова «Ноономика: траектория глобальной трансформации») // Экономическая наука современной России. 2021. № 2 (93). С. 123–129.
- Зражевская О. В.* Марксистская политэкономика и вопросы сохранения окружающей среды и рационального природопользования // Вопросы политической экономики. 2020. № 4. С. 163–174.
- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономики знака. М.: Библион Русская книга, 2003. 272 с.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. 240 с.
- Zalasiewicz J., Williams M., Waters C. N.* etc. Scale and diversity of the physical technosphere: A geological perspective // The Anthropocene Review. 2017. Vol. 4 (1). P. 12.

Тема 6

Культура как внутренний критерий новой рациональности¹

Рассматриваемые вопросы

1. Технологическая революция и развитие человека: вызовы и противоречия.
2. Нооцивилизация: проблема Нового человека. Постановка проблемы человека в общей теории ноономики и в марксистской социальной философии: сравнительный анализ.
3. Значение человека в парадигме нооцивилизации. Новый человек: проблемы развития.
4. Проблема познания в парадигме нооцивилизации.
5. Нооцивилизация: альтернативы развития.

Круг научных интересов автора лекции связан с вопросами сопряжения проблемы генезиса советской культуры с проблемой становления субъектности индивида в пространстве истории и культуры СССР. Наряду с этим исследования автора включают в себя еще и проблему современной рыночной трансформации отечественной культуры, в результате которой происходит качественная перезагрузка ее основы, суть которой есть отношения купли-продажи.

Одним из результатов таких трансформаций является то обстоятельство, что современная отечественная культура имеет *название*, и не одно: в одном случае ее называют российской, в другом — русской, хотя если говорить точнее, то речь идет о культуре Российской Федерации. Проблема состоит в том, что у современной отечественной культуры нет *имени*. Одним словом, мы имеем дело с культурой, в которой есть много разных тенденций, но они так и не соединены (хотя бы через противоречия) в некую целостность с ее *всеобщей*²

¹ Автор лекции: Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

² Понятие «всеобщего» является категорией диалектической логики (см.: Ильенков Э. В. Очерк 14. Проблема всеобщего в диалектике // Диалектическая логика:

(подчеркнем — *не общей*) основой. Поэтому у нее и нет имени, в отличие от советской культуры, которая, при всем многообразии ее внутренних направлений, являла собой ту противоречивую целостность, у которой было несколько имен: совдеповская, пролетарская, новая, советская.

Это была краткая преамбула к теме лекции «Культура как внутренний критерий новой рациональности».

Раскрыть ряд важных аспектов проблемы культуры как внутреннего критерия рациональности автор предлагает с позиции *компаративистского анализа основных положений двух теорий: теории ноономики и марксистской социальной философии и политической экономики*. Такой сравнительный анализ позволит более четко акцентировать особенности общей теории ноономики, а также увидеть, в каких вопросах эти теории имеют точки схода (именно схода, а не сходства), а по каким — расхождение.

Предлагаю посмотреть с позиций диалектического метода на *вопрос взаимосвязи технологической революции и перспектив развития человека*. Следует отметить, что эта проблема поднимается в работах С. Д. Бодрунова по теории ноономики и рассматривается в разных аспектах: экономическом, социальном и даже психологическом. Попробуем посмотреть на этот вопрос с позиции диалектики взаимосвязи технологической революции и ее влияния на развитие современного индивида.

Хорошо известно, что развитие технологий определяет развитие разных сторон жизнедеятельности человека, влияя в том числе

Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. С. 270–283). Не углубляясь в философско-методологические тонкости, применительно к нашей теме поясним особенности категории «всеобщего» следующим образом: в условиях глобализации мир особенно сильно становится пронизан *общими* (не всеобщими) связями, в основе которых — унификация (рыночные и законодательные стандарты, геополитические институты, общие технологии, информационные сети и т. д.). Культура же по своей сущности — это пространство *всеобщих* ценностей. В условиях глобализации и глобальной гегемонии капитала обостряется *противоречие между всеобщим и частным интересом*, и это *противостояние конкретно-всеобщего* (культуры) с *частным* (капиталом) и *общим* (рыночными стандартами, правовой унификацией и т. д.), к сожалению, зачастую разрешается не в пользу культуры. А без подлинной культуры глобализация, при всех внешних атрибутах общего (технологий, правил, сетей и т. д.), приводит к превращению мира в структуру разрозненных, не связанных подлинно всеобщими ценностями, пространств, акторов которых не удастся выйти за пределы пространства частных интересов.

на систему его потребностей и базовых интересов, что в конечном итоге определяет уже и его онтологический принцип. В связи с этим возникает ряд вопросов, и в том числе вопрос о том, *какой тип индивида порождает современная технологическая революция*. И ответы на этот вопрос позволяют показать методологическое различие марксизма и ноономики.

Если в марксистской социальной философии и политической экономии проблема становления индивида как представителя рода Человек является одной из центральных, то в теории ноономики проблема Нового человека поднимается, но поднимается прежде всего с точки зрения того, что человек — это базовый элемент общественной системы, значение которого определяется тем, в какой мере он укрепляет или ослабляет *степень устойчивости системы в целом*. Другими словами, в теории ноономики сущность индивида определяется его значением как элемента (пусть даже базового, но все же элемента) устойчивой системы.

Важность понятия «устойчивое развитие», с позиции теории ноономики, определяется тем, что оно обеспечивает не только развитие всех составляющих этой системы, но и, что особенно важно, — тот ее баланс, который определяет эффективность функционирования системы во всех ее сферах: в производстве, науке, культуре. Более того, в рамках общей теории ноономики *устойчивость как качественная характеристика системы* является едва ли не центральной, главной. Соответственно, значение человека определяется тем, в какой мере он работает на усиление или ослабление этой устойчивости.

Но следует отметить, что понятие «Новый человек» критикуется прежде всего за его абстрактную суть. И тут спорить сложно. Потому что когда индивид оторван от социально-преобразующей практики, то неизбежно происходит элиминация субъектности индивида как творца Нового мира, новой реальности. В итоге это объективно приводит к тому, что понятие «Новый человек» становится абстракцией, выступающей для большей части общества знаком идеологического догматизма. Так что превратная форма этого содержательного понятия со временем начала восприниматься общественным сознанием уже просто как превратная сущность, не имеющая отношения к повседневной жизни, например, советского человека.

Есть и другое важное отличие этих двух теорий. В марксизме человек рассматривается как общественный субъект в своем историческом становлении. И эта тема является одним из центральных вопросов моих исследований, которому я посвятила целый ряд своих работ. Но в данном контексте для меня она интересна следующей постановкой проблемы: *каковы противоречия между двумя онтологическими ипостасями индивида — как субъекта истории и как субъекта культуры? И какой человек формируется в попытках разрешения этих противоречий? Здесь уместно будет напомнить, что еще В. Маяковский поставил для себя в качестве главного следующий вопрос: можно ли быть субъектом истории на тех же принципах, на которых он осуществляет свою субъектность уже в культуре? Другими словами, возможно ли авторское творчество в сфере Истории?*

Следует еще раз подчеркнуть, что и в теории ноономики, и в марксистской социальной философии и политической экономии проблема человека поднимается; она поднимается достаточно серьезно, но соотнесение сущности человека с задачами развития системы обнаруживает существенное различие. Это различие проявляется еще и в том, что марксизм предполагает человека как творца новых общественных отношений. Практики социального творчества, которые имели место в истории СССР и не только, являются подтверждением этого. Суть этого исторического творчества есть творчество не только новых общественных отношений, но и творчество таких социальных форм технологической революции, которые обуславливают *прогрессивный характер*³ *общественного значения технологий*. Но в условиях господства отношений отчуждения,

³ Заметим, что проблема общественного прогресса и его критериев является сравнительно редко обсуждаемой в академическом дискурсе, что связано с распространением постмодернистской методологии и отказом от «больших нарративов», к которым относят и общественный прогресс. При этом о технологическом прогрессе говорится, как правило, чаще. Не имея возможности подробно остановиться на проблеме общественного прогресса в настоящей лекции, мы отсылаем интересующегося читателя к ряду работ, в которых представлен углубленный систематический анализ этой важной проблемы. См., в частности, работы: *Момджян К. Х.* О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 51–58; *Булавка-Бузгалина Л. А.* Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84; *Момджян К. Х.* Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.

порожденных глобальной гегемонией капитала и тотальным рынком, новые технологии объективно обретают регрессивный характер развития.

Почему здесь вводится понятие «тотальный рынок»? Дело совсем не в рынке как в определенном экономическом механизме, а в том, что сегодня нет практически ни одной сферы человеческой жизнедеятельности, где бы не было господства отношений рынка — отношений купли-продажи. Одним словом, значение рынка качественно изменилось: от инструмента экономики до института власти, утверждающего тотальную власть отчуждения⁴. Каким может быть выход из этих ловушек отчуждения? На наш взгляд, без прорыва в сферу знаний, как область открытий, без диалога в культуре и, самое главное, без общественно-созидательной практики вырваться из-под власти сил отчуждения невозможно.

Противоречие между сущностью новых технологий и их социальной формой во всей полноте раскрывается на примере интернета. С одной стороны, интернет является общественным пространством, но, с другой стороны, его контент являет собой, как правило, хаос частных отношений, позиций, взглядов, интересов, подходов. И определяющим здесь является понятие «частный», что неслучайно, так как сегодня интернет базируется на частном индивиде, на частном адресате, на частном интересе. И здесь количество «лайков» почти ничего не решает: сумма *частных* адресатов (независимо от их числа) в условиях господства частного интереса и соответственно

⁴ «Социальное отчуждение — это отчуждение людей друг от друга и от образуемых ими общественных связей, от социальных процессов и явлений. Отчуждение выражается в противопоставлении людям их общественных связей как чуждых, враждебных, навязанных им. Наиболее общей причиной отчуждения являются противоречия экономических интересов, особенно связанные с эксплуатацией труда. Это приводит не только к разобщению людей друг от друга, но и к тому, что сама трудовая деятельность, ее результаты и возникающие на основе этой деятельности общественные отношения выступают как навязанные человеку, чуждые ему» (Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. М.: URSS, 2020. С. 67). Подробнее об особенностях отчуждения в условиях глобальной гегемонии капитала см. в работах: Бузгалин А. В. Предметивание, овещнение и отчуждение: актуальность абстрактных философских дискуссий // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 124–130; Бузгалин А. В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 190–201.

частной позиции (не путать с личной) так и не делает их *общественным субъектом*.

И одним из доказательств этого является всем и каждому известный закон бытия современной культуры, а именно ее незащищенность перед властью рекламы. В качестве примера можно привести следующий случай: представьте себе, что вы смотрите фильм о Великой Отечественной войне «Живые и мертвые», снятый выдающимся режиссером-фронтовиком А. Столпером по одноименному роману писателя, военного корреспондента К. Симонова, и вот в самый трагический момент на экран торпедируется реклама. И чему бы ни была посвящена эта реклама, она оскорбительна во всех смыслах. Прежде всего, это варварство по отношению к создателям фильма, разрушающее его драматургию, которая является художественным феноменом. Или рассмотрим другой пример: представьте, что в филармонии оркестр исполняет Седьмую симфонию Бетховена, и вдруг концерт прерывается и начинается звуковая реклама, например, батончика «Сникерс». Такая незащищенность современной культуры перед властью рекламы, проявления которой я охарактеризовала бы двумя приведенными выше примерами (схожие случаи из жизни каждый из нас может привести множество) — это *акт экспансии власти отношений купли-продажи в пространство культуры и искусства*.

В любом случае все это еще раз подтверждает, что любые технологии, будь те самого гуманистического предназначения, попадая во власть господствующих сил отчуждения, неизбежно обретают антигуманистический характер. И в этом проявляется не столько самоотрицание проектного предназначения той или иной технологии, сколько подтверждение того, что их социальная сущность в решающей степени определяется характером господствующих общественных отношений. И это на самом деле очень большая проблема.

Теперь попробуем понять, каково содержание постановки проблемы человека в ноономике. Следует сказать, что проблема человека в ноономике рассматривается главным образом как непосредственная цель нового производства, функционирующего на базе новых технологий. Конечно, в процессе этого производства происходит

и «производство» самого человека. Возникает вопрос: какой тип человека формируется этими новыми технологиями?

В советское время было такое понятие — «производство Нового человека». В связи с этим можно уточнить поставленный выше вопрос: в какой мере современные технологии производят феномен именно *Нового* человека? В чем состоит суть этой новизны? И в чем состоит прогрессивность этой новизны в сравнении с советским Новым человеком?

В теории ноономики рассмотрение проблемы человека осуществляется прежде всего через такое понятие, как «духовные потребности». Более того, автор теории ноономики неоднократно подчеркивает в своих работах необходимость возрастания в общественном сознании значения этого понятия⁵. И в качестве основных предпосылок возрастания значения этого понятия С. Д. Бодрунов рассматривает *творческое включение человека в культуру*, более активный процесс вовлечения его в процесс познания.

Напомним, что в марксистской теории главной предпосылкой развития человека является *субъектно-деятельностный принцип* его общественного бытия⁶. Карл Маркс в своей работе «Тезисы о Фейербахе» писал об этом прямо: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁷. Это положение Маркса можно рассматривать как философскую квинтэссенцию марксизма.

⁵ См., например: *Бодрунов С. Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118; проблема развития человеческих качеств как основная потребность в ноообществе и связанная с этим проблема формирования новой рациональности, в которой духовные потребности будут играть важнейшую роль, подробно рассматривается в работах: *Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. С. 238–242, 254–265; *Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. С. 197–234.

⁶ Классической работой, позволяющей углубленно ознакомиться с сущностью такого подхода, является работа Г. С. Батищева (см.: *Батищев Г. С.* Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии (сборник статей). М.: Наука, 1969. С. 73–144).

⁷ Этот 11-й тезис наиболее часто цитируется. С полным текстом этого небольшого, но очень важного для понимания марксистской социальной философии произведения, можно ознакомиться в книге: *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе / Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.

Почему понятие «субъектность» является важнейшим в марксизме? Вне субъектности индивид не может быть тем, для кого познание есть акт открытия новых знаний. Можно сказать, что познание имеет целевой подход. Это принципиально отлично от сегодняшней ситуации, когда знание становится в одном случае — средством, например, для карьерного роста; во втором — «башней из слоновой кости», в которой человек пытается спрятаться от противоречий жизни; в третьем — игровой технологией.

Процесс познания обретает принципиально иной характер, когда он продиктован субъектно-деятельностными мотивами индивида. Целеполагание, которое имеет место в этом случае, обуславливает принципиальную избирательность индивида, позволяющую выбирать из имеющегося объема знаний то, что «работает» на конкретные задачи деятельности. Подчеркнем, что *творчески-деятельностный подход познания выступает альтернативой потребительскому отношению к знанию.*

Эта проблема в советский период имела настолько большое общественное значение, что получила свое многогранное художественное отражение в литературе и искусстве. Здесь можно вспомнить книги В. Каверина «Два капитана» и «Открытая книга», или произведение Д. Гранина и одноименный фильм «Иду на грозу». Герои этих произведений через познание одержимо доказывают какие-то важные вещи, которые имеют не только общественное, но и нравственное значение, причем настолько большое, что это нередко определяло всю линию их жизни.

В теории ноономики также рассматривается проблема познающего человека, при этом во внимание берутся разные стороны процесса познания.

В связи с тем, что в настоящее время, с одной стороны, идет интенсивное развитие новых технологий, а, с другой стороны, эти новые технологии сразу обретают форму отчуждения, у нас объективно возникает вопрос: насколько возможно вырваться из ловушки этого противоречия?

В теории ноономики предпринимается попытка найти ответ на вызовы этого противоречия. Суть этого ответа сводится к тому, что человек должен вырваться в свои внутренние, духовные формы

бытия. Марксизм же предполагает один выход из ловушки обозначенного выше противоречия: это творческая деятельность по поводу снятия власти конкретных господствующих форм отчуждения, которую автор лекции определяет таким понятием, как *«разотчуждение»*⁸.

Суть разотчуждения состоит в том, что в процессе его происходит такое снятие той или иной конкретной формы отчуждения, которое порождает новое общественное отношение, несущее в себе новую «вещь», но не саму по себе, а в диалектическом единстве с логикой ее сотворения, то есть в единстве с логикой порождающей ее деятельности.

Следует отметить, что, поднимая проблему развития личности в теории ноономики, С. Д. Бодрунов отмечает важность известного марксистского положения: свободное развитие каждого является условием развития всех. Но в марксизме это положение получает дальнейший ход: только преобразуя реальность, человек преобразуется сам. Значение этого марксистского тезиса В. И. Ульянов (Ленин) подчеркивал в своих работах и не раз. Диалектика этой взаимосвязи получает серьезное теоретическое развитие и в работах А. В. Бузгалина. Можно сказать так: *субъектно-деятельностное бытие предполагает, что человек сам детерминирует общественные условия своего развития хотя бы в горизонте личности.*

Проблема развития человека поднимается и в теории ноономики, но, в отличие от марксизма, здесь за основу этого процесса берется преимущественно сфера духовного развития. Также следует отметить, что в рамках теории ноономики прогресс человека как личности *не является самоцелью нооцивилизационного развития.*

В связи с этим возникает вопрос: а в чем тогда заключается средоточие значения человека в контексте его связи с культурой? Индивид включен в культуру, развивает свой культурный потенциал, а что последует дальше? Куда индивид направится дальше с этим потенциалом, как он будет его применять?

⁸ Подробнее об особенностях процесса разотчуждения см.: Булавка-Бузгалина Л. А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 202–214; Булавка-Бузгалина Л. А. Советская культура: вектор разотчуждения (философский дискурс) // Философия хозяйства. 2015. № 4. С. 161–171.

И тут возникает, может быть, еще более важный вопрос: если индивид не является самоцелью нооцивилизационного развития, то какие общественные отношения в этом случае будут определять формирование у индивида потребности в культуре? И какова социальная природа этой потребности? Этот вопрос очень важный, так как от него зависит и сам принцип включения в культуру. А это, в свою очередь, будет определять уже и меру становления индивида как субъекта культуры.

Заметим, что проблема формирования потребности в культуре нашла свое решение не только на уровне теоретических разработок марксизма, но и, что важно, в практиках культурной революции в России 1920-х гг. и в практиках социального творчества. Суть этих практик состояла в том, что необходимость социально-экономических преобразований, продиктованных масштабными разрушениями вследствие Первой мировой войны и Гражданской войны, требовала массового участия в практиках создания нового государства и новой общественной системы.

Но эта задача столкнулась с глубинным историческим противоречием: революционные массы, завоевав политическую власть в 1917 г. для созидания Нового мира, при этом не имели для этого необходимого ни образовательного, ни культурного уровня. И тем не менее включение масс в практики социально-экономических преобразований заставило их обратиться к знанию и культуре.

Другими словами, включение субъекта истории в практики социального творчества объективно порождает у него потребность в культуре. Без этой социально-творческой практики интерес к культуре и искусству часто вырождается в особый тип потребительства⁹, когда наиболее важным становится не столько их содержание, сколько в какой мере тот или иной художественный феномен является наиболее значимым как знак престижного потребления.

Говоря о Новом человеке, следует напомнить, что это понятие появилось не в кабинетах партийных руководителей Советского Союза, а имеет давнюю историю. И одним из подтверждений этого

⁹ Для углубленного понимания этой проблемы будет полезно ознакомиться с работой: *Бодрийяр Ж. Общество потребления*. М.: Республика, Культурная революция, 2006. 268 с.

является тот факт, что, например, в эпоху Возрождения образ Нового человека находит свое художественное выражение в целом ряде произведений искусства того времени.

Возникает вопрос: почему понятие «новый человек» в эпоху Возрождения обретает такое яркое философское и художественное выражение, когда социально-исторические условия, казалось бы, абсолютно не способствовали этому. И подтверждением этого может служить целый ряд исторических фактов, показывающих, насколько антигуманным был общественный контекст того времени. Почти во всех странах Европы идут многолетние войны: вторжение Франции и Испании в Италию привело к длительным Итальянским войнам (1494–1559 гг.); восстание против тирании Медичи во Флоренции и провозглашение республики под руководством Савонаролы (1494–1498 гг.); поражение Испании в войне с Англией после длительной войны (1566–1581 гг.); Крестьянская война в Германии (1524–1525 гг.); Англо-испанские войны (XVI в.)

В связи с этим возникает вопрос: почему же тогда эпоха Возрождения нередко характеризуется таким понятием, как «гуманизм»? Занимаясь исследованием этого вопроса, автором был сделан следующий вывод: дело в том, что творец эпохи Возрождения характеризуется пробуждением самосознания себя как субъекта культуры. Другими словами, творец Ренессанса начал осмыслять себя через формулу Маяковского — «Я сам». Это не значит, что он отрицал значение Бога как некоегодемиурга, как субстанцию всей этой жизни, всего этого мира, вселенной, но этот постулат не отменял *самосознание индивида как творца культуры*.

Так впервые было заявлено принципиально новое отношение к Богу — *отношение сотворчества*. Другими словами, для художника эпохи Возрождения понятие «Бог», наряду со всеми прежними его значениями, обогащается новым отношением к нему как к товарищу по творческому цеху. И такое пробуждение у творца этой эпохи самосознания своей субъектности наполнило культуру Возрождения сильной и яркой энергией гуманизма.

Творческая природа субъекта культуры определяет и его новое имя — Deus-artifex (Бог-мастер). Вот что об этом пишет А. Ф. Лосев: «Здесь средневековая маска вдруг спадает и перед нами оголяется

творческий индивидуум Нового времени, который творит по своим собственным законам»¹⁰. В связи с этим А. Горфункель выделяет такую мысль в работах мыслителя эпохи Возрождения Пико делла Мирандола: индивид, поставивший себя в центр мира, «должен сформировать себя сам, как „свободный и славный мастер“»¹¹.

Утверждение идеи человека как субъекта в эпоху Возрождения не ограничивается только рамками искусства, но постепенно распространяется и на сферу этики, философии, да и самой жизни. В качестве примера приведем некоторые философские тезисы наиболее ярких мыслителей того времени¹²:

- *Джованни Пико делла Мирандола*: «Мы рождены с тем условием, что мы становимся тем, чем мы желаем быть»¹³; как отмечал А. Горфункель, Пико делла Мирандола в работе «Речь о достоинстве человека» последовательно аргументировал тезис о том, что «и вид, и место человека в иерархии сущностей могут и должны быть исключительно результатом его собственного, свободного — а, стало быть, и ответственного — выбора»¹⁴.
- *Леон Баттиста Альберти*: «Человек может извлечь из себя все, что пожелает»¹⁵.
- *Маттео Пальмиери*: «Природа нашего духа всеобъемлюща».
- *Якоб Бёме*: «Слушай же, слепой человек: ты живешь в Боге, и Бог пребывает в тебе, и если ты живешь свято, то ты сам Бог»¹⁶.

Заявив свою субъектность в пространстве культуры, Новый человек как творец новых общественных отношений продолжает свое развитие, но уже в пространстве истории. И исследуя, например, практики 1920-х гг., можно увидеть, как происходило становление

¹⁰ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 58.

¹¹ См.: Горфункель А. Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1980. С. 97.

¹² Подробнее см.: Булавка Л. А. Подавление и освобождение Человека: Ренессанс и Советская культура // Альтернативы. 2007. № 1. С. 7–41.

¹³ Румянцева Т. Г. Флорентийский платонизм // Новейший философский словарь. Мн., 1999. С. 178.

¹⁴ См.: Горфункель А. Указ. соч. С. 97.

¹⁵ Цит. по: Лосев А. Ф. Указ. соч. М.: Мысль, 1978. С. 242.

¹⁶ Фейербах Л. История философии. Собр. произв. в 3 т. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 331.

этой субъектности уже в сфере социального творчества, которое было связано с решением экономических, социальных и культурных проблем¹⁷.

Вернемся к сравнительному анализу общей теории ноономики и марксистской социальной философии и политической экономии, который позволяет нам выделить важные характеристики общей теории ноономики применительно к теме данной лекции.

Как автор подчеркивал выше, ряд положений теории ноономики связан с проблемой человека, которая рассматривается в связи с вопросом технологической революции, включая как предпосылки этого процесса, так и все возможные результаты влияния ее на характер развития индивида.

Отличие подходов теории ноономики от марксистской методологии в работах автора теории ноономики С. Д. Бодрунова показано следующим образом: если в марксизме речь идет о свободном всестороннем развитии человека (а это есть основной закон коммунизма), то при этом нельзя забывать, что предпосылкой этого является революция, которая была совершена насильственным образом, в то время как в теории ноономики речь идет не о революции, а об *эволюции*. И это различие носит существенный характер.

Соответственно, подчеркивая значение понятия «прогресс», причем применительно как к проблеме человека, так и к самой технологической революции, теория ноономики исходит из того, что этот процесс должен исходить из *эволюционного*, а не революционного характера развития социально-экономической системы. Но даже эта идея не делает проблему развития человека в рамках теории ноономики сверхзадачей и главной самоцелью нооцивилизационного развития.

Теория ноономики исходит из того, что развитие нооцивилизации должно иметь устойчивый характер. Следует заметить, что это положение содержит в себе противоречие: развитие системы должно приводить к наращиванию ее устойчивости. Другими словами,

¹⁷ Подробнее см.: Булавка Л. А. Практики СССР. Вызовы настоящему и будущему // Философские науки. 2012. № 1. С. 47–60; Булавка-Бузгалина Л. А. Разотчуждение как конкретно-всеобщая основа истории и культуры СССР // Альтернативы. 2016. № 2. С. 42–64.

система должна работать на повышение своей устойчивости, ибо только в этом случае она может сохранить себя как таковую. А это в значительной степени обусловлено лежащими в ее основе технологиями.

В марксизме же вопрос устойчивости системы характеризуется не тем, в какой степени ее развитие сохраняет неизменность ее содержательного качества, а тем, в какой мере эта система может разрешать свои противоречия на основе своего внутреннего потенциала.

Итак, выделим ряд наиболее важных тезисов из вышесказанного:

Первый вопрос, который был нами рассмотрен — это *вопрос взаимосвязи технологической революции и развития человека*, которая несет и свои вызовы, и свои ответы. И главный вызов в этом случае связан с выбором, который встает перед индивидом по поводу основной ипостаси своего бытия. Другими словами, перед индивидом встает следующий выбор: существовать либо как субъект общественных преобразований, либо как человек-функция. И здесь в контекст нашего анализа входит понятие «*функциональность бытия*».

Неизбежность обозначенного выше выбора обусловлена тем, что отчужденные формы реальности сегодня объективно превращают человека в функцию капитала, рынка, социальных институтов, бюрократии, социальных сетей. Это функциональное рабство, представляющее собой *рабство частичного бытия* — тяжелое, но привычное — для современного индивида есть не только объективная неизбежность, но пока и субъективная востребованность. И из этого рабства он пока не может вырваться и, что самое сложное, не очень-то и хочет.

Да, быть функцией тяжело и неприятно, но быть иначе — это значит не просто «жить сложнее», это значит решать проблему *мыслевой перезагрузки* основы своего бытия. Другими словами, приспособляться к этой реальности трудно и больно, но самому влиять на нее еще более сложно, ибо это требует от индивида предельного напряжения и личностного проявления, завязанного на принцип персональной ответственности. И если первое еще допустимо, то второе — зачастую невыносимо.

Во-вторых, методологическое примечание: любой феномен, какой бы ни рассматривался (экономический, социальный, культурный), необходимо всегда анализировать таким образом, чтобы суметь увидеть его основные внутренние противоречия.

Но наиболее полно противоречия между философскими направлениями, экономическими школами и т. д. проявляются в случае использования метода компаративистского анализа. Примечательно, что использование этого метода предполагает сопоставление двух систем, которые на первый взгляд могут показаться даже очень близкими, но при этом все же не являются идентичными. Другими словами, эти системы располагаются «рядом, но не вместе».

В этом случае автор использует метод компаративистского анализа теории ноономики и марксистской социальной философии и политической экономии, но при этом их сопоставление не сводится к поиску общности между ними. Здесь необходимо вести анализ с позиции конкретно-всеобщего подхода, что позволит увидеть то, как некоторые положения сравниваемых нами теорий, с одной стороны, обнаруживают определенные точки их схода (именно схода, а не *сходства*), а с другой стороны — их существенное расхождение.

В-третьих, анализ проблемы культуры как внутреннего критерия рациональности нельзя рассматривать вне взаимосвязи с творчеством и системой господствующих общественных отношений. А суть этой взаимосвязи можно представить как конфликт между творчеством и отчуждением.

Казалось бы, этот конфликт почти всегда сопровождает деятельность творца в мире «царства необходимости». Но неразрешенность лежащего в его основе противоречия нередко приводит к такой обостренности бытия творца, что заставляет его уезжать из своей страны в поисках другого пространства жизнедеятельности, в котором была бы возможность бытия, хотя бы в какой-то степени отстраненного от мира отчуждения. Но, как правило, это все равно не решает проблемы.

Уезжая в другую страну, творец нередко оказывается в трудных условиях, прежде всего — по причине того, что культура других народов для него зачастую остается чуждой. Но и он сам для людей другой страны нередко остается закрытым и отчужденным. Другими словами, отчуждение между ними чаще всего является *взаимным*,

что в итоге нередко трагически усугубляет и без того сложное положение художника.

Здесь примером может послужить произведение Сомерсета Моэма «Луна и грош», в котором прообразом главного героя Чарльза Стрикленда послужил известный французский художник Поль Гоген. Чарльз Стрикленд, женившись на туземке, последние годы своей жизни проводит на Таити, где в итоге умирает от проказы, а главное его художественное достояние — роспись на стенах дома, согласно его завещанию, была сожжена.

И четвертый важный тезис состоит в том, что современный мир отчуждения стоит на трех китах: глобальной гегемонии капитала, рыночном тоталитаризме и цифровых технологиях.

О цифровых технологиях стоит сказать отдельно. Дело в том, что современные новые технологии ставят человека перед особым вызовом: пытаясь освоить, например, те же технологии дигитализации, человек одновременно попадает в ловушки тех форм отчуждения, в которых как раз и «работают» эти технологии.

Как можно разрешить это противоречие — это вопрос специального исследования. Но ясно одно, что неразрешенность этого противоречия приводит к негативной перезагрузке уже самой основы культуры.

Отметим лишь некоторые результаты цифровой модификации культуры (*digital culture*), при которой полностью меняются ее базовые понятия:

- пространство культуры с ее *конкретно-всеобщими* отношениями превращается в единую систему цифровых технологий с ее природой *общего*;
- пространство всестороннего развития человека — в самодетерминируемую систему отношений дигитализации;
- общественный идеал культуры — в «универсальный вычислительный автомат»;
- человеческое общество — в сетевые коммуникации;
- принцип диалога — в коммуникационные технологии;
- гуманистические традиции культуры — в технологический детерминизм и трансгуманизм культуры цифровой эпохи как «культуры цифровых автоматов»;

- человек как представитель рода Человек — в человека, который в цивилизации автоматов «превращается... в органы размножения машинного мира»¹⁸;
- субъект творчества — в «оцифрованного человека».

И дело здесь не столько в цифровых технологиях, сколько в тех господствующих сегодня отношениях, продиктованных властью и интересами рынка и капитала, которые ставят культуру и самого индивида в положение жесткого подчинения технологиям дигитализации, что неизменно укрепляет фундаментальность мира отчуждения. Поэтому сегодня, если и ставится проблема определения допустимых границ дигитализации культуры и человека, то решается она главным образом с позиции интересов капитала и рынка. В любом случае *власть глобальной гегемонии капитала в условиях тотального господства отношений купли-продажи с опорой на цифровые технологии приводит к рыночной мутации уже самой основы культуры*¹⁹.

К определению значения новых технологий все же надо подходить с позиции их конкретного анализа, о чем, в частности, как раз и напоминает в теории ноономики ее автором: «Но тут важно поставить вопрос: в применении к чему, к каким именно сферам технологий цифровизация даст нам наибольший эффект и более всего укрепит наши позиции в мировой экономике?»²⁰

Надо сказать, что в теории ноономики также ставится *проблема развития человека в мире современных технологий*. Более того, задается и вектор решения этой проблемы, который выражается в утверждении, что ноосферное производство — это и есть производство самого человека²¹.

Но здесь возникает первый вопрос: какой тип общественных отношений характерен для ноосферного производства?

Важность этого вопроса состоит в том, что он дает методологический ключ к ответу уже на второй и не менее важный вопрос: какой тип человека порождает ноосферное производство? Это человек

¹⁸ Маклюэн М. Понимание Медиа / Пер. с английского В. Г. Николаев. М.: Канон-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 56.

¹⁹ Булавка-Бузгалина Л. А. Культура как рынок: «не продается вдохновенье»? // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 5–17.

²⁰ Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 309.

²¹ Там же. С. 421.

творчества или человек частной выгоды, или он есть лишь функция этого производства?

Поиск ответа на этот вопрос сопряжен с таким понятием, как *«устойчивое развитие»*, которое является одним из центральных в теории ноономики. Более того, это понятие становится настолько важным, что само значение человека в теории ноономики определяется не личностными характеристиками или полнотой его субъектного проявления. Определяя человека как базовый элемент системы общественных отношений, теория ноономики рассматривает человека преимущественно как фактор наращивания устойчивости системы. Соответственно, используемое в ноономике понятие *«новый человек»* рассматривается не столько как цель развития системы, сколько как такой элемент общества, который позволяет сохранить цивилизацию.

Вот что об этом пишет автор теории ноономики: *«Поэтому новый человек — это не самоцель. Цель у нас — ясная и понятная: „новый“ человек — элемент общества как системы, который позволяет эту систему, эту цивилизацию сохранить, обеспечивать устойчивость ее развития, что есть вообще — базовая ценность сущего. Если там будет не „новый“, а старый человек, адекватный „старой“ системе — система не сохранится, она станет другой, технотронной»²².*

В теории марксизма вопрос развития системы определяется тем, насколько она обладает потенциалом диалектического разрешения своих внутренних противоречий, что, в свою очередь, становится предпосылкой качественного развития уже и самого индивида как Нового человека.

В теории ноономики ее автором неоднократно артикулируется известное классическое положение о том, что культура есть средство внутреннего самоограничения. И это действительно так, ибо культура уже в своей сущности несет в себе не общий, а именно конкретно-всеобщий принцип самоопределения меры и границ жанров, стиля, гармонии.

Правомерность упомянутого выше положения в ноономике подтверждается следующими аргументами: самоограничение блокирует страсть к такому наращиванию объемов и меню этого потребления, которое зачастую носит симулятивный характер. Но наряду с этим

²² Там же. С. 222.

есть еще одна проблема, которую отмечает автор теории ноономики: «Нередко рост духовных потребностей человека подменяется ростом потребления „духовной жвачки“, суррогатных форм человеческой культуры»²³.

Опасность и серьезность такого положения заставляют искать альтернативный выход из него, и С. Д. Бодрунов здесь обращается к наследию В. И. Вернадского: «Лишь на основе самопознания, рационализации критериев, по которым человек оценивает собственную жизнь, можно поставить барьер на пути безудержной погони за симулятивным потреблением и тем самым выйти на пути ноосферного цивилизационного развития, о котором более полувека назад писал Владимир Вернадский. Такое самопознание будет означать одновременно и развитие мира человеческой культуры, ибо лишь соединение в одном лице человека знающего и человека культурного открывает путь к подлинно человеческому отношению к своим потребностям, к другим людям и к природе»²⁴.

С позиции марксистской социальной философии и политической экономии условием решения проблемы симулятивного потребления является включенность индивида, с одной стороны, в практики общественных преобразований, а, с другой стороны, — в культуру.

Постановка проблемы ограничения потребления является еще одной точкой схода (*не сходства*) марксизма и теории ноономики, но это не устраняет существенного различия их подходов: если теория ноономики усматривает механизм самоограничения в изменении самого отношения индивида к проблеме потребления, то марксизм заявляет другой подход — творческая деятельность уже сама по себе есть ограничение, поскольку ставит человека перед выбором — творить или потреблять. Другими словами, человек оказывается перед выбором, на что тратить такой дорогой ресурс, как «свободное время» (при этом важно отметить, что не следует отождествлять свободное время с понятием «досуг») ²⁵.

²³ Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 104.

²⁴ Там же. С. 104. Подробнее о ноосфере см. в работах В. И. Вернадского: *Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера* / Предисловие Р. К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.; *Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление* / Отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 270 с.

²⁵ Предельно кратко различие между «свободным временем» и «досугом» можно выразить следующим образом: в условиях отчужденного социального бытия свободное

Проблема целостного человека ставится в теории ноономики, и решение этого вопроса автор данной теории связывает с уровнем культуры, воспитания индивида и с системой его личностных устремлений. В то же время, отмечая актуальность научного наследия В. И. Вернадского, С. Д. Бодрунов подчеркивает одно из важнейших его положений: только соединение разных сторон человеческой жизнедеятельности (экологической, социальной, производственной, культурной и др.) способно обеспечить целостный характер развития индивида.

В марксизме проблема целостности индивида рассматривается как результат, который достигается посредством разных форм жизнедеятельности человека, что объективно приводит к заметному усложнению самого бытия. С одной стороны, это оборачивается для индивида целым рядом вызовов, заставляющих его искать ответы на них, что объективно становится фактором уже его личностного развития. С другой стороны, общественная природа окружающей реальности такова, что она объективно превращает индивида в функцию капитала, рынка, социальных институтов, технологий, социальных сетей и т. д. Так появляется *человек-функция*, общественная природа которого носит исключительно частный (не следует путать с понятием «личный») характер.

Технологические революции, осуществляемые в системе такой реальности, как правило, не высвобождают человека от господствующих сил отчуждения, а наоборот — усиливают их власть, превращая человека в функцию технологий. Поэтому интенции целостного развития человека постоянно находятся в жестком противоборстве с обреченностью индивида на частное бытие.

Итак, проблема целостного развития человека остается открытым вызовом обществу, экономике, социуму и культуре. Вот почему постановка этой проблемы сегодня особенно важна. При этом следует отметить, что она ставится не только в марксистской теории, но и рассматривается, в том числе, и в рамках теории ноономики.

время, по своей сути представляющее собой время для развития, для творческого труда, для творческой деятельности, превращается во время досуга — «ничегонеделания» (подробнее о характеристиках творческого труда (творческой деятельности) и особого значения свободного времени в нем см.: *Бузгалин А. В. Творческий человек в экономике будущего // Экономическое возрождение России. 2022. № 1. С. 48–57*).

Неслучайно ее автор не раз подчеркивает значение известного марксистского положения о том, что идеал всесторонне развитого человека — это и есть результат многогранности его жизнедеятельности.

Сегодня запрос на всесторонне развитого человека стал особенно актуальным. Но на какой основе можно искать ответы на этот вызов?

В теории ноономики предлагается прежде всего не узконаправленный ответ, а своего рода вектор решения этого вопроса: уже сами технологии диктуют выход в парадигму развития ноосферы, которая есть жизненное пространство. И именно с этой сферой в теории ноономики и связывается решение проблемы целостного человека. А для этого необходимо еще решение проблемы обеспечения экологической сбалансированности, потому что ее нарушение неизбежно приводит к масштабным катастрофам. Вот почему технологии должны сегодня работать на опережение реальности, а не сводиться лишь к запоздалому реагированию на те или иные катаклизмы.

Вот почему новая цивилизация, новые технологические прорывы и научно-технические революции рождают запрос на новый тип человеческой деятельности, которая должна быть ориентирована на развитие и воспроизводство ноосферы.

Марксизм исходит из качественно иного понятия: согласно разработкам выдающегося теоретика марксистской социальной философии и политической экономии А. В. Бузгалина, индивид раскрывается во всей полноте своей субъектности именно в практиках исторических преобразований, которые Александр Владимирович в своих работах определяет как социальное творчество²⁶. Исходя из разработок проблематики социального творчества, представленных в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, можно определить *сущность социального творчества* как созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, капитала и т. п.), таким

²⁶ Подробнее см., например: Бузгалин А. В., Колганов А. И. По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал: В 2 х т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 5-е, испр. и доп. М.: URSS, 2019. С. 435–512.

образом, социальное творчество является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека²⁷.

Рассматривая вопрос социального творчества, нельзя не сказать несколько слов о его собственных противоречиях. Это достаточно серьезная проблема, заслуживающая специального рассмотрения. Поэтому в данном случае ограничимся лишь тем, что попытаемся сформулировать некоторые из его имманентных противоречий:

- социальное творчество, будучи объективно процессом формирования новых общественных отношений как системы *конкретно-всеобщих отношений*, тем не менее находится в достаточно сильной зависимости от его субъекта (*особенного и единичного*);
- социальное творчество, будучи по своему характеру творческим процессом, в то же время должно соотноситься с принципами и механизмами формального регулирования решаемых проблем;
- будучи носителем классового сознания, революционный индивид тем не менее должен находить такие решения социальных проблем, которые несли бы в себе снятие этой классовости;
- социальное творчество, ориентированное на решение конкретных социальных проблем, порожденных, как правило, отношениями отчуждения, в то же время становится способом включения индивида в культуру, причем, что важно, — в качестве ее творческого субъекта;
- социальное творчество стало той формой общественной практики, которая, выявляя всю меру культурной недостаточности масс, одновременно становилась формой ее преодоления.

Самосознание своей субъектности стало значительным фактором развития творческого потенциала индивида, но этот процесс наибольшую полноту своего становления обретал прежде всего через практики социального творчества, понимая под этим творчество новых общественных отношений, связанное с высвобождением их от власти господствующих сил отчуждения в их конкретно-исторической форме.

²⁷ Именно это содержание автор как раз и рассматривает как исходное в исследованиях данной проблемы. Подробнее см.: Булавка Л. А. Творчество и массы: диалектика опережения // Альтернативы 2010. № 4. 104–130.

Более того, можно сказать, что становление самосознания индивида в процессе его общественно-творческой практики, задающей качество, границы, пределы и формы бытия индивида как субъекта культуры в пространстве истории — все это порождает и новый тип рациональности.

Теперь рассмотрим проблему рациональности в культуре, которая ставится в теории ноономики в связи с развитием новых технологических прорывов. Причем этот вопрос в теории ноономики рассматривается через такое понятие, как «разумный человек». Кроме того, особо подчеркивается то положение, что технотронное общество способно удовлетворять безмерно растущие потребности. И здесь автор хотел бы обратить внимание на то, что это происходит за счет перспективы развития общества и человека.

Критическая оценка такой тенденции есть еще одна точка схода теории ноономики и марксизма. Но сам подход к решению этой проблемы выявляет уже их принципиальное различие.

В чем состоит это различие?

Теория ноономики связывает решение этой проблемы с понятием «разумный человек», рациональность которого обусловлена уровнем воспитания и развития его культурно-духовного начала: «Воспитание человека разумного (равно — человека культурного) становится основным императивом формирования общества будущего — как и решение вопроса о том, как люди смогут сотрудничать для достижения общих для них целей»²⁸.

С позиции марксистского подхода понятие «рациональность» определяется диалектическим единством преобразующей деятельности индивида и самосознанием своего участия в ней. Поэтому этот тип рациональности имеет не рыночно-оценочный, а именно деятельностный характер, что позволяет индивиду видеть любое явление в его развитии.

При этом общественная детерминация рациональности на основе социального творчества не исключает значения личностных качеств субъекта социального творчества. Наоборот, именно в социальном творчестве они обретают импульс такого развития, при

²⁸ Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 297.

котором актуализируются все стороны личности индивида, в том числе и этический императив.

Неслучайно во времена СССР нередко можно было услышать такое выражение: «Неважно, кем в будущем будет мой сын: рабочим, учителем, космонавтом, главное — чтобы был хорошим человеком». При этом этический императив вовсе не сводился к тому, что «я буду честным, порядочным человеком, а как остальные — это их дело, это их выбор».

Мы полагаем, что нравственность человека определяется его чувством ответственности, но прежде всего не столько за себя через решение вопросов как остаться безгрешным и чистым, не запачканным, не затронутым противоречиями этой жизни, сколько за других. И, что важно, это чувство ответственности должно проявляться практически, т. е. через *поступок*. Сегодня, когда мир построен на господстве частного интереса, вопрос ответственности за другого просто исключен уже хотя бы потому, что в мире отчуждения понятие «другой» означает главным образом одно — конкурент, отношение к которому может быть только «кто кого».

Так что, согласно марксистской теории, понятие «рациональность» находится в диалектической взаимосвязи с деятельностно-этическим принципом индивида, что в свою очередь выступает регламентирующим отношением, например, в той же сфере потребления.

Говоря о господствующих формах рациональности, следует отметить, что сегодня мы живем в мире, в котором отношения купли-продажи окончательно утверждают свою абсолютную власть во всех сферах общественной жизнедеятельности. Вот почему этот тип отношений автор лекции определяет как «рыночный тоталитаризм», порождающий новые формы отчуждения, включая в том числе превратные формы рациональности.

Этот превратный характер современной реальности, как подчеркивает А. В. Бузгалин, есть «...результатирующая приоритетного развития „превратного сектора“ — сектора фиктивных благ, которые „принято считать“ как бы полезными и которые действительно полезны только для воспроизводства фиктивных благ»²⁹. В этих

²⁹ См.: Бузгалин А. В. Альтернативы деконструкции: блеск и нищета постмодернизма // Бузгалин А. В., Колганов А. И. Пределы капитала. М.: Культурная революция, 2009. С. 212–258.

условиях рациональность, становясь товаром, неизбежно обретает лавочную, а по сути — превратную форму выражения.

И надо отметить, что здесь под понятие «товар» верстаются даже то, что, казалось бы, принципиально не поддается рыночному измерению. Например, такие понятия как «Родина», «достоинство», «нежность», «репутация», «вдохновение», «победа», «научное открытие». Сколько стоит, например, Пятая симфония Бетховена? А сколько стоит балет А. Хачатуряна «Спартак»?

В том-то и дело, что общественная природа таких понятий, как «наука», «искусство», «человеческие отношения», «творчество», «культура» исключает принцип их рыночного/денежного измерения. Но это с позиции общественного индивида. А вот с позиции *частного индивида*, который отчужден от общественной природы не только человека, но и мира культуры, есть только один метод их измерения — рыночный, который позволяет ему оценить их, но только как предмет престижного потребления, чтобы потом это атрибутировать как знак своего престижного положения.

Поэтому можно сказать, что рыночный тоталитаризм объективно востребует *частного индивида*, для которого рациональность имеет только одну форму — рыночную.

Вот почему альтернативой ему является только *целостный человек*, становление которого возможно только на основе субъектного бытия в истории и культуре. А без этой целостности нет ни художника, ни ученого, ни личности.

Пытаясь определить сущностные различия теории ноономики и марксистской теории, можно сделать следующий вывод: компаративистский анализ этих двух теорий на уровне абстрактных определений, казалось бы, обнаруживает ряд точек схода, но если этот анализ вести на основе раскрытия их конкретно-всеобщего содержания, то увидим значительное расхождение позиций и подходов этих двух направлений.

Разные школы, разные методологии, разные подходы, разные мировоззренческие позиции — все это, с одной стороны, создает основы для диалога, а, с другой — приводит к пониманию как содержания, так и границ собственной теории, отличающей ее от других. На этом и стоит наука.

Рекомендуемая литература

- Батищев Г. С.* Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии (сборник статей). М.: Наука, 1969. 432 с.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
- Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.
- Бодрунов С. Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118.
- Бузгалин А. В.* Творческий человек в экономике будущего // Экономическое возрождение России. 2022. № 1. С. 48–57.
- Бузгалин А. В.* Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 190–201.
- Булавка-Бузгалина Л. А.* Культура как рынок: «не продается вдохновенье»? // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 5–17.
- Булавка-Бузгалина Л. А.* Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 202–214.
- Булавка-Бузгалина Л. А.* Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84.
- Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера / Предисловие Р. К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
- Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 270 с.
- Горфункель А.* Философия эпохи Возрождения. М.: Высшая школа, 1980. 368 с.
- Ильенков Э. В.* Очерк 14. Проблема всеобщего в диалектике // Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
- Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
- Маклюэн М.* Понимание Медиа / Пер. с английского В. Г. Николаев. М.: Канон-пресс-Ц; Жуковский: Кучково поле, 2003. 462 с.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. 629 с.
- Момджян К. Х.* Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.
- Момджян К. Х.* О возможности и критериях общественного прогресса // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 51–58.
- Румянцева Т. Г.* Флорентийский платонизм // Новейший философский словарь. Мн., 1999. 896 с.

Тема 7

Ноономика как неэкономический способ организации общественного производства¹

Рассматриваемые вопросы

1. Технологические предпосылки движения к ноономике.
2. Исчезновение производственных отношений.
3. Переход от труда к творческой деятельности.
4. Новые цели и критерии развития.
5. Изменение природы и структуры потребностей.
6. Сужение основы социальных конфликтов.
7. Ноономика и новая рациональность.
8. Новое неравенство.

Ноономика как определенный способ организации общественного производства имеет собственную материальную основу, только на которой и могут сформироваться и проявиться все ее специфические черты. Ноономика как явление, охватывающее все общественное производство, может возникнуть лишь по мере вытеснения человека из непосредственного участия в производственном процессе. На какой основе становится возможным такое вытеснение?

Уже в настоящее время освоение новейших технологических укладов (шестого технологического уклада, а в перспективе — гипотетического седьмого²) создает технологические предпосылки для

¹ Автор лекции: *Колганов Андрей Иванович*, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

² Подробнее характеристики 6-го технологического уклада как материальной основы нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) были рассмотрены в лекции 4 «Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)». Более

перехода к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2). В рамках НИО.2 получают наиболее широкое распространение как раз те технологические достижения, которые делают возможным вытеснение человека из непосредственного производства. Это, прежде всего, технологии, обеспечивающие автоматизацию производства и тем самым позволяющие человеку не осуществлять его своими собственными силами. Эти технологии уже известны, и их применение уже сейчас ведет к выходу человека из производства.

Речь идет о технологиях искусственного интеллекта, обработки больших данных, о применении промышленных роботов, автоматических датчиков, промышленного интернета вещей и т. п., что в совокупности позволяет реализовать проекты индустрии 4.0. Этот замысел (пока еще не реализованный в полной мере) включает автоматизацию производства, а также и всех сопровождающих его процессов, начиная от сбора заказов, определения структуры выпуска, логистических функций, и заканчивая доставкой товара потребителю и послепродажным обслуживанием. Автоматизированы могут быть также маркетинговые и рекламные функции, обслуживание и т. п. Тем самым формируется технологическая основа для безлюдного производства. Разумеется, «безлюдное производство» — это метафора. Человек, действительно, может покинуть сферу непосредственного трудового участия в производстве, но это не значит, что производство вообще остается без какого бы то ни было участия человека. Однако оно становится относительно автономной сферой, процесс производства внутри которой будет обеспечиваться автоматическим действием технических существ.

В той мере, в какой человек выходит из непосредственного производства, в такой мере будут сворачиваться и общественные отношения людей, формировавшиеся по поводу их участия в производстве.

подробно см. в работах: *Бодрунов С. Д., Глазьев С. Ю.* Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. С. 99–118; *Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. С. 110–118. Проблема развития и смены технологических укладов с точки зрения решения задач реиндустриализации России подробнее рассматривается в нашем курсе в лекции 8 «Необходимость реиндустриализации России как предпосылка движения к НИО.2 и ноономике».

Раз исчезает непосредственное участие в производстве, то, следовательно, исчезают и производственные отношения.

«Раньше люди строили общественные связи между собой в зависимости от своего непосредственного включения в функционирование техносферы. Теперь же человек вступает в отношение с безлюдным материальным производством как „его контролер и регулировщик“³. Но означает ли это исчезновение производственных отношений между людьми? Отношения непосредственного производства — да, исчезают вместе с уходом людей из этого непосредственного производства. А те отношения между людьми, которые определяются их воздействием на сферу „безлюдного производства“ и определяют пути развития этого безлюдного производства? Такие ведь, наверное, будут?»⁴

«Одна из ключевых экономических форм — отношения собственности — постепенно будет терять свою значимость (в силу повышения доступности благ и снижения ценности обладания ими), сначала — в сфере хозяйственной деятельности людей, а потом — вообще будет „уходить“ из всех общественных отношений людей»⁵. «С исчезновением собственности исчезнет и экономика как таковая, ведь отношения присвоения и отчуждения и составляют основу экономики.

Почему значение собственности падает? Потому что снижается ценность того, что дает собственность, так как каждый может получать все несимулятивное, и чем дальше по пути продвижения к НИО.2, тем легче, проще, быстрее и т. п. Рыбку из пруда будет вынимать без труда каждый. А раз — без труда, то — и без преимуществ, получаемых за труд через присвоение его результатов в собственности»⁶.

Однако человек ноономики вовсе не превращается в «человека бездеятельного». За человеком остаются те функции, которые не могут за него исполнять машины, технетические существа, даже и

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / Собр. соч.: В 50 т. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 46. Ч. II. С. 213.

⁴ См.: Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. С. 171–172.

⁵ Подробнее об этом см.: Бодрунов С. Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 5–14.

⁶ См.: Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 172–173.

оснащенные искусственным интеллектом. Речь идет в первую очередь о творческой деятельности, которая заменяет собой труд, «диктуемый нуждой и внешней целесообразностью» (если воспользоваться словами Маркса).

«Далее — постепенно исчезнет и еще один важнейший, главный нынешний посредник между человеком и удовлетворением его потребностей (природой, переработанным природным продуктом, многопередельным продуктом и т. д.) — труд! Поскольку труд человека — с момента начала производства первого переработанного продукта на Земле — посредник в любой цепочке удовлетворения потребностей, „вылавливании рыбки из пруда“.

Исключение человека — звено за звеном — в производственном процессе приведет к его полному выводу из трудовой деятельности. Ведь любая деятельность человека по удовлетворению своей потребности — это целая цепь последовательных трудовых усилий (включающая как умственный, так и физический труд), связывающих, в конечном счете, человека с его потребностью. Труд заменит работа технических устройств, использующих добываемые человеком знания и осуществляющих на их основе необходимые усилия. Мы уже сейчас видим „уход“ многих профессий, замену самого понятия „профессия“ на понятие „компетенция“, но и это — не вечно. Парадигмально меняется не просто рынок труда, а само это понятие постепенно сойдет на нет»⁷.

«С изменением технологической основы производства и переходом к ноопроизводству сами понятия „профессия“ и „рабочее место“ кардинально поменяют смысл, если не исчезнут вообще. Слово «профессия», как способ зарабатывания денег за счет трудовых навыков определенного типа, вероятно, уйдет в прошлое. Эти функции будут выполнять технетические существа, а человек освободится от узкой специализации сегодняшнего дня. Таким образом, профессий в этом смысле не будет, а человек будет нацелен на то, чтобы развивать приближение к абсолютному знанию, и будет все более универсален. Будут развиваться новые способы доступа к знаниям и информации — типа нейросетей, другие человеко-машинные системы.

⁷ Там же. С. 268.

Разумеется, универсальность человека в ноономике будет заключаться не в том, что каждый человек будет знать все, а в открывающейся возможности и усвоенной способности овладеть практически любым необходимым знанием. *Главный сдвиг будет заключаться в создании информационно-коммуникационных систем, позволяющих каждому человеку пользоваться всем тем океаном знаний, который накоплен человечеством, причем — проникая во все большие его глубины»*⁸.

Человек будет участвовать в функционировании производства, но теперь уже не своими трудовыми усилиями, а приложением своего творческого потенциала.

Вместе с этим формируется и качественно новый механизм удовлетворения потребностей человека, и, соответственно, воспроизводства связи между производством и потреблением. Такой механизм можно назвать нооиндустриальным. Сами потребности человека теперь будут вытекать не из его производственной деятельности (для возмещения человеческих сил, израсходованных в ходе этой деятельности, и для получения средств, необходимых для участия в этой деятельности), поскольку человек выходит из непосредственного производства. И сами потребности, и знания, необходимые для того, чтобы функционировал механизм их удовлетворения, будут формироваться не в ходе производства, а в ходе творческого саморазвития человека и совместной творческой деятельности людей.

Потребности людей и приобретенные ими новые знания будут формировать техническое задание для функционирования и развития относительно автономной техносферы. Этому безлюдному материальному производству будет передаваться заказ, а на выходе человек будет получать как продукты нооиндустрии для удовлетворения своих потребностей, так и результаты совершенствования этой нооиндустрии на основе транслированных в нее новых знаний, не участвуя в ноопроизводстве непосредственно. Все эти задачи будут реализованы самой автономной техносферой.

Сфера непосредственного производства, превратившаяся в сферу относительно автономного функционирования технетических существ, то есть в автономную техносферу, не останется без внимания

⁸ Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 215–216.

человека. Роль человека будет заключаться в определении направлений развития техносферы и в создании средств для этого развития — а для знаниеинтенсивного производства главным средством такого развития будут выступать новые знания, которые искусственный интеллект не может приобретать самостоятельно.

Человек будет контролировать деятельность технетических существ, и формы такого контроля вырисовываются уже сегодня. Например, искусственный интеллект не может функционировать без взаимодействия с человеком, которое заключается в подготовке данных для машинного обучения и в оценке и корректировке его результатов. Именно человек будет обеспечивать развитие технологий, определять задачи функционирования техносферы и регулировать ее структуру. Таким образом, будет формироваться внешнее регулирование человеком относительно автономной техносферы, и *производственные отношения между людьми будут замещены отношениями между человеческим сообществом и техносферой.*

«На нооэтапе ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам останется подчиненным обществу. Именно сфера целеполагания, формулировка целей и задач, контроль над допустимыми средствами их реализации в техносфере — все это останется в сфере отношений человеческого общества. Автономные техносущности, функционирующие в сфере ноопроизводства и способные к саморазвитию, тем не менее, будут зависимы от человеческого общества, которое будет определять ограничения их саморазвития, блокируя те направления, которые не несут пользу обществу, и ориентируя функционирование и развитие ноопроизводства в направлениях, необходимых человеку для его собственного развития»⁹.

Современная техносфера, несмотря на непосредственное участие человека в производственных процессах, развивается во многом стихийно, что ведет к неконтролируемому воздействию производственных технологий на окружающую среду и на самого человека. Поднявшись над техносферой, человек получит возможность контролировать ее как целостную систему. Это создает возможность постепенно добиться гармонизации взаимодействия техносферы

⁹ Там же. С. 180–181.

с природной средой, избегая чрезмерной нагрузки на нее и устраняя угрозы чрезмерного нарушения экологического равновесия.

Стоит заметить, что избежать такого нарушения вообще невозможно, поскольку оно возникает как в силу самого факта функционирования техносферы, приспособляющей материал природы для человеческих нужд, так и в силу того, что даже стихийное развитие природы без человеческого вмешательства регулярно приводит к нарушениям равновесия природной среды и серьезным природным катаклизмам.

Поскольку человек не может отказаться от «борьбы с природой», в смысле постановки ее на службу целям человека, ему предстоит сделать эту борьбу более рациональной, «более осмысленной, более опирающейся на познание природы и тем самым делающей взаимодействие человека с природой (в том числе и со своей собственной природой) все более гармоничным, а не взаиморазрушающим. Такое взаимодействие точнее уже будет охарактеризовать не как борьбу, а как симбиоз или сотрудничество.

Превращая природные процессы в технологические процессы, опираясь на познание природы и на вытекающие из творческой деятельности новые ценности и культурные императивы, человек может гармонизировать связи в цепочке природная среда (биосфера) — производство — человек. <...> Это означает, помимо всего прочего, и более бережное и осторожное обращение человека со своей сущностью, ограничение бездумного вторжения в человеческий организм для его перестройки под влиянием сиюминутных конъюнктурных побуждений»¹⁰.

Изменение характера взаимодействия человека и техносферы, равно как и изменение содержания человеческой деятельности, неизбежно меняет целевые установки человека, связанные с производством, и те ценности, которые выступают критериями принятия производственных решений.

Переход человека от труда к преимущественно творческой деятельности превращает развитие творческих способностей человека в главную целевую установку. Результаты производства будут, соответственно, оценивать с точки зрения того, в какой мере они создают

¹⁰ Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 232.

условия для такого развития человека. Не количественное насыщение потребительскими благами, а степень удовлетворения конкретных потребностей в человеческом развитии будет выступать мериллом успешности производственной деятельности. Еще одной материальной предпосылкой такого сдвига будут выступать возросшие возможности удовлетворения потребностей на основе новейших технологий, которые позволяют существенно снизить материалоемкость производства на единицу удовлетворяемой потребности.

Таким образом, «ноономика ставит во главу угла не частную погоню за прибылью или иным доходом, что достигается хаотической игрой рыночных сил, а рациональное стремление к удовлетворению конкретных потребностей, оцениваемых как разумные. Соответственно, уровень насыщения этих разумных потребностей выступает в качестве конкретных целей производства. Это предполагает определенную программу действий, которая возвышается над рыночным хаосом, придавая производству более планомерный, более упорядоченный характер. Такой подход не может исключать ни элемента случайности, ни свободу индивидуального выбора, не ограничиваемую предписаниями сверху. Вопрос, следовательно, заключается в том, чтобы разрабатываемая программа производства обладала существенной гибкостью и адаптивностью к меняющимся условиям и случайным возмущениям»¹¹.

Происходит критериальный сдвиг: от критериев экономической рациональности человек переходит к критериям, определяемым уровнем и задачами его социально-культурного развития¹². Поскольку происходит как рост возможностей насыщения потребностей, так и отказ от погони за количественным ростом потребляемых благ в пользу достижения целей человеческого развития, то это автоматически означает разумное самоограничение объемов потребления. Не из-за того, что человек проникнется идеологией аскетизма, а потому, что будет оценивать объем потребляемых благ под углом зрения того, насколько они необходимы для развития его

¹¹ Там же. С. 260.

¹² Подробнее об особенностях такого перехода от критериев экономической рациональности к новым критериям принятия решений см.: Бодрунов С. Д. Ноономика как стратегический проект // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 142–144.

творческих способностей. Определяя самого себя как человека творческого, а, значит, и человека разумного, человек сам проведет для себя границу потребления, за которую он не будет выходить, чтобы не утратить это самоопределение.

Итак, наиболее значительная часть общественных отношений будет связана теперь не с производством, а с межперсональным взаимодействием в процессе творческой деятельности, которое уже не будет подчиняться критериям экономической рациональности. Таким образом, произойдет переход от экономики к ноономике.

Это не значит, что вопрос эффективности производства в смысле соотношения затрат и результатов совершенно отпадает. Однако, во-первых, выбор вариантов производства уже не будет подчинен всецело критерию наибольшего превышения результатов над затратами. Главным станет соответствие результатов производства задаче удовлетворения конкретных разумных потребностей, и тем самым отпадает ориентация на производство чего угодно (вплоть до симулятивных, иллюзорных благ или несущих прямо вредные эффекты), лишь бы это приносило наибольшую выгоду. Во-вторых, существенное значение приобретет не столько стремление добиться наилучшего соотношения затрат ресурсов и достигнутых результатов, сколько достижение абсолютной экономии ресурсов. Последнее становится императивом производства с точки зрения преодоления экологического кризиса и восстановления благоприятной для человека природной среды.

Изменение структуры и критериев формирования потребностей человека, переориентация их с количественного наращивания объема потребляемых благ на создание условий для развития творческих способностей человека имеет и еще одно следствие в области общественных отношений. Эти изменения, вкупе с возросшими возможностями удовлетворения разумных потребностей, устраняют условия для конкуренции за средства существования и, соответственно, за ресурсы для их производства. В результате устраняется важнейшая экономическая причина для социальных конфликтов.

Устранение борьбы за ресурсы ведет также к отмиранию отношений собственности, поскольку исчезает необходимость закрепления контроля над ресурсами за конкретными людьми или их группами.

Уже сейчас при доступности пользования теми или иными ресурсами, приобретение их в собственность уже во многом не считается необходимым, что ведет к распространению так называемой шеринговой экономики.

«Сама экономика как спонтанный хаос разнонаправленных действий уходит с исторической арены — вместе с уходом человека из непосредственного производства и вместе с прекращением борьбы за ресурсы, позволяющие удовлетворять насущные (а вместе с ними — и симулятивные) потребности. Автоматизм удовлетворения потребностей — и в том смысле, что для этого не требуется непосредственная трудовая деятельность, и в том смысле, что ноо-производство будет способно все эти потребности удовлетворять, и в том смысле, что в рамках критериальной базы соответствующего периода нооцивилизации будут прояснены границы реальных потребностей — устраняет „рациональность“ поведения человека, ориентирующегося на баланс выгод и убытков, да и все экономические критерии, и экономические отношения между людьми»¹³.

При переходе к ноономике формирование иных критериев рациональности и выдвигание соответствующих им целей общественного производства и целей развития общества имеет принципиальную важность. Ведь качественное отличие ноономики от экономики как раз и заключается в отказе от установки на экономический рост, определяемый экономической рациональностью, и в переходе к развитию общества, в основе которого лежит производство, ориентированное на удовлетворение конкретных разумных потребностей людей, определяемых целями развития личности человека.

Чтобы в системе общественных отношений ноономики могла обеспечиваться реализация таких целевых установок, должен сложиться иной, неэкономический тип рациональности. Эта новая рациональность будет опираться на научное познание человеком окружающего мира и самого себя, что и обеспечит разумность выбора целей ноопроизводства и соответствующих этим целям средств их достижения. Человек впервые сделает свои цели производства делом свободного выбора, не навязанного ему какими бы то ни было

¹³ Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 249–250.

внешними силами, будь то силы экономической необходимости или бюрократического принуждения. Но какие критерии будут положены в основу этого выбора, чтобы он был действительно разумным, то есть отвечающим новым условиям развития производства и самого человека?

«Человек — это единственное существо, способное преобразовать материальный мир, окружающий его, в нематериальный мир знаний. <...> Но в процессе познания мира человек также познает себя, познает окружающих людей и те общественные связи, которые их объединяют. В процессе обретения новых знаний человек устанавливает и совершенствует определенные критерии своего общественного бытия, проверяя их, обновляя и рационализируя. Вместе с этим он познает себя как часть (но особую, способную к самопознанию часть) этого мира»¹⁴.

«Современное технологическое развитие настоятельно требует и одновременно создает материальную основу для развития культуры в соответствии с человеческим, разумным изменением технологического прогресса. <...> Лишь на основе самопознания, рационализации критериев, по которым человек оценивает собственную жизнь, можно поставить барьер на пути безудержной погони за симулятивным потреблением. <...> Такое самопознание будет означать одновременно и развитие мира человеческой культуры, ибо *лишь соединением в одном лице человека знающего и человека культурного открывается путь к подлинно человеческому отношению к своим потребностям, к другим людям и к природе.* <...>»

На этом пути создаются основания для нового этапа развития человеческой цивилизации. Производство в ней станет не столько царством техники, сколько царством человеческого разума (опирающегося на сугубо материальные процессы нооиндустриального производства, ибо вне связи с ними он не мог бы ни обеспечить собственное существование, ни развиваться!).

Одновременно резко возрастет социальная роль знания как средства открытия новых, более эффективных и экономичных способов удовлетворения разумных человеческих потребностей (в противовес нынешнему количественному наращиванию потребления,

¹⁴ Бодрунов С. Д. Ноономика. С. 252.

которое имеет видимые пределы) и как средства разрешения противоречий и снятия напряжений, сопровождающих глубокие технологические и общественные сдвиги.

При этом *именно культура выступает средством формирования важнейшего элемента цивилизационного кода такого общества — внутреннего самоограничения человека*, которое переориентирует его с безудержного наращивания объемов потребления и погони за разного рода миражами-симулякрами на формирование потребностей человека разумного (*ноопотребностей*), когда первостепенное значение имеет качество потребностей и потребляемых благ. Культура выступает также фундаментом нового качества межличностного взаимодействия, как в процессе труда-творчества, так и в общественной жизни. Одновременно прогресс технологий закладывает огромный потенциал для изменения самого культурного кода человеческой цивилизации»¹⁵.

Наиболее сложной задачей на пути к ноономике является как раз не обеспечение необходимых технологических условий и формирование соответствующих им общественных институтов — самой сложной задачей является достижение такого прогресса человеческой культуры, который позволил бы ей стать главной критериальной базой ноопроизводства и действительно разумного поведения человека. Привычки, традиции, стереотипы старого мира, воспитанные в обстановке страха перед потерей источников существования, недопотреблением и, что является оборотной стороной этого страха, погони за наращиванием объема потребляемых благ, преодолеваются не сразу. Не сразу меняются и установки, ориентирующие все творческие силы человека на достижение целей, диктуемых одной лишь экономической рациональностью. Как писал К. Маркс: «Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда, — т. е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость, — то, с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности; даже наука, точно так же как и все физические и духовные свойства человека, выступает лишь

¹⁵ Там же. С. 253–254.

в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто само по себе более высокое, как правомерное само по себе»¹⁶.

Даже тогда, когда объективные материальные условия конкуренции за средства существования сменяются условиями обеспечения разумной достаточности удовлетворения всех необходимых потребностей для развития человека, новая система культурных и нравственных норм и ценностей (нооценностей), ориентирующая человека не на безоглядное наращивание потребления, а на собственное развитие, сформируется отнюдь не автоматически¹⁷. Если в ноопроизводстве автономная техносфера будет способна обеспечить автоматизм в удовлетворении жизненных потребностей людей, то *в сфере духовного производства*, поскольку оно всецело остается делом самого человека, такого автоматизма достичь невозможно. И именно *сфера культуры* (включая сюда также и научное, и техническое творчество, но отнюдь не ограничиваясь ими) станет главнейшим полем приложения собственных усилий людей, чтобы обеспечить гармонизацию культурных ценностей и тех материальных возможностей, которые будут обеспечиваться техносферой.

Главнейшим условием этого перехода выступает постепенное вовлечение все более широкого круга людей в творческую деятельность как основную сферу их социального бытия. Ведь именно характер деятельности человека в конечном счете определяет и его бытие как человека культурного. Батищев Г. С. пишет: «Субъект не сводим лишь к субъекту сознания и воли, но есть субъект деятельности, которая образует собой весь культурный мир общественного человека, человеческую действительность»¹⁸.

¹⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В 50 т. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 46. Ч. II. С. 386–387.

¹⁷ Подробнее о предпосылках изменения ценностных установок и особенностях процесса формирования нооценностей см. в работе: Бодрунов С. Д. От экономических интересов — к нооценностям // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 15–26.

¹⁸ Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Избранные произведения / Под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. С. 200.

Превращение творческой деятельности в основное поприще деятельности человека приводит и к изменению основ социального неравенства¹⁹. Неравенство, формируемое конкуренцией в погоне за безудержным потреблением материальных благ и услуг, приводящее к истощению природных ресурсов Земли, уйдет в прошлое. На смену имущественному неравенству, коренящемуся в неравных возможностях контролировать производственные ресурсы, придет неравенство способностей в развитии собственных человеческих качеств и в достигаемом на этой основе удовлетворении культурных/духовных потребностей.

При этом возможности для развития личности и ее творческого потенциала уже не будут ограничиваться социальными и экономическими барьерами, оказываясь в зависимости только от личных способностей человека и от его собственных усилий по совершенствованию этих способностей. Подобно тому, как неравенство в потреблении служило (и до сих пор еще служит) главным стимулом для трудовых, а отчасти и для творческих усилий человека в современной экономике, новое неравенство будет выступать стимулом соревнования для достижения успеха в совершенствовании личности человека, в разворачивании его творческого потенциала.

«Неравенство остается, безусловно, но оно будет заключаться не в неравных возможностях удовлетворить свои потребности, а в неравных способностях эти — полностью открытые теперь для всех возможности использовать, воспринять... Скажем, чтобы удовлетворять свои духовные потребности, надо обладать духовными способностями. Не обладая определенным уровнем культуры, нельзя адекватно воспринять ни музыку (даже при абсолютном слухе), ни художественную литературу. Более того, без усвоенного существенного объема знаний в сфере культуры нельзя рассчитывать на развитие индивида в полноценного специалиста, способного к креативной деятельности в любой сфере!»²⁰.

¹⁹ Более детально исследование проблемы неравенства и тенденций в этой области, вызванных развитием нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), представлено в работе: *Бодрунов С. Д., Гэлбрейт Дж. К.* Новая индустриальная революция и проблемы неравенства. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. 143 с.

²⁰ *Бодрунов С. Д.* Ноономика. С. 193.

«При этом имеющий уже широкое хождение, но практически далеко не всегда применяемый у нас тезис о том, что надо вкладываться в человека, ибо такой человек выдаст больше экономических результатов — верен, но ущербен. Вкладываться надо потому, что это постепенно становится целью и смыслом производства (ноопроизводства)»²¹, и кто раньше этими смыслами овладеет, тому раньше откроется дорога в будущее. Уход от социальных различий по линии — «кто сумел захватить себе больше ресурсов», и «переход к соревнованию по линии реализации своих способностей в сфере духовного (научного, культурного и т. д.) развития, создаст новые, широчайшие стимулы и возможности для развития человеческого общества»²².

Рекомендуемая литература

- Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Избранные произведения / Под общ. ред. З. К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. 874 с.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
- Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.
- Бодрунов С. Д.* От экономических интересов — к нооценностям // Вопросы философии. 2022. № 7. С. 15–26.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика как стратегический проект // Стратегирование: теория и практика. 2021. Т. 1. № 2. С. 136–150.
- Бодрунов С. Д.* Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 5–14.
- Бодрунов С. Д., Глазьев С. Ю.* Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. 337 с.
- Бодрунов С. Д., Гэлбрейт Дж. К.* Новая индустриальная революция и проблемы неравенства. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. 143 с.

²¹ *Бодрунов С. Д.* Ноономика. С. 188.

²² Там же.

Тема 8

Необходимость реиндустриализации России как предпосылка движения к НИО.2 и ноономике¹

Рассматриваемые вопросы

1. Глобализация и деиндустриализация.
2. Финансиализация и деиндустриализация.
3. Деиндустриализация в России.
4. Потенциал и ориентиры реиндустриализации России.
5. Реиндустриализация, НИО.2 и ноономика.

В последние несколько десятилетий деиндустриализация, то есть падение удельного веса промышленного производства в валовом внутреннем продукте (ВВП), выступает как общая тенденция структурных сдвигов в экономике развитых стран. Опережающий рост производительности труда в промышленности привел к высвобождению рабочей силы и переливу ее в сферу услуг. В результате удельный вес промышленности, начиная с 1960-х гг., неуклонно снижался и сейчас колеблется в развитых странах на уровне примерно 12–16 %. Однако при этом не происходило абсолютного сокращения объемов промышленного производства — оно росло, хотя более низкими темпами, чем сфера услуг.

Деиндустриализация происходила не только за счет опережающего роста объема производства и занятости в сфере услуг, но и за счет перелива индустриального производства из развитых стран в развивающиеся. Такой перелив позволял поддерживать высокую эффективность производства на основе 4-го и 5-го технологических

¹ Автор лекции: *Колганов Андрей Иванович*, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

укладов при исчерпании потенциала роста эффективности соответствующих технологий в развитых странах. В развивающихся странах эффективность применения этих технологий можно было поднять за счет использования более дешевой рабочей силы, низких цен на сырье, более благоприятного налогового режима для иностранного капитала. Таким образом, политика глобализации позволила развитым странам избежать значительного падения нормы прибыли, но привела к географическому перемещению части промышленных мощностей с территории развитых стран в развивающиеся.

Еще одним фактором деиндустриализации стало развитие феномена финансиализации экономик развитых стран. Это выразилось в превращении финансового рынка в главный инструмент присвоения прибыли, что привело к переориентации инвестиций с реального сектора экономики на финансовый и к замедлению инвестиционного процесса в промышленности. Например, даже нефинансовые корпорации США более 20 % прибыли получают от инвестиций на финансовом рынке, а перед кризисом 2008–2009 гг. эта доля превышала 50 %. Соответственно, меньше денег вкладывается в развитие реального производства.

Что касается России, она также претерпела деиндустриализацию. Однако российская экономика испытала не только относительное снижение удельного веса промышленности в ВВП, но и существенное абсолютное сокращение промышленного производства, которое все еще остается ниже уровня 1990 г.

Все эти факты заставляют поставить вопрос о проведении реиндустриализации, то есть о восстановлении позиций промышленного производства². В развитых странах уже принимаются некоторые меры в этом направлении и процесс снижения удельного веса промышленности практически прекратился, но пока не повернул вспять. Почему же деиндустриализация вызывает серьезную озабоченность,

² Постановка проблемы реиндустриализации и характеристика сопутствующих ее возникновению и решению факторов, в том числе с учетом развития процессов цифровизации, представлена, в частности, в работах: *Бодрунов С. Д.* Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // *Управленец*. 2019. Т. 10. № 5. С. 2–8; *Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А.* «Цифровая экономика» и фундаментальные принципы реиндустриализации // *Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ*. 2018. № 1 (690). С. 84–97.

и в силу чего поворот от деиндустриализации к реиндустриализации рассматривается как насущная необходимость?

Перемещение промышленности в развивающиеся страны породило феномен новых индустриальных стран, которые стали выступать на мировом рынке конкурентами развитых стран, в том числе и в самых современных высокотехнологичных отраслях промышленности. Нарастание противоречий между США и КНР выступает наиболее показательным примером такого рода противоречий. Кроме того, экономика развитых стран стала менее диверсифицированной и потому менее устойчивой к кризисам. Сфера услуг реагирует на кризисные явления в экономике более глубоким спадом производства, нежели промышленность. Перенос многих производств за рубеж (офшоризация промышленности) в случае серьезных мировых экономических кризисов приводит к нарушению логистических цепочек. Особенно ярко эта проблема проявила себя во время кризиса 2020–2021 гг., связанного с пандемией COVID-19. Например, в 2021 г. повсеместно в развитых странах автомобильная промышленность страдала от недостаточных поставок микрочипов. Сформировался также временный дефицит поставок олова и меди.

Сокращение удельного веса промышленности привело также к снижению потенциала экономического роста, потому что промышленность выступает главным драйвером этого роста, как и главным источником технологических инноваций. Именно промышленность обеспечивает все остальные отрасли национального хозяйства средствами производства, и от технологического уровня производимых промышленностью машин и оборудования зависит потенциал роста и технологического обновления во всех остальных отраслях.

Для России проблемы деиндустриализации усугубляются целым рядом факторов, не характерных для развитых стран, и выступивших результатом радикальных реформ 1990-х гг. прошлого века. Произошло почти полное исчезновение некоторых высокотехнологичных промышленных отраслей, например, производства промышленных роботов, станков с числовым программным управлением, лазерной техники, микроэлектроники.

Поэтому критически важным для российской экономики, если она хочет оказаться в числе технологических лидеров, является преодоление этого упадка отраслей высоких технологий, что требует резкого, скачкообразного повышения удельного веса 6-го технологического уклада. Такой технологический сдвиг очевидным образом невозможен на основе существующей экономической модели, какую бы «тонкую настройку» институтов для нее не предлагали. Эта модель в достаточной мере показала свою неспособность обеспечить даже широкое применение технологий 5-го уклада, напротив, она смогла резко сократить их удельный вес в российской экономике. Это касается, например, производства станков с числовым программным управлением (см. рис. 5). В результате к 2015 г. отечественное производство позволяло закрыть порядка 10–13 % потребностей в станках без ЧПУ, а станки с ЧПУ импортировались практически в стопроцентном объеме. В настоящее время положение несколько улучшилось: удельный вес станков отечественного производства в общем объеме их потребления в России увеличился примерно вдвое. Тем не менее, этот уровень зависимости от импорта станков остается выше, чем он был в Российской империи в 1913 г.

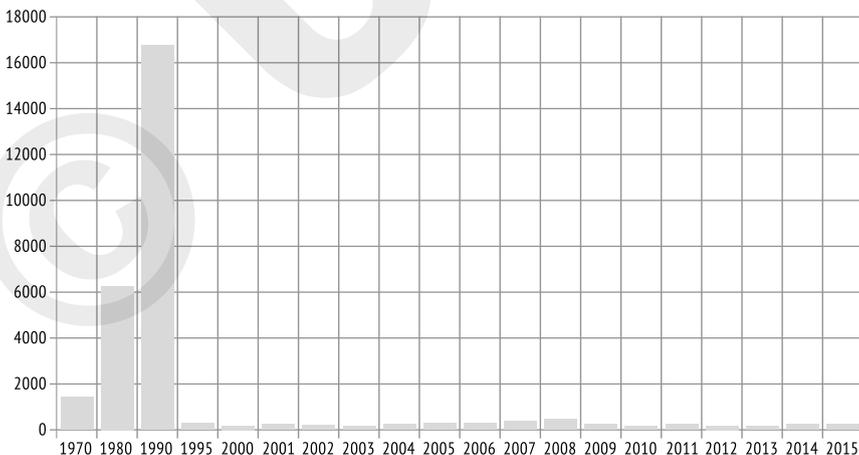

Рис. 5. Производство станков с ЧПУ в РСФСР и РФ, шт.

Источник: Лизан И. Станковый хребет экономики // СОНАР-2050. 01.08.2017.

URL: <https://www.sonar2050.org/publications/stankovy-y-hrebet-ekonomiki/>

В России прекратилось серийное производство промышленных роботов, осталось лишь штучное. Количество закупаемых роботов исчисляется сотнями штук, в то время как в КНР, Японии, США, Южной Корее и Германии продажи исчисляются цифрами от 25 до 90 тыс. в год. В итоге по количеству установленных промышленных роботов на 10 тыс. занятых Россия отстает от стран-лидеров в сотни раз. И это отставание никак не списать на тяжелое наследие советского прошлого. К концу 1980 г. парк промышленных роботов в СССР превысил 6000 шт., что примерно соответствовало парку роботов США, и составляло более 20 % мирового парка роботов. К концу 1985 г. количество роботов превысило 40 тыс. шт., в несколько раз превзойдя парк роботов США и достигнув 40 % мирового парка³. К 2004 г. этот парк сократился до 5 тыс. штук⁴, к концу 2015 г., по данным International Federation of Robotics, общее число инсталлированных промышленных роботов в Российской Федерации составляло 2740 шт.⁵.

Глубокий спад производства произошел и в ряде невысокотехнологических отраслей, например, в легкой промышленности (текстильное, швейное, обувное производство). Еще сильнее, чем общее падение уровня промышленного производства, произошло сокращение кадрового потенциала промышленности, как за счет непрерывного сужения подготовки кадров рабочих и специалистов, так и за счет утечки квалифицированных кадров в другие сферы занятости. Существенно замедлились темпы обновления основного капитала, что привело к его устареванию: если к началу реформ средний возраст основного капитала в промышленности составлял 12 лет (что считалось тогда слишком большим возрастом), то в XXI веке он колеблется на уровне 19–20 лет. Все это привело также к нарастающему

³ Климчик А. С., Гомолицкий Р. И., Фурман Ф. В., Семкин К. И. Разработка управляющих программ промышленных роботов. Минск, 2008. С. 13.

⁴ Ромахина М. История советской робототехники // Сайт «История государства». Дата публикации: 11.02.2014. URL: <http://statehistory.ru/4498/Istoriya-sovetskoy-robototekhniki/>

⁵ Аналитическое исследование: Мировой рынок робототехники. Национальная ассоциация участников рынка робототехники (НАУРР). Январь 2016. С. 71. URL: [http://robotforum.ru/assets/files/000_News/NAURR-Analiticheskoe-issledovanie-mirovogo-rynka-robototekhniki-\(yanvar-2016\).pdf](http://robotforum.ru/assets/files/000_News/NAURR-Analiticheskoe-issledovanie-mirovogo-rynka-robototekhniki-(yanvar-2016).pdf)

отставанию России по капиталовооруженности труда — примерно в 2,5 раза по сравнению со странами ЕС.

Отметим, что ряд современных отраслей (атомная промышленность, космонавтика, гражданская реактивная авиация, микробиология, военная промышленность) сохранился и развивается. Уцелели и значительно технически обновились такие отрасли, как пищевая промышленность и строительная индустрия. Понемногу начало восстанавливаться отечественное станкостроение. Несмотря на спад финансирования и сокращение численности научно-исследовательского персонала, все же уцелела значительная часть сферы НИОКР и большинство научных школ. Продолжает оставаться довольно высоким индекс развития человеческого потенциала — разрыв по этому показателю с развитыми странами составляет всего несколько процентов. Все это создает определенные внутренние предпосылки для преодоления деиндустриализации и для проведения реиндустриализации на новейшей технологической основе.

Один из важнейших вопросов поворота к политике реиндустриализации — это вопрос о ее целях. Когда мы говорим о реиндустриализации, следует ясно отдавать себе отчет в том, что речь идет не просто о повышении удельного веса промышленности в структуре экономики, и не только о технологическом обновлении производства и о стремлении достичь технологического суверенитета. Индустриальное развитие на новейшей технологической базе важно не столько само по себе, сколько для того, чтобы обеспечивать достижение определенных социально-экономических целей. Ведь от определения целей развития будет в существенной степени зависеть и то, какими средствами мы этих целей будем добиваться.

Был период в развитии нашей экономики, продолжавшийся примерно 2–2,5 десятилетия с начала радикальных рыночных реформ, когда цели развития определялись достаточно расплывчато, а вот в том, что касается средств их достижения, преобладало мнение, что нам надо ориентироваться на пример наиболее развитых стран Запада, а, значит, надо двигаться по пути копирования социально-экономической и институциональной системы западных стран.

Фактически этот подход исходил из давно устаревших концепций модернизации 40–50-х гг. XX века. Ведь даже если принимать

страны Запада за образец, приблизиться к нему невозможно путем слепого копирования. Невозможно просто взять и пересадить некую социально-экономическую систему на совершенно другую историческую почву. Невозможно и повторить в совершенно иных социально-исторических условиях тот путь, по которому достигли своего нынешнего состояния наиболее развитые страны.

Наконец, сама идея взять эти страны за образец представляется ущербной. Да, они достигли впечатляющих успехов в своем социально-экономическом развитии, в целом значительно превосходя тот уровень развития, которого добилась наша страна. Но вряд ли перспективной представляется идея, чтобы вместе с их достижениями заимствовать и те симптомы кризиса, которые ощущаются все отчетливее. Недаром после кризиса 2008–2009 гг. в обиходе государственных деятелей и экономистов появилось слово «новая нормальность», призванное под именем «нормальность» замаскировать весьма негативные социально-экономические процессы⁶. Это слово появилось и быстро исчезло, потому что стало достаточно ясно, что это никакая не нормальность. Резкие колебания рыночной конъюнктуры, снижение эффективности рычагов государственного регулирования, замедление инвестиционной активности, нарастание имущественной дифференциации и дифференциации доходов, необъяснимые процессы на финансовом рынке — все это явно не выглядело нормальным. Если добавить сюда кризис глобализации и вспыхнувшую борьбу за переустройство системы мировой экономики, а к тому же еще и духовно-нравственный кризис, картина становится достаточно полной для того, чтобы поостеречься присоединяться к такой «новой нормальности».

Каков же выход? Как совершить рывок в социально-экономическом развитии, не приобретая «в довесок» все те негативные процессы, которые характерны для современного состояния большинства наиболее развитых стран?

⁶ Подробнее характеристики той совокупности процессов и явлений, которую в указанный период пытались представить как «новую нормальность», содержатся в работе: *Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. С. 54–65 (см. раздел 1.3 «„Новая нормальность“ глобальной экономики»).

Необходимо суметь ставить и решать такие задачи развития, которые позволяли бы нам не заходить в тупики цивилизационного кризиса. Нужно стремиться формировать образ более совершенного будущего и обеспечить этот образ созданием необходимых материальных предпосылок. Теория ноономики как раз и предлагает этот образ более совершенного будущего — не как еще один утопический проект, а как результат исследования реальных тенденций технологического развития и вытекающих из них социально-экономических изменений.

Если есть такое стратегическое видение будущего, то задачи реиндустриализации, разумеется, будут состоять не в немедленном воплощении этого будущего, а в реализации долгосрочной программы постепенного накопления предпосылок для движения в этом направлении. Важно, однако, чтобы стратегический замысел постоянно имелся в виду при формулировании наиболее краткосрочных целей и подчинял себе эти краткосрочные цели.

В данный момент необходимыми материальными условиями успешного решения задач реиндустриализации можно считать переход в процессе ее достижения к новейшим технологическим укладам⁷. Сейчас в России господствуют технологии 4-го уклада, при довольно широком, но отнюдь не преобладающем, распространении 5-го уклада, и незначительном — 6-го. В наиболее развитых странах господствуют технологии 5-го уклада и идет постепенный (пока еще довольно медленный) переход к 6-му.

Можем ли мы совершить скачок от 4-го технологического уклада сразу к 6-му? Разумеется, встроить 6-й уклад в производство,

⁷ Ранее, в ряде предшествующих тем курса, мы рассматривали вопросы, связанные с местом концепции технологических укладов в понимании формирования нового индустриального общества второго поколения (НИО.2), а также затрагивали проблемы, связанные с переходом к новым технологическим укладам. В настоящей лекции мы акцентируем внимание на взаимосвязи решения задач перехода к новым технологическим укладам с задачами реиндустриализации российской экономики. Более подробно разработка этих вопросов представлена в серии работ: *Бодрунов С. Д.* Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект // Экономика промышленности. 2023. Т. 16. № 2. С. 135–140; *Бодрунов С. Д.* Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. 2018. № 3. С. 5–12 и др.

основанное на 4-м укладе, непросто и не всегда вообще возможно. Но можно заменить 4-й технологический уклад шестым, ибо можно опереться на имеющиеся технологии 5-го уклада, которые не только хорошо совмещаются с шестым, но именно они способны генерировать технику 6-го уклада. Поэтому задача состоит в том, чтобы всячески расширять применение технологий 5-го уклада и на их основе генерировать технологии 6-го уклада для замены ими технологий 4-го и сохраняющегося еще 3-го технологического уклада.

Пока на Западе еще не развернулось массовое распространение 6-го технологического уклада, есть возможность проскочить в это окно возможностей, ускоренно заменяя 4-й технологический уклад на 5-й и 6-й технологические уклады. Это отнюдь не простая задача. Технологическая система 4-го уклада, пока она еще остается господствующей, будет с большим трудом воспринимать инновации 6-го технологического уклада и серьезно тормозить их распространение в экономике. Пенетрация (проникновение) 6-го уклада в 4-й будет крайне сложной. Именно поэтому параллельно надо наверстывать и переход от 4-го уклада к 5-му, чтобы была возможность, замещая технику 4-го уклада техникой 6-го уклада, сопрягать ее не с остающимися устаревшими технологиями 4-го (и тем более, 3-го) уклада, а с технологиями 5-го технологического уклада. Повторим — это крайне сложная задача, которая потребует полной мобилизации творческих усилий ученых, инженеров, конструкторов, управленцев и организаторов производства.

Следует ответить на важный вопрос: готова ли нынешняя социально-экономическая модель России, в ее текущем виде, к решению столь сложной стратегической задачи? Можно определенно сказать — нет, не готова. Для решения этой стратегической задачи необходимо предпринять значительные корректировки в сложившейся системе социально-экономических отношений и институтов.

Прежде всего, существующий в настоящее время в России уровень инновационной активности не позволяет обеспечить необходимые масштабы разработки и применения новейших технологий. Возможности интенсификации инновационных процессов сдерживаются состоянием национальной инновационной системы. В ней явно недостаточна координация функционирования отдельных ее

элементов, в результате чего воздействие на инновационный процесс отдельных инструментов этой системы не приобретает системного характера.

В зарубежных исследованиях национальной инновационной системы широкую популярность приобрела концепция «тройной спирали», подразумевающая необходимость налаживания взаимодействия государства, бизнеса и университетов. Таким образом, в этой концепции упор делается на взаимодействие основных институциональных структур, участвующих в инновационном процессе.

В отечественной научной традиции получила распространение в чем-то аналогичная концепция, в которой упор делается, однако, на взаимодействие не столько институтов, сколько основных сфер деятельности, участвующих в инновационном процессе. Речь идет об интеграции производства, науки и образования, как на микроуровне, так и на уровне национальной экономики⁸. Тем самым должно быть обеспечено соответствие между подготовкой кадров для производства и науки, проведением необходимых научных исследований и опытно-конструкторских разработок, и применением результатов этих разработок в производстве. Координирующая роль в этой интеграции должна принадлежать государству, которое обеспечивает должные экономические стимулы, институциональные и правовые условия для совместной работы всех этих трех сфер на ускорение инновационных процессов.

В вопросах, касающихся собственно производства, бизнес должен получить стимулы для ускоренного обновления основного капитала (как один из примеров — через применение известной практики ускоренной амортизации оборудования). Для того чтобы процесс обновления опирался на новейшие технологии, необходимы экономические льготы для осуществления затрат на технологические

⁸ Подробнее об особенностях процесса интеграции производства, науки и образования в условиях формирования нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) (по сравнению с новым индустриальным обществом предыдущего поколения) см.: *Бодрунов С. Д., Глазьев С. Ю.* Закономерности формирования основ экономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. С. 117–118.

инновации и установление жестких технологических стандартов, понуждающих к выведению из эксплуатации устаревшей техники и технологий. Тем самым будет создан дополнительный спрос на разработку и производство современных высокотехнологичных машин и оборудования. Высокотехнологичные отрасли получат добавочный толчок к развитию, увеличатся ассигнования бизнеса на научные исследования и опытно-конструкторские разработки — ведь сейчас уровень финансирования этой деятельности со стороны бизнеса совершенно недостаточен. Впрочем, и со стороны государства — тоже.

Финансирование сферы НИОКР в России не менее двух десятилетий колеблется на уровне 1–1,1 % от ВВП, что существенно ниже, чем в развитых странах, и даже в ряде развивающихся стран. В развитых странах уровень финансирования НИОКР чаще всего более 2 % ВВП, а в ряде стран превышает 3–4 %. В течение более чем трех десятилетий, в РФ происходит практически непрерывное сокращение численности исследовательского персонала, и лишь сравнительно недавно прекратился процесс сокращения материальных активов исследовательских организаций. С учетом масштаба задач, увеличение ассигнований на НИОКР по меньшей мере в 2–2,5 раза является необходимым условием для того, чтобы Россия смогла осуществить технологический рывок.

Что касается системы образования, то вряд ли стоит успокаивать себя тем, что по индексу человеческого развития (ИЧР) отрыв России от развитых стран весьма невелик. Да, к счастью, это пока так, но позиции России в рейтинге по ИЧР постепенно ухудшаются. Проблема заключается не только в общем уровне образования населения, но и в структуре подготовки кадров. Сегодня Россия страдает от явного недостатка подготовки инженеров, техников и квалифицированных рабочих — причем объемы подготовки последних непрерывно снижались на протяжении целого ряда лет. А ведь именно от этих кадров зависит успех (или неуспех) реиндустриализации. Однако решение проблемы упирается в отсутствие эффективного спроса на квалифицированные кадры. Мы видим продолжающиеся долгие годы сетования бизнеса на нехватку специалистов, и одновременно нежелание бизнеса инвестировать необходимые средства

в подготовку кадров и привлечь эти кадры достойной оплатой труда. Пока наиболее востребованными профессиями на рынке труда остаются продавцы, курьеры и водители, не приходится ждать реиндустриализации на новейшей технологической базе.

Еще одна сторона этого вопроса — воспитание творческого потенциала будущих рабочих и специалистов. Инновационная экономика невозможна также без развития творческих качеств, без чувства нового, без тяги к инновационной деятельности и без умения эту инновационную деятельность замечать, поддерживать и поощрять. К сожалению, сейчас в этой области сложилась противоречивая ситуация: руководители сетуют на слабость творческого потенциала и инициативы со стороны подчиненных, и в то же время наиболее поощряемыми качествами являются умения тщательно исполнять рутинные операции, а тяга к новизне редко приветствуется.

Значительным препятствием на пути как формирования, так и реализации творческого потенциала человека является высокий (и часто неоправданный) уровень дифференциации доходов. Различия в уровне доходов выступают необходимым фактором стимулирования творческих и трудовых усилий, но только в том случае, если эта дифференциация, во-первых, не чрезмерна, и, во-вторых, действительно зависит от творческого и трудового вклада человека. Социологические исследования, однако, показывают, что не эти факторы выступают главными, определяющими дифференциацию доходов. В результате складывающаяся дифференциация играет скорее дестимулирующую роль. Тот же эффект приносит и высокий уровень дифференциации: при относительно низком удельном весе зарплаты в ВВП такой уровень дифференциации приводит к понижению доходов значительной части населения до величины, не обеспечивающей нормального воспроизводства квалифицированной рабочей силы.

Этот вопрос снова напоминает нам о социальных целях реиндустриализации. Как видно, снижение уровня социального неравенства выступает не только как одна из целей социально-экономического развития, но и как одна из необходимых предпосылок успешного проведения реиндустриализации и технологического обновления

экономики. Необходимы значительные инвестиции в развитие человеческого, творческого потенциала, и снижение неравенства доходов, ибо здесь лежит ключ как к технологическим успехам, так и к достижению социальных целей развития.

Сложность и масштабность задач реиндустриализации России говорит о том, что их решение не может быть делом какой-то кратковременной кампании. Необходима последовательно проводимая долгосрочная стратегия развития страны. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что решение задач ускоренного развития и технологической модернизации производства в любой из стран, успешно осуществлявших такого рода проекты, обязательно опиралось на использование *плановых методов*⁹.

Разумеется, в рыночной экономике нельзя ориентироваться на централизованное директивное планирование (хотя такое может ограниченно применяться в рамках государственного сектора экономики, например, в военном производстве). В основном планирование в рыночной экономике может носить индикативный характер. Индикаторы плана должны быть обязательными лишь для органов государственного управления, которые ответственны за достижение плановых показателей — и эта ответственность должна закрепляться законодательно. Бизнес же ориентируется на показатели плана лишь в силу тех экономических стимулов, которые государство предоставляет тем, кто участвует в реализации плановых проектов.

Плановые методы в рыночной экономике необходимы прежде всего для реализации долгосрочной стратегии развития. Стратегическое планирование задает своего рода рамку для среднесрочных и краткосрочных плановых проектов и программ. Заложённая в планы стратегия определяет те цели, для достижения которых государство готово предоставлять бизнесу различные льготы и преференции, одновременно ограничивая экономическую активность в нежелательных или второстепенных направлениях. *Планирование*

⁹ Подробнее потенциал современных методов планирования для решения задач социально-экономического развития представлен в работе: Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / Под общей ред. С. Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте: Центркаталог, 2021. 542 с.

выступает в данном отношении инструментом, который сводит применяемые стимулы в систему, ориентируя все из них именно на достижение важнейших целей плана. Точно так же все проекты и программы, реализуемые в рамках плановой стратегии, должны быть связаны друг с другом таким образом, чтобы совместно работать на конечный эффект, предусмотренный стратегией.

Практика применения плановых методов управления экономическим развитием свидетельствует, что их применение обязательно требует наличия специального института, ответственного за разработку планов, за их ресурсное обеспечение и текущую координацию их исполнения. Общая ответственность за реализацию планов лежит на высших органах государственного управления, постольку, поскольку именно они уполномочены принимать важнейшие решения в области экономической политики. К сожалению, эти элементарные требования пока не реализованы в формирующейся системе стратегического планирования в России. Отсутствуют как координация работы по разработке и реализации планов между важнейшими государственными органами, так и механизмы ответственности за достижение плановых показателей. Кроме того, процесс стратегического планирования в России не предусматривает привлечение к разработке планов тех, кому, собственно, предстоит эти планы воплощать в жизнь. Необходимо от разговоров о необходимости института, координирующего плановую работу, перейти к разработке проекта такого института на законодательном уровне. Иначе мы по-прежнему останемся в ситуации, когда, например, программы, составляемые Минэкономразвития, и бюджетные проектировки, разрабатываемые Минфином, не будут соответствовать друг другу.

Острым вопросом для России является мобилизация ресурсов для проведения реиндустриализации и технологической модернизации экономики на основе новейших технологических укладов. Сложившийся в настоящее время уровень производственного накопления и доля инвестиций в ВВП совершенно недостаточны для решения этих задач. Имеющиеся в стране финансовые ресурсы не концентрируются на разработке и освоении новых технологий и на технологическом обновлении основного капитала, но при этом вывоз капитала за рубеж длительное время сохраняется на чрезвычайно высоком уровне.

Проблема упирается не только в создание благоприятного инвестиционного климата, то есть в снижение рисков для долгосрочных капиталовложений. Крайне низка эффективность финансово-экономических институтов, которые должны обслуживать потоки ресурсов для подобных капиталовложений. Речь идет о долгосрочном банковском кредитовании, которое обеспечивает слишком малую долю в финансировании инвестиций в основной капитал, и об инструментах фондового рынка, доля которых в финансировании этих инвестиций вообще ничтожна. Можно упомянуть и о том, что ключевая ставка Банка России уже не первое десятилетие почти постоянно находится на уровне выше рентабельности большинства отраслей промышленности, что делает для них долгосрочные кредиты практически недоступными. А без значительной кредитной экспансии, как показывает опыт новых индустриальных стран, невозможно обеспечить рывок в сфере технологической модернизации.

Одним из способов активизации инвестиционной деятельности частного бизнеса является соинвестирование бизнеса и государства в проекты технологического развития. Такое государственно-частное партнерство, осуществляемое в рамках долгосрочных программ развития, обеспечивает распределение инвестиционных рисков между бизнесом и государством. Наличие государственных программ позволяет расширить горизонт принятия решений, создавая уверенность и в том, что инвестируемый капитал будет давать отдачу в долгосрочном периоде, и в том, что весь этот период будет обеспечиваться государственная поддержка.

Проведение реиндустриализации на основе новейших технологических укладов (6-го, а в перспективе возможного 7-го) создает технологическую платформу, на которой может начать формироваться НИО.2. Широкое применение средств автоматизации производства — технологий искусственного интеллекта, обработки больших данных, промышленных роботов, автоматических датчиков, промышленного интернета вещей и т. п. — позволяет реализовать проекты индустрии 4.0. Она включает автоматизацию не только, собственно, производства, но и, по существу, всех бизнес-процессов в рамках отношений B2B и B2C: маркетинга, рекламы, логистики, сбора заказов, послепродажного обслуживания и т. п. На такой основе

реальностью становится безлюдное (или почти безлюдное) производство. Распространение гибридных технологий на основе NBICS-конвергенции¹⁰ позволяет решать производственные задачи и удовлетворять потребности людей при значительно более низкой материалоемкости на единицу удовлетворенной потребности, при одновременном росте знаниеинтенсивности производства и знаниеемкости продуктов.

Такие сдвиги в материальной основе производства будут означать выход людей из непосредственных производственных процессов и сосредоточение их активности в сфере преимущественно творческой деятельности. В совокупности изменения в материальной основе производства и в характере человеческой деятельности повлекут за собой сдвиги в критериальной основе формирования потребностей, где произойдет сдвиг от потребностей в средствах существования к потребностям в условиях для человеческого развития, что, соответственно, скажется и на структуре потребления. В конечном счете будет формироваться новый облик общества — нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). Для него будет характерен иной облик социальных и культурных предпочтений, другая система ценностей, вытекающая, в конечном счете, из иного облика производства¹¹.

Формирование НИО.2 будет означать создание предпосылок для изменения базовых характеристик общественных отношений. Выход человека из непосредственного производства будет означать сворачивание производственных отношений, изменение структуры потребностей вместе с возросшими возможностями их удовлетворения — прекращение конкуренции за средства существования, и тем самым сокращение основ для социальной конфликтности.

¹⁰ См.: Roco M., Bainbridge W. Overview Converging Technologies for Improving Human Performance / Eds. M. Roco, W. Bainbridge // *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington, 2003.

¹¹ Вопросы, связанные характеристиками нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и с особенностями процесса перехода к этому этапу развития рассматривались нами ранее в ряде предшествующих тем курса. В том числе этой проблематике посвящена лекция 4 «Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)». Также см. работу: Бодрунов С. Д. *Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка*. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. 327 с.

Человеческое общество, не будучи вовлечено в непосредственный производственный процесс, будет контролировать относительно автономную техносферу не через отношения, связывающие людей в производственной деятельности, а как внешняя по отношению к техносфере сила. Этот контроль будет заключаться в концентрации в руках людей преимущественно творческих функций, связанных с развитием технологий, регулированием направлений развития и структуры техносферы.

И здесь следует подчеркнуть то, что мы отмечали ранее при рассмотрении предшествующей темы курса: наиболее значительная часть общественных отношений будет связана на этой стадии развития не с производством, а с межперсональным взаимодействием в процессе творческой деятельности, которое уже не будет подчиняться критериям экономической рациональности. Таким образом, произойдет переход от экономики к ноономике.

На основе движения к НИО.2 ноономика сможет превратиться из гипотезы, касающейся отдаленного будущего, в реальность, пусть поначалу и проявляющуюся лишь частично и в ограниченном масштабе. Но так же, как современная экономика и общество уже делают первые шаги в направлении к НИО.2, так же в современной действительности появляются и первые ростки ноономики. *И это движение зависит в первую очередь не от проектирования образа желаемого будущего, а от того, что этот образ вырастает из объективных тенденций развития технологий и из потребности разрешения противоречий современной цивилизации.*

Рекомендуемая литература

- Бодрунов С. Д. Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект // Экономика промышленности. 2023. Т. 16. № 2. С. 135–140.
- Бодрунов С. Д. Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // Управленец. 2019. Т. 10. № 5. С. 2–8.
- Бодрунов С. Д. Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиции концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. 2018. № 3. С. 5–12.
- Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.

- Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. 327 с.
- Бодрунов С. Д., Глазьев С. Ю.* Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте; М.: Центркаталог, 2023. 337 с.
- Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А.* «Цифровая экономика» и фундаментальные принципы реиндустриализации // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2018. № 1 (690). С. 84–97.
- Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / Под общей ред. С. Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте: Центркаталог, 2021. 542 с.
- Roco M., Bainbridge W.* Overview Converging Technologies for Improving Human Performance / Eds. M. Roco, W. Bainbridge // *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington, 2004. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf

Заключительная лекция.

Ноономика: сущность и механизм перехода¹

Теория ноономики исследует проблемы связи между прошлым и будущим состояниями в отношении человеческой цивилизации или, иначе говоря, вопросы *глобальной социальной трансформации*. Для этого необходимо рассмотреть процессы, происходящие в настоящее время.

Сегодня наша цивилизация сталкивается с нарастающими вызовами. В современном дискурсе применительно к этой проблеме широко используется термин «*вызовы устойчивого развития*», которые отражены в принятых ООН «Целях устойчивого развития»². Уже сейчас мы можем дополнить этот список многими другими вызовами. Эти проблемы, фундаментальные и концептуальные, возникли десятилетия назад и до сих пор не решены. Отсутствие должного ответа на них чревато губительными последствиями для мира. Детали их различны, но, что важно, они носят системный характер. Системность определяется тем, что в динамической системе различные факторы воздействия на ее элементы переплетаются между собой; проблемы, на которые они влияют, не могут быть разрешены изолированно.

В данном случае возникает необходимость рассмотреть развитие экономики с точки зрения системного анализа, который является одной из основ в теории ноономики³. В системном анализе система — это нечто целое, составленное из частей; их соединение. Система — это совокупность элементов (в том числе — разнородных),

¹ Автор лекции: *Бодрунов Сергей Дмитриевич*, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России.

² Программа «Цели устойчивого развития» на сайте ООН. URL: <https://sdgs.un.org/goals>

³ *Бодрунов С. Д.* Ноономика: Монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.; *Бодрунов С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации: Монография. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.

находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность. Динамическими называют системы, которые под действием внешних и внутренних сил (факторов) меняют свое состояние во времени. При этом различные факторы в системе влияют друг на друга прямо или опосредовано, конфликтуя при этом зачастую между собой, противореча друг другу.

Нарастание этих противоречий, создавая *напряжение системы*, и порождает многочисленные и усиливающиеся конфликты. Последние носят разноуровневый и разнонапряженный характер и требуют своего скорого разрешения. Среди них есть чреватые высоким уровнем негативного воздействия на глобальную социально-экономическую систему. Это бедность и нищета сотен миллионов людей во всем мире, достигшее беспрецедентных размеров неравенство не только отдельных страт населения, но и целых стран. Это касается и неравенства доходов, неравенства в доступе к базовым ресурсам развития (жилищу, здравоохранению, образованию, культуре), неравенства в распределении богатства. Среди еще одного ряда важнейших вызовов — нарастающая неустойчивость мировой экономики к шокам различной природы (например, пандемический шок, вызванный коронавирусом, — яркое тому подтверждение). Огромная и растущая проблема — финансиализация не только экономики, но и всех сфер жизни общества. Это деградация, в ряде случаев необратимая, природной среды. Данный перечень можно продолжить.

Следует сказать и о духовном кризисе. Нарастание экономических противоречий пагубно сказывается на обществе, на человеке. Он теряет идейные и духовные ориентиры, утрачиваются устоявшиеся категории истины, прогресса личности, добра, красоты; разрушается традиционная, выдержавшая испытания временем система морально-этических ценностей. *Цивилизация как система в своем развитии подошла к так называемой точке бифуркации*⁴.

В данном случае, как представляется, необходимо отдельно пояснить весьма важные для дальнейшего понимания аспекты.

⁴ Бодрунов С. Д. Проблемы технологического суверенитета и цивилизационное развитие: от современного общества к ноономике // Ноономика и ноообщество. 2023. Т. 2. № 4. С. 13–24.

Современная экономика — совсем не та, что предполагалась в первоначальном значении этого слова. В свое время Аристотелем в научный обиход и в философскую мысль было введено важнейшее понятие — «предел»⁵. По Аристотелю, «экономика» (*oikos* — дом, хозяйство, *nomos* — правило, закон) касалась удовлетворения реальных потребностей людей, естественной хозяйственной деятельности, связанной с производством необходимого для жизни продукта, или, говоря языком политэкономии, потребительных стоимостей. Пределы этой деятельности тоже естественны — это реальное личное потребление человека, семьи. Тем самым «экономика» предполагала предел, удовлетворение потребностей именно в пределах реальных потребностей, ограниченных естественными пределами дома, домохозяйства. То, что было за данными пределами, и делалось ради выгоды, называлось «хрематистикой» — деятельностью, где получение выгоды, накопление денег, имущества и т. п. является самоцелью. Тут деньги выступают в первую очередь как богатство, отодвигая на второй план свое базовое качество — средство обеспечения обмена. При этом увеличение богатства как цель не имеет предела, накопление становится бесконечным.

Безусловно, в реальной жизни экономика и хрематистика пересекались. Постепенно в экономике, особенно с развитием денежного обращения, расширением хозяйственной деятельности, в рамках которой деньги стали играть особую роль, понятие «предела» было утрачено. По сути, экономика была подменена хрематистикой. Современная экономика, получив другое качество, хрематистическое, стала развиваться, потеряв свой «предел», в направлении достижения иных базовых целей, смысл которых — извлечение прибыли, дохода. Можно согласиться с Аристотелем, который считал, что данный вид развития имеет цели «самые извращенные». Мы это видим каждый день на тысячах примеров.

Важно понимать, что эти цели во многом деструктивные. С одной стороны, такая экономическая система по своей природе объективно

⁵ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. Политика. Никомахова этика. М.: Мысль, 1983. 830 с. С. 389–394.

не имеет предела своей экспансии, а, с другой, эта экспансия все-таки объективно ограничена различными факторами (природными, ресурсными, естественными пределами среды нашего обитания, человеческой природой, наконец). *В результате возникает принципиальное противоречие: развитие, требующее беспредельных ресурсов, сталкивается с ограничением ресурсов.* Отсюда возникают конфликты, войны, разнообразные «черные лебеди» и т. п. Система в такой ситуации начинает работать «на разрыв». При этом момент, когда множество факторов, противоречащих друг другу, достигая максимального напряжения, сходятся в одной точке, есть особое состояние системы — так называемая точка бифуркации.

Точка бифуркации — это критическое состояние системы, при котором даже незначительное возмущение может привести к глобальным изменениям. При этом сохраняется неопределенность: в точке бифуркации система может развалиться, а может перейти в новое качество. Неизвестно, что будет с нашей социально-экономической, цивилизационной системой. Однако весьма вероятно, что такой поворот чреват многими негативными последствиями для человека. Кроме того, в системе любое воздействие, как влияющее извне, так и возникшее в рамках саморазвития (влияния одних элементов на другие), вызывает обратное действие. Любой фактор, внешний или внутренний, влияя на элементы системы, испытывает также обратное влияние. Тем самым он может усиливать свое собственное влияние либо его ослаблять. Такое прямое и обратное влияние создает сложную композицию векторов развития системы. Ситуация, когда система неуправляема либо «управляется» противоречивыми факторами, может привести как к ускорению наступления точки бифуркации, так и к более «жесткому» ее прохождению системой.

Таким образом, наша цивилизационная система подошла к точке, когда возникла объективная необходимость целенаправленного управления ее развитием. При этом неизбежно встает вопрос: *как снять глобальное противоречие, ведущее нас в точку бифуркации?* Ответ на этот ключевой вопрос надо искать не в ограничении пределов развития самой системы, а в устранении тех «беспределов» удовлетворения потребностей, которые составляют само существование сегодняшней «экономики».

Базовым условием сохранения системы является координация, синхронизация, оптимизация целей, потребностей, с одной стороны, и возможностей, с другой. Вопросами того, в какое новое, стабильное сохраняющее и расширяющее потенциал развития состояние должна перейти наша цивилизация, занимается теория ноономики.

Теория ноономики дает целостное теоретическое обоснование перспектив социально-экономического развития человеческой цивилизации, раскрывая особенности его нового качества⁶. Термин «ноономика» синтезирует в себе неортодоксальные представления об экономике с гуманистическим взглядом на общественное устройство, которое восходит к мировой культурной и философской традиции. Суть теории ноономики состоит в рассмотрении человеческого развития не через призму стихийности и примата природных инстинктов, но в приоритизации разума в управлении социальными процессами, исходя из гуманистических ценностей, определяющих на каждом этапе развития границы реальных потребностей и допустимые в пределах этих границ механизмы их удовлетворения.

«Ноо» в слове «ноономика» происходит от греческого «ноос» — разум. При этом разум выступает не как абстрактное понятие. *Критериальная база разума — это истина как высшая ценность, к которой всегда стремилось и стремится человечество.* Вторая часть термина «ноономика» — «номос». *Номос — это древнее понятие, которое также имеет греческие корни и используется для обозначения базового принципа организации любого пространства, всеобщего закона существования всего сущего.*

Ноономика — это способ удовлетворения потребностей в обществе, где преобладают неэкономические отношения. Так же, как экономика — способ хозяйствования в экономическом обществе, ноономика — способ хозяйствования в ноообществе. При этом ноообщество — это не абстрактное «ноосферное общество», а это общество, материальной базой существования которого и основой удовлетворения потребностей людей является ноономика.

⁶ Бодрунов С. Д. Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 6–18.

Отдельно нужно обратить внимание на один из базовых аспектов теории ноономики, который касается направлений развития системы человеческой цивилизации. Движение это не прямолинейное. Могут быть «зигзаги» и «спирали» истории, «рывки», бывают исторические «петли» и т. д. Тем не менее глобальный тренд развития — это процесс восхождения человека от «природного» своего состояния к более духовному, культурному, знающему. Именно это является одной из основ нашей цивилизации. Этот процесс возрастания в теории ноономики описывается как движение от «зоо» к «ноо»⁷. Идет развитие от зоо-потребностей, зоо-состояния, зоо-качеств и отношений к отношениям, потребностям, ценностям и т. д. более высокого порядка — ноо-потребностям, ноо-ценностям, ноо-отношениям.

Однако, если вернуться к сегодняшнему состоянию нашей цивилизации, мы можем отметить нарастающие противоречия в экономических, социальных, экологических и других аспектах нашей жизни. Их следствием становится трансформация нашей цивилизации, происходящая одновременно во многих областях.

Можно с большой уверенностью сказать, что самая грандиозная трансформация, свидетелями которой мы являемся, происходит в технологической сфере. Содержанием этой трансформации является *не отказ от материального производства, а переход к новому качеству материального производства*. При этом материальное производство остается производством по преимуществу индустриальным, а с изменением господствующего индустриального технологического уклада, основанного на так называемых знаниеинтенсивных технологиях, меняется облик самого общества.

Новым ориентиром развития должен стать переход к качественно новому не постиндустриальному, но постэкономическому состоянию общества. В соответствии с теорией ноономики, *магистральный путь развития человечества лежит в следующем направлении: современная экономическая модель — новое индустриальное общество второй генерации (ННО.2) — ноономика*.

⁷ Бодрунов С. Д. От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118.

Уходящую индустриальную эпоху крупный американский ученый Джон Кеннет Гэлбрейт в середине XX века назвал «новым индустриальным обществом»⁸. Он обосновал изменение структуры экономической системы, показал формирование на базе индустриального развития так называемой «техноструктуры» общества с ее прямым влиянием на тип общественного устройства. В наше время после периода наивной веры в могущество «постиндустриального» развития мы вновь возвращаемся к взглядам Гэлбрейта, которые выдержали проверку временем.

Следует подчеркнуть, что промышленность времен Гэлбрейта и промышленность современная кардинально различаются, что объяснимо во многом различиями разных технологических укладов. Различие состоит, что важно, в уровне знаниеемкости, в количестве и качестве ресурсов, используемых в разное время. Место материальных ресурсов занимает все более активно знание, которое становится в новых условиях основным ресурсом общественного производства.

Из нового индустриального общества Гэлбрейта, условно говоря, первого поколения человечество вступило в этап перехода ко второму поколению нового индустриального общества (НИО.2)⁹. Контуры последнего уже явственно вырисовываются. Оставаясь по своей природе индустриальным, оно отличается принципиальным изменением базового ресурса индустрии, каковым становится знание. Постепенное продвижение человеческой цивилизации к НИО.2, к системе отношений, институтов экономики, где главную роль играет высокотехнологичное знаниеемкое материальное производство, происходит уже с последней трети XX века.

Отличительной чертой новой, современной технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний.

⁸ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 479 с.

⁹ Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: Монография. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. 328 с.; Бодрунов С. Д. Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие // Общество и экономика. 2016. № 9. С. 5–21; Гэлбрейт: возвращение. Монография / Под ред. С. Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017. 424 с.

Доля знаний в издержках производства, если говорить об экономической составляющей, возрастает, в то время как доля затрат материальных ресурсов относительно сокращается (рис. 6)¹⁰.

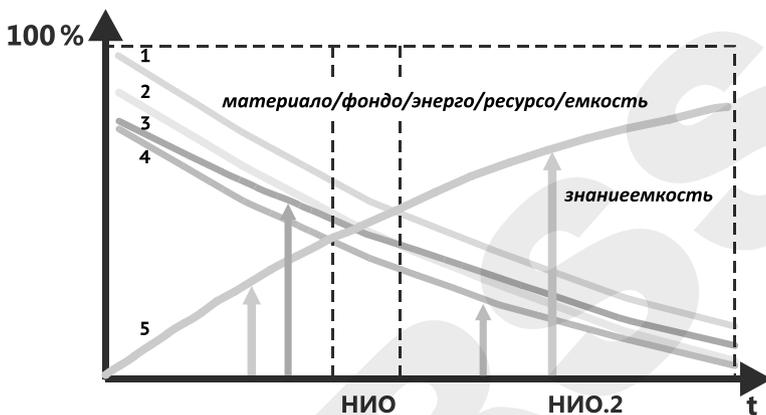

Рис. 6. Исторический процесс изменения удельных емкостных параметров компонент продукта.
Условные обозначения: 1 — материалоемкость, 2 — фондоёмкость, 3 — энергоёмкость, 4 — ресурсоемкость, 5 — знаниеёмкость

Кроме того (и вследствие этого), происходит сокращение непосредственного участия человека в процессе материального преобразования исходных ресурсов. Технологическое развитие ведет к тому, что человеку во все большей степени остаются функции целеполагания и контроля, а непосредственные манипуляции с сырьем и материалами выполняются автономными техническими объектами. Нынешнее широкое распространение промышленных роботов, «интернета вещей» и прочих технологий 6-го технологического уклада является только первым шагом на этом пути. Человек в современных прогрессивных производствах все более вытесняется за пределы производственных киберсистем. С приходом новых технологий меняются и содержание труда, и способы организации производства. Именно поэтому речь должна идти не просто о технологической, а о комплексной индустриальной революции.

¹⁰ Подробнее см.: Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. С. 68–74.

Однако сам по себе прогресс технологий — не конечная цель и не высшая ценность. Это цель, условно говоря, операционная, хотя и очень важная. С позиций гуманистических представлений о нашей цивилизации, такой конечной, высшей целью и ценностью является человек, его жизнь, его развитие и благополучие.

Мощь современных технологий, их ускоренное развитие создает пока еще не реализованную, но объективно востребованную возможность перезагрузки и трансформации всех сфер общественного производства, всех социально-экономических отношений и институтов. Само общество ожидает системная трансформация. Данная трансформация вызывается четырьмя вполне конкретными базовыми факторами¹¹.

Первый: научно-технический прогресс. Технологический прогресс создает материальный базис для того, чтобы несимулятивные потребности человека удовлетворялись в полной мере. Безусловно, удовлетворить все многообразие современных потребностей экономика не в состоянии в принципе, поскольку на это попросту не хватит ресурсов, сколь большим их запасом мы бы ни обладали. Проблема состоит в том, что в рыночном обществе все бóльшую роль играют не вещи, а их знаки. Этот процесс хорошо известен еще с XX века и описан, в частности, французским социологом и философом Жаном Бодрийяром. Возникают так называемые товары-симулякры (товары-знаки, товары-символы богатства, престижности и т. п.). Соответственно, потребности, которые ими удовлетворяются, являются надуманными, симулятивными. Таким образом, научно-технический прогресс, являясь обязательным фактором достижения более высокого уровня удовлетворения потребностей, в современной экономике объективно чреват разрушением нашей цивилизации.

Второй фактор: так называемая «диффузия собственности». Производство, сколь бы значимым и развитым оно ни было, не существует ради себя самого. Его продукт служит удовлетворению человеческих потребностей. При этом процесс удовлетворения любой

¹¹ Бодрунов С. Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 5–14.

потребности, в свою очередь, исторически развивался в неразрывной связи с тем или иным способом захвата, контроля, использования объекта потребления, способом извлечения из него полезности. Полезность продукта/блага связана с собственностью объекта потребления. Так, по Карлу Марксу, собственность есть отношение к предмету как к своему¹². Это отношение осуществляется через производство, распределение, обмен и потребление, характеризующие способ присвоения благ. Тем самым институт потребления ныне представляется неотделимым от более общего института собственности, является его частным проявлением. Верно и обратное: не только институт собственности влияет на потребление, но и трансформирующееся потребление способно изменить институт собственности. В результате проявляется цепочка причинно-следственных связей в экономической системе: изменения в технологиях — изменения в производстве — изменения в потреблении — изменения в институте собственности. Именно изменения в последнем звене этой цепочки наблюдаются сегодня: речь идет о диффузии собственности.

Процессы формирования новых, преодолевающих границы института частной собственности способов присвоения, распоряжения и использования собственности известны давно. Процесс диффузии частной собственности начался более столетия назад и хорошо известен: индивидуальный частный собственник «диффундирует», трансформируясь во множество акционеров; права частного собственника ветвятся. Например, согласно ирландскому юристу А. Оноре, «пучок собственности» ветвится на 11 элементов¹³; об этом писали Нобелевский лауреат британец Р. Коуз¹⁴ и американцы А. Алчиан и Г. Демсец¹⁵ в своих теориях фирмы и прав собственности. Эти

¹² Подробнее об этом см., например, ряд разделов в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.»: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 477–487.

¹³ *Honoré A. Ownership. Oxford Essays in Jurisprudence / Ed. by A. W. Guest. Oxford, 1961. P. 112–128.*

¹⁴ Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. 192 с.

¹⁵ *Alchian A. A., Demsetz H. The property rights paradigm // Journal of Economic History. 1973. V. 33. № 1. P. 16–27.*

«пучки» прав разделяются между акционерами, менеджерами, работниками и другими экономическими акторами, права собственника ограничиваются и/или передаются не собственнику, и т. д.

Эти аспекты давно и хорошо известны. Однако они не касались потребления, ограничиваясь производственной и распределительной стадиями воспроизводственного цикла. Сегодня же, с развитием НТП и индустрии 4.0, которые являются материальной основой процесса диффузии собственности, наблюдаются новые тренды в виде развития различных форм так называемого ассоциативного, совместного производства и потребления: ко-воркинг, ко-ливинг, кар-шеринг, кик-шеринг и т. п. Стремительный рост шеринговой экономики поддерживается значительными инвестициями в нее. Желание все большего числа людей пользоваться, не становясь собственниками, привлекает соответствующее внимание со стороны бизнеса, и инвестирование в шеринговую экономику растет стремительными темпами.

Имеются и многие другие тренды так называемого «ухода от собственности». Размывание прав собственности происходит непосредственно в повседневной жизни индивида. Важно при этом, что речь уже идет о диффузии не только частной собственности, но и собственности в целом как особого отношения и института, являющегося системообразующим элементом современных экономики и общества. Если собственность как институт «диффундирует», то редуцируются и порожаемые им экономические отношения, уступая место иным, не навязанным экономической логикой. Таким образом, с редуцированием значения собственности редуцирует и пространство экономических отношений в обществе, т. е. исчезает и само экономическое общество. Его пространство в системе отношений людей постепенно сжимается. Соответственно, будет происходить трансформация экономического способа удовлетворения потребностей в неэкономический. Это происходит (и произойдет) не потому, что некий субъект совершает политический, насильственный акт, а в силу объективного, не зависящего от воли и сознания политических субъектов процесса — в силу прогресса технологий, приводящего к смене одного типа общественного производства и присвоения другим. Таким образом, с расширением

научно-технического прогресса, его роли в производстве, возрастает роль фактора диффузии собственности в экономических отношениях.

Технологический прогресс и диффузия собственности прокладывают дорогу так называемой социализации общества и развитию ноокачеств человека. Тем самым *третий* фактор трансформации — это *социализация общества*.

В экономической науке с понятием «социализация», как правило, связывают возрастание роли общественных и снижение роли частных начал в экономике. Стоит посмотреть на это более широко, привлекая идеи из социологии, психологии личности и других сфер знания. Социализация — это процесс адаптации индивида к окружающему социуму, миру, и в то же время — это развитие, самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства норм и правил поведения, ценностей, знаний, в том числе, культурных, а также навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе. Кроме того, термин социализация может использоваться в качестве обозначения некоего уровня фиксированного состояния человека в его отношениях с социумом (говорят, например, что ребенок «социализирован», если он усвоил необходимые для его возраста нормы общественного поведения), и в этом случае речь идет о том уровне социализации, который достигнут человеком на данный момент. Соответственно, можно сказать, что социализация общества как состояние — это достигнутый на данный момент уровень социальной организации, культуры, норм и т. п. в обществе. Безусловно, этот уровень меняется. Его изменение и есть процесс социализации общества, то есть процесс создания условий жизни людей в социуме, среди которых и перманентная перенастройка институтов, и обеспечение жизнедеятельности, и воспитание, и культура, и другие условия жизни индивида в социуме. Важно, чтобы эта перенастройка шла в направлении создания/возрастания/улучшения условий для развития человеческих качеств индивидов социума через «взаимоадаптационный» механизм взаимодействия индивида и общества.

В данном случае нужно обратить внимание на существование прямой и обратной связей, таких как «индивид — общество, социум —

индивид». С одной стороны, человек есть продукт социализации, ибо именно благодаря этому процессу происходит превращение его из «био(зоо)-существа» в человека, социальное существо, личность, приобретение им истинно «человеческих» — ноо-качеств. С другой стороны, как отметил еще К. Маркс, человек — это не только продукт, но и творец общественных отношений, творец истории. Все более социализирующийся человек привносит в общественное бытие и в общественное сознание новые ценности и мотивы жизнедеятельности, поступков, трансформируя тем самым социополи- тико-экономические институты в направлении от «зоо» к «ноо». Эти новые институты, в свою очередь, станут оказывать соответствующее обратное влияние на человека, на сообщество индивидов, усиливая ноотрансформацию уже самого человека.

Наконец, существует и *четвертый* фактор трансформации (из сферы идеологии) — *солидаризм*. Солидаризм — это «синергетический принцип» взаимодействия индивидов, социальных групп и институтов, объединяющий их в единую систему и трансформирующий ее. В основе солидаризма лежит тип взаимодействия социальных акторов, где на место борьбы и конкуренции, присущих экономическому восприятию действительности, приходит взаимоосознание единства ценностей, целей и путей совместной деятельности.

Такой способ взаимодействия становится все более эффективным для реализации своей миссии общественными институтами в формирующихся условиях НИО.2. На основе феномена солидаризма создаются новые современные концепции развития общества. В частности, феномен солидаризма лежит в основе китайской концепции «единой судьбы человечества». Он также является основой концепции ЕАЭС, которую можно сформулировать следующим образом: «Развитие участников объединения не за счет других, а за счет использования преимуществ друг друга». Аналогичные идеи являются основополагающими для развития БРИКС.

Феномен солидаризма начал изучаться еще в XIX веке, однако его природа, его наполнение были несколько иными. Солидаризм в классическом понимании — это известная теория о необходимости солидарности и стремления к компромиссу, социальному сотрудничеству и духовному доверию среди различных слоев общества, в том

числе — классов, партий и групп интересов. На практике солидаристские отношения бывают двух типов: они строятся либо на системе взаимовыгодных договоров, ориентированных на общие интересы, либо на совокупности добровольных сообществ. Последний тип часто ассоциируется с парадигмой так называемого «нового солидаризма».

Безусловно, отношения нового солидаризма, или солидаризма, построенного не на экономической основе, не могут возникнуть одномоментно. Нужен период эмбрионального развития в утробе пока еще остающегося экономическим общества. Это сложный и длительный процесс, в том числе вследствие того, что современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим, то есть эти преимущества и выгоды одни получают во многом за счет других. Однако все более востребованный с ускорением НТП учет интересов других субъектов приводит к необходимости солидарного решения многочисленных сложных (зачастую глобальных) хозяйственных и социальных вопросов. Важным шагом в развитии солидаризма на этапе экономического общества является осознание, что затраты «на конкуренцию», связанные с борьбой издержки с развитием НТП становятся все более весомыми и все чаще «перевешивают» получаемые в итоге экономические выгоды.

Фактически (в рамках экономического общества) солидаризм — это ассоциативное использование ресурсов сообщества на решение его задач, в первую очередь, на борьбу с общими вызовами, и далее — на социальное развитие. При этом очевидна синергия использования ресурсов, обеспечивающая принципиально более высокий результат, чем «простое сложение» сил и средств. В этом состоит важнейшее как ресурсное значение солидаризма, так и организующее его в качестве идейной платформы консолидации усилий на позитивное развитие.

Таким образом, названные четыре направления (или — четыре вектора) переживаемой нами ныне цивилизационной трансформации и генезиса перспективного общественного устройства характеризуют не только компоненты, слагаемые равнодействующей направления

движения, но и, одновременно, источник, цель, механизм и средства продвижения к ноономике. Данная четверка векторов развития получила название «*квадрига ноономики*» вслед известной «*квадриге Аполлона*», бога света и разума, древнегреческому образу колесницы судьбы, ведомой четырьмя конями-силами и координируемой, управляемой, Разумом. «*Квадрига ноономики*» составляет основу для перехода к новой организации общества. Задействие всех ее элементов в комплексе, согласно положениям теории ноономики, позволит не только осуществить этот переход, но, что крайне значимо с практических позиций, во-первых, «обойти» наступающую кризисную точку бифуркации цивилизационного развития и, во-вторых, осуществить этот переход максимально бесконфликтно.

В перспективе, по мере накопления изменений не только в технологической, но и в экономической, социальной сферах, НИО.2 неизбежно приведет к трансформации нынешней экономической парадигмы развития в ноономику, предполагающую более социализированный тип производства и распределения общественных благ. Однако в самом ближайшем будущем необходимо сделать выбор, возможно, самый решающий в истории нашей цивилизации. Современное человечество стоит на пороге одной из самых важных развилки в своей истории. Либо произойдет поворот к человеку разумному, следствием чего в конечном итоге будет эволюция в сторону ноономики, либо общество зайдет в тупик, в технотронное общество, где элита удовлетворяет безмерно растущие и преимущественно симулятивные потребности, а большинство населения занято в сфере обслуживания, которая все более превращается в сферу прислуживания. В последнем случае при антиутопической трактовке рано или поздно человечество выродится в некое подобие элоев и морлоков, ярко описанных еще в конце XIX века Гербертом Уэллсом в его «*Машине времени*». Третья возможная альтернатива, апокалиптическая, в данном случае не рассматривается, хотя ее возможность полностью нельзя сбрасывать со счетов.

Безусловно, первый вариант развития выглядит предпочтительным, а с фундаментальной точки зрения и безальтернативным.

Однако эта безальтернативность, несомненная в теоретических рассуждениях, должна еще воплотиться в социальные практики, что связано со множеством сложностей. Главной сложностью является следование необходимости разумного поведения, осмысленного и взвешенного принятия решений.

В данном случае важно осветить вопрос о взаимоотношении понятий «ноономика» и «ноосфера», их связи и различий. Присущее рыночному (экономическому) мышлению стремление к личной выгоде является мощным фактором, искажающим восприятие и объективность не только у отдельных людей, но и у обширных социальных групп, порой целых народов. Ввиду этого, говоря о «разумности», необходимо обратиться к феномену ноосферы, введенному в научный оборот великим русским ученым Владимиром Ивановичем Вернадским¹⁶. Основной тезис В. И. Вернадского состоит в том, что начиная с XX в. человечество становится ведущей геологической силой, и именно оно отныне ответственно за воспроизводство биосферы Земли. Более того, техногенез — создание человеком техносферы и наполнение ее техновеществом — по мнению академика Александра Евгеньевича Ферсмана, уже соперничает с биогенезом и биосферой по вовлеченной массе вещества и затратам энергии¹⁷. Причем в настоящее время можно сказать, что уже не просто соперничает. Человечество ежегодно создает в десятки раз больше видов техновеществ, чем природа, а общая масса техновеществ, созданных человеком за свою сравнительно небольшую историю, в тысячи раз превышает нынешнюю биомассу Земли. Ежегодно эти значения меняются в сторону роста техносферы.

Техносфера превратилась в колоссальную и уже во многом независимую от человека, развивающуюся по собственным законам силу, что только увеличивает ответственность человека за введение этой силы в разумные рамки, предотвращение стихийного деструктивного воздействия техногенных процессов. Достижение критического состояния данного фактора по отношению к био-гео-системе,

¹⁶ Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.

¹⁷ Ферсман А. Е. Геохимия: Учеб. пособ. для ун-тов: В 2 т. Л.: Химтеорет, 1934. 354 с.

в которой обитает человек, приведет к ускорению достижения точки бифуркации этой системы. Выводы российских мыслителей о генезисе ноосферы, сделанные более полувека назад, постепенно стали едва ли не очевидны для широкого круга интеллектуалов. Если посмотреть на концепцию ноосферы шире, то можно сделать следующий вывод о возможных формах воплощения разумного подхода к хозяйствованию, учитывающему ответственность человечества за воспроизводство биосферы Земли: хозяйственная деятельность, удовлетворяющая потребности человека, будет определяться в первую очередь неэкономическими критериями, поскольку сами потребности примут неэкономическую форму. При этом важнее, что эти потребности должны стать разумными. Не «рациональными», а «разумными».

Несмотря на сходство звучания, понятия «ноосфера» и «ноономика» вовсе не тождественны. Обращаясь к идеям ноосферизма, нужно подчеркнуть лишь концептуальную и методологическую близость стоящих за этими понятиями феноменов. Из концепции ноосферизма следует, что выбор, который должно сделать человечество, есть выбор в пользу ноономической альтернативы. Это выбор разумный, присущий ноосферному мышлению и восприятию действительности¹⁸.

Развитие человека выступает как условие и одновременно как результат формирования ноономики. *Ноопроизводство* в наибольшей степени будет выступать как производство самого человека, нежели производство материальных условий его существования. Более того, само обеспечение материальных условий существования перестает быть непосредственным делом человеческих рук. Производственные процессы «замкнутся» в техносфере. Человек, естественно, будет воздействовать на эту сферу, но не приложением рук, а силой знания. В соответствии с этим изменится и структура потребностей человека. Преобладающее значение будут иметь потребности в саморазвитии, потребности духовного плана, потребность в познании, в общении, в общественном признании. Именно эти

¹⁸ Бодрунов С. Д. От ноономики — к ноосфере? // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 3. С. 36–47.

потребности будут регулировать характер применяемых технологий, производимых продуктов и организации производства в сфере удовлетворения материальных потребностей человека. Данные сдвиги в структуре потребностей будут определяться прогрессом человеческой культуры.

В завершении этой части нужно сказать об инструментарии *ноо-перехода*. Рассмотренные предпосылки перехода к ноономике представляются в теории объективными и логичными. Однако в жизни человеческих сообществ и общества в целом не всегда развитие происходит по объективным законам. Бывают и отклонения от них, своеобразные, как уже было сказано, «зигзаги истории», вызванные либо субъективными действиями людей, либо и вовсе случайными обстоятельствами. Поэтому важно сделать движение к ноономике не спонтанным, а если и не полностью управляемым, то, по крайней мере, скоординированным.

В настоящее время в мире остро стоит проблема выбора не только стратегических приоритетов и целей общественного развития, но и стратегических путей их достижения. В данном случае *теория ноономики находит пересечение с концепцией стратегирования*.

Живая практика последних десятилетий, сама жизнь, доказывают, что существующие ныне теории экономического «мейн-стрима», увязшие в ситуации так называемой «новой нормальности», по сути, означающей отказ от построения долгосрочных стратегий, не в состоянии дать сколько-нибудь внятного объяснения ни существующих, ни едва только намечающихся трендов в общественном развитии, и, тем более, обозначить четкие контуры результатов этих глобальных трансформаций. Ответом на многочисленные возникающие в связи с этим вопросы стала книга «Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика»¹⁹.

Эта книга стала результатом совместных усилий авторов концепций стратегирования (В. Л. Квинт) и ноономики (С. Д. Бодрунов).

¹⁹ Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика: Монография. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. 351 с.

Идея объединения их взглядов на проблемы общецивилизационного развития имеет единую научную платформу — определение долгосрочных целей и выбор экономико-стратегического инструментария для их достижения. В книге изложены подходы авторов к решению рассмотренных вопросов. Авторы, рассматривая идеи теории ноономики как целевую траекторию развития цивилизации, в качестве инструмента управления процессом достижения этой цели предложили оригинальную концепцию построения и реализации практико-ориентированной стратегии глобального развития с привлечением идей теории стратегирования. Это позволяет говорить о полученном впервые новом практическом подходе к решению теоретически значимой задачи.

Важно отметить, что переход к ноономике обусловлен трансформацией интересов и ценностей человека, и в то же время, сам этот переход и сопровождающие его изменения в хозяйственной деятельности и обществе в целом будут вызывать, в силу обратного воздействия, развитие системы интересов и ценностей, ноо-критериальной базы ценностей.

Фраза «современный мир стремительно меняется» давно уже стала банальностью. Однако грозные события, связанные с распространением инфекций, резким ужесточением политических конфликтов, ростом техногенных рисков заставляют по-новому взглянуть на эту фразу и несколько иначе оценить ее смысл.

Действительно, изменения и в применении технологий следующего технологического уклада, и в экономике, и в обществе развиваются стремительно, с «ускорением ускорения», и в то же время эти изменения носят не ситуационный, а фундаментальный характер. Достичь гармонии в общественном развитии, справедливости, сбалансированности интересов различных социальных групп, гуманистической направленности развития общества, не изменив лежащую в основе современного социального устройства модель экономики, невозможно. Необходима смена парадигмы.

В перспективной модели устройства общества, сформированного на основе сверхвысокого технологического развития и кардинальных социальных трансформаций, ноопроизводство, совершающееся

в автономной техносфере, будучи отделенным от человека, от общества, по своим целям и задачам останется подчиненным обществу. С развитием ноообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям постепенно происходит и переход от экономической рациональности к новой ноо-рациональности. Этот новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретает первостепенное значение и служит основой изменения характера общественных отношений. Место экономики займет ноономика, а место экономического общества — ноообщество.

Переход к ноономике, безусловно, долгий и противоречивый процесс, который сопряжен с преодолением целого ряда проблем современного социального и экономического устройства, включая глубокие технологические, социально-экономические и культурные различия как между странами, так и между различными социальными стратами. Однако это движение идет. Достижимой его целью будет то, что homo economicus (человек экономический) завершит свою историческую миссию и трансформируется в «ноо-человека», для которого не экономическая (т. е. хрематистическая) расчетливость, а гуманизм будет определяющим свойством и смыслом существования.

Если говорить о задачах текущего момента, то они должны быть ориентированы, в первую очередь, на опережающее и сбалансированное технологическое развитие и проведение реиндустриализации на базе передовых технологий при одновременной и безусловной ориентации экономики (и индустрии, в частности) на человека, его развитие.

Глава российского государства, президент В. В. Путин отметил, что человечество в эпоху перемен и кризиса должно противостоять опасностям, но нельзя упускать и возможности этого периода. «Тем более, — сказал он, — что кризис, с которым мы имеем дело — концептуальный, даже цивилизационный. По сути, это кризис подходов, принципов, определяющих само существование человека на земле, и нам все равно придется их серьезно переосмысливать. Вопрос — в какую сторону двигаться, от чего отказываться, что пересматривать или корректировать. При этом убежден, что за

подлинные ценности нужно побороться, отстаивая их всеми силами», — подчеркнул президент²⁰.

Является позитивным признаком, что о таких вопросах говорят не только ученые (философы, экономисты, историки, социологи и др.), но и политики. При этом необходимо, чтобы их решения опирались на выверенную научную базу — фундаментальную, теоретическую и имеющую практическое измерение. Очень важно, чтобы идеи перехода к новому состоянию общества были не только осознаны, но и корректно воплощены в конкретные решения политиков и гражданского общества. Теория ноономики, которую уже изучают студенты и магистры в соответствующих курсах во многих вузах, является одним из ключей решения этой задачи. Она позволяет не только представить теоретический фундамент для этих решений, но и выделить цели, пути, механизмы продвижения вперед, к нашему будущему.

Еще раз стоит отметить, что современное состояние мировой экономики и международных отношений отличается повышенным уровнем конфликтности, турбулентности и неопределенности. Характер внешних и внутренних вызовов, угроз и «шоков» для национальных систем становится все более жестким, что обусловлено как глобальностью происходящих процессов, так и определяющими их фундаментальными закономерностями. Мир оказался на «развилке» цивилизационного пути с высокой вероятностью реализации катастрофического сценария. В настоящее время общество, подчас инстинктивно, находится в ожидании, деятельном или пассивном, знаковых для мира событий, способных дать точку опоры и возможность успешного прохождения «точки бифуркации» на пути к возникновению нового качества цивилизационного развития.

Одним из таких объектов современных международных отношений, на котором сосредоточено пристальное внимание, является БРИКС. Действительно, мировое сообщество тщательно отслеживает каждое событие, происходящее в рамках данного объединения (тем более, что в 2024 г. председателем БРИКС выступает Россия).

²⁰ Заседание дискуссионного клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>

Деятельность БРИКС, основанная на принципах равноправия, взаимоуважения, открытости, солидаризма, мирного сосуществования и «многопрофильного стратегического партнерства», в наше время привлекает к участию в этом объединении все большее количество государств, настроенных присоединиться к новым позитивным трендам. С другой стороны, оригинальность БРИКС порождает ответную реакцию стран Запада, осознающих появление конкурента в установлении нового глобального миропорядка и угрозу потери мирового лидерства. Отсюда в том числе и развязывание мировой гибридной войны, и развитие санкционных режимов, и стремление США и их союзников сдержать рост БРИКС. Такое «разнонаправленное» внимание к данному объединению указывает на особое значение БРИКС для современной стадии мирового развития и грядущего общественного переустройства, т. е. той роли, которую эта группа в своем расширенном формате призвана сыграть в глобальном ноопереходе²¹.

В докладе пленарного заседания Санкт-Петербургского экономического конгресса (СПЭК) в 2023 г. было показано, что *глобальный ноопереход* представляет собой процесс развертывания позитивного эволюционного сценария развития человечества и особый интервал в рамках индустриального этапа ноодвижения²². Его стартовый отрезок приходится на фазу преодоления современного переходного периода (от 5-го технологического уклада к 6-му и от старого мирохозяйственного уклада к новому, интегральному, с соответствующей сменой стран «ядра» (по Самиру Амину и Иммануилу Валлерстайну)), а конечный — на возникновение ноономики и ноо-общества.

Ноопереход тесно связан со сменой парадигмы и является переходом от модели роста, в основе которой лежит экономическая рациональность, ориентированная на поддержание «зоо»-состояния «общества потребления», возгонки его «симулятивных потребностей», получение и максимизацию прибыли любой ценой, к модели

²¹ Бодрунов С. Д. Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. 2024. № 2. С. 5–11.

²² Подробнее об этом см. сайт ИНИР им. С. Ю. Витте. URL: <https://inir.ru/spec-2023/>

развития на базе реализации задач удовлетворения ноо-потребностей человека и общества, формируемых на основе ноо-ценностей неэкономическим способом. Более того, ноопереход сопряжен с процессом постепенного формирования и расширения социального ноо-пространства.

В настоящее время можно лишь спрогнозировать некий вариант последовательности возникновения и протекания этапов тех или иных событий глобального нооперехода. Возможным ориентиром траектории ноодвижения, однако, может служить генезис ноономики, который уже наблюдается на современной ступени мирового развития. Олицетворением этого генезиса служит «квадрига» базовых процессов: научно-технического прогресса, диффузии собственности, социализации общества и развития ноокачеств человека, солидаризма. Именно эти знаковые тенденции или «векторы перемен», каждый из которых «заточен» под конкретную цель: на создание материальных основ движения к ноономике, на закладку нового фундамента для формирования человеческих потребностей, на создание общественных и идеологических условий продвижения к ноо-обществу — тесно связаны с ноопереходом. Более того, именно они являются его ключевыми атрибутами.

Формирующийся мирохозяйственный уклад неслучайно получил название «интегральный» (в терминологии академика РАН Сергея Глазьева)²³, что обуславливает высокую значимость и глобальность последствий интеграционных процессов, в том числе и на современном этапе общественного развития. Именно *разноуровневая интеграция*, основанная на нооценностях, обеспечит качество и скорость прохождения этапов глобального нооперехода²⁴.

²³ Глазьев С. Ю. Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада // Экономическое возрождение России. 2024. № 2. С. 34–45.

²⁴ Бодрунов С. Д. Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект // Экономика промышленности. 2023. Т. 16. № 2. С. 135–140; Бодрунов С. Д. Мировые тренды экономического развития: роль и место России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241. № 3. С. 52–60.

Для определения конструктивных интеграционных процессов, обеспечивающих глобальный ноопереход и его ускорение, вводится понятие «*нооинтеграция*», которое имеет свои значимые особенности:

- цели нооинтеграции выстраиваются на нооценностной основе, с опорой на неэкономические принципы и интересы с учетом экономической составляющей интеграции на этапе НИО.2;
- исходя из ноокритериальной базы, формируются особые этапы интеграционного развития. В качестве первого этапа выделяется конструирование единого нооценностного пространства и пространства культурного обмена, которое в дальнейшем может быть дополнено созданием единых пространств (научного и образовательного, технологического и индустриального, социального) с его высшей ступенью, — образованием ноо-общества и нооинституций;
- нооинтеграция предполагает сопряжение множества интеграционных процессов. Так, сюда включается не только «интеграция технологий» и формирование интегрированных систем (например, транспортных), но и, например, «интеграция поколений» как результат социального развития.

Достигнутые же экономические преимущества в итоге будут превращены в социальные достижения. Процесс нооинтеграции подразумевает изменение условий вступления потенциальных государств-членов в интеграционное объединение, которое подразумевает, что все страны в любой точке мира имеют одинаковые шансы на развитие нооинтеграции, а интеграционное объединение, основанное на подобных принципах, выступает в качестве «союза равных». Нооинтеграция станет не способом обособления от мира, а объединяющим началом и воплощением справедливости и солидаризма, что, в том числе, снимет проблемы «конкуренции регионализмов» и «интеграционной незрелости». Таким образом, нооинтеграция предстает как «разумное объединение», т. е. осознанное, необходимое, носящее глобальный и объективный характер создания целостности на базе нооценностей и знаний, формирующих основу для взаимопонимания и доверия между народами.

В современном научном дискурсе под «интеграцией» чаще всего подразумевается международная экономическая интеграция, а в качестве ее наиболее успешного примера, пожалуй, чаще других упоминается Европейский союз. Однако «образцово-показательная» европейская интеграция, изначально нацеленная на обособление и получение преимуществ за счет других стран, не входящих в это объединение, на деле сталкивается с «тупиками», кризисами и проблемами, ведущими в конечном итоге к противоположному результату — дезинтеграции. Кроме того, использование стандартных факторов эффективности экономической интеграции обрекает ряд государств (с развивающимися, формирующимися и трансформирующимися рынками) на заведомо низкий уровень интеграции, в том числе вследствие непреодолимой «интеграционной незрелости». В свою очередь, это содержит элемент дискриминации стран, нередко по независящему от их воли признаку. Приходится констатировать, что, несмотря на серьезные наработки в этой сфере, вопрос о научном поиске новых концепций, решений и моделей интеграции остается открытым.

Как правило, объединение БРИКС сравнительно редко именуют интеграцией в традиционном понимании этого понятия, что дает основание для применения других методов анализа, в частности, ноопхода и возникновения принципиально иного типа общности и процесса — нооинтеграции.

В пользу того, что объединение БРИКС действительно можно считать новым прогрессивным видом интеграции, являющимся одним из ключевых факторов нооперехода, свидетельствуют следующие факты:

- страны «ядра» БРИКС стали символом и «популярным образом» интегрального мирохозяйственного уклада, поскольку именно этой особой общности государств суждено сформировать «ядро» азиатского цикла накопления капитала, приходящего на смену американскому, и вывести человеческую цивилизацию по пути нооперехода к ноономике;
- уже сегодня страны БРИКС приступили к формированию ряда выделенных ранее стадий нооинтеграции: фактически речь идет о создании и укреплении нооценностного «ядра» и

сбалансированном регулировании научно-технологического развития, а также о создании единых научно-образовательного и научно-технологического пространств (на базе общих ценностей);

- отмечается особая роль знаний и их практического воплощения, новых технологий и НТП в истории БРИКС. Именно благодаря этому аспекту возникла сама возможность для регулярного диалога и взаимодействия стран с существенной географической удаленностью друг от друга;
- БРИКС объединяет так называемые «большие» страны и по численности населения, и по протяженности их границ, и по той роли, которую они играют в мире. Объединяя континенты и народы, эти государства создают пространство для реализации крупных трансконтинентальных проектов с уникальным по масштабу и качеству синергетическим эффектом (не только в сфере экономики, но и в социальной, научно-технической и других сферах);
- БРИКС+ представляет собой новую и особую «общность цивилизаций» с пространством для их диалога;
- нооинтеграционные процессы и объединения взаимодополняемы и сопрягаемы. К примеру, БРИКС может гармонично сосуществовать с такими идейно и качественно сходными китайскими инициативами, как «Один пояс — один путь» и построением «сообщества единой судьбы человечества», а также с проектом Большого евразийского партнерства.

и др.

В рамках БРИКС+ прежде всего целесообразно сохранить уже существующие достижения и перейти к выработке единой долгосрочной стратегии нооферного развития, построению взаимодействия данной интеграционной группы с другими государствами, объединениями и международными организациями, запустив, таким образом, процессы нооинтеграции. Это позволит найти выход из развилки цивилизационного развития и приступить к позитивному переустройству общественного пространства на качественно ином уровне, или, в терминах ноономики, обеспечить эффективный ноопереход от экономического общества к ноо-обществу.

Рекомендуемая литература

- Аристотель*. Соч. Т. 4. Политика. Никомахова этика. М.: Мысль, 1983. 830 с.
- Бодрунов С. Д.* Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 5–14.
- Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: Монография. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. 328 с.
- Бодрунов С. Д.* Новое индустриальное общество второго поколения: человек, производство, развитие // Общество и экономика. 2016. № 9. С. 5–21.
- Бодрунов С. Д.* Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. 2024. № 2. С. 5–11.
- Бодрунов С. Д.* Мировые тренды экономического развития: роль и место России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 241. № 3. С. 52–60.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика: Монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. 2019. № 4. С. 6–18.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации: Монография. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.
- Бодрунов С. Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118.
- Бодрунов С. Д.* От ноономики — к ноосфере? // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 3. С. 36–47.
- Бодрунов С. Д.* Проблемы технологического суверенитета и цивилизационное развитие: от современного общества к ноономике // Ноономика и ноообщество. 2023. Т. 2. № 4. С. 13–24.
- Бодрунов С. Д.* Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект // Экономика промышленности. 2023. Т. 16. № 2. С. 135–140.
- Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
- Глазьев С. Ю.* Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада // Экономическое возрождение России. 2024. № 2. С. 34–45.
- Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 479 с.

Гэлбрейт: возвращение. Монография / Под ред. С. Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017. 424 с.

Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика: Монография. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. 351 с.

Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. 192 с.

Ферсман А. Е. Геохимия: Учеб. пособ. для ун-тов: В 2 т. Л.: Химтеорет, 1934. 354 с.

Alchian A. A., Demsetz H. The property rights paradigm // Journal of Economic History. 1973. V. 33. № 1. P. 16–27.

Honoré A. Ownership. Oxford Essays in Jurisprudence / Ed. by A. W. Guest. Oxford, 1961. P. 112–128.

Приложение

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ

Наименование:

**Межфакультетский учебный курс
«Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек
(общая теория ноономики)»**

Уровень высшего образования:

Бакалавриат, магистратура, специалитет

Форма обучения:

Очная

Язык обучения:

Русский

Автор(ы) программы:

**Колганов Андрей Иванович,
Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна,
Яковлева Наталья Геннадьевна,
Барашкова Ольга Владимировна,
Маслов Глеб Андреевич**

Москва 2023

1. Аннотация к дисциплине

Курс нацелен на выявление перспектив социально-экономического развития на основе анализа тенденций технологических и экономических процессов, развивающихся в современном обществе. В нем раскрываются формирование нового индустриального общества и предпосылки его возникновения; описаны причины и формы проявления кризиса нового индустриального общества, проявившегося в деиндустриализации и финансиализации экономики, появлении так называемой «новой нормальности» и т. д.; дан развернутый социально-экономический анализ новой технологической революции, называемой также промышленной революцией; системно изложена концепция нового индустриального общества второго поколения (НИО.2).

На этой основе раскрываются возможности, которые несет с собой ускорение технологического развития, а также связанные с этим риски; раскрыты механизмы трансформации человеческих потребностей в новых условиях и способов их удовлетворения; доказан тезис о необходимости усиления гуманитарной составляющей социально-экономического развития через поддержку и развитие культуры; наконец — описаны основные концептуальные положения ноономики, базирующейся на новом способе взаимодействия общества и производственной (хозяйственной) системы.

Основная цель изучения курса — сформировать у студентов представление о возможных тенденциях социально-экономического развития общества на длительную перспективу, основанное на исследовании процессов развития материальной основы производства и характера их влияния на социально-экономические отношения.

Задачи курса:

- сформировать у студентов понятие об исторических ступенях развития материального индустриального производства;
- ознакомить студентов с методами исследования влияния технологических сдвигов на социально-экономическое устройство общества;
- ознакомить студентов с тенденциями развития знаниеинтенсивного производства и особенностями создания и использования знаниеемких продуктов;

- ознакомить студентов с тенденциями изменений в способах удовлетворения и критериях формирования потребностей;
- сформировать у студентов представление о приближающейся новой волне научно-технологической революции;
- показать противоречия, определяющие необходимость постепенного отхода от экономической рациональности и перехода к неэкономическим способам хозяйственной деятельности;
- сформировать представление о неэкономических способах удовлетворения потребностей и неэкономических критериях рациональности хозяйственной деятельности (ноономике);

Курс включает в себя не только лекции, но и кейс-стади современных проблем, деловые игры.

Курс опирается на обобщение большого эмпирического материала, накопленного авторами в процессе чтения в МГУ курсов «Анатомия капитализма XXI века: человек, рынок и государство в условиях креативной революции», «Философские проблемы социально-экономического развития», «Экономические трансформации в современном мире» и мн. др., а также апробирование материалов курса в дискуссиях на международных научных семинарах, в том числе на площадках зарубежных университетов: Университета Кембриджа, Пекинского университета, Шанхайского университета, Китайского народного университета, Государственного университета Сан-Паулу (UNESP) и др.

Основой сдачи зачета является участие в интерактивных диалогах в течение семестра и/или подготовка реферата по одной из тем курса.

2. Входные требования для освоения дисциплины

Для успешного освоения курса «Глобальная трансформация: технологии, экономика, человек (общая теория ноономики)» желательно знание основ философии и экономической теории, но это не является обязательным.

3. Место дисциплины в структуре основной образовательной программы (ООП)

Дисциплина является межфакультетским образовательным курсом.

4. Планируемые результаты обучения

Формируемые компетенции	Планируемые результаты обучения
На уровне магистратуры: способен использовать философские категории и концепции при решении социальных и профессиональных задач; В том числе на уровне бакалавриата: способен применять философские категории, анализировать философские тексты и учитывать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач (УК-2)	ЗНАТЬ основные категории и понятия, направления, проблемы, ключевые достижения методологии современной социально-философской и политэкономической мысли по проблематике курса, содержание современных дискуссий в этой области. УМЕТЬ использовать основные положения и категории современной социально-философской и политэкономической мысли для анализа социальных тенденций и решения междисциплинарных задач, выявления закономерностей социально-экономического устройства современного мира. ВЛАДЕТЬ приемами аргументированного сопоставления различных позиций по изучаемой проблематике

5. Форма обучения

Очная.

6. Общая трудоемкость дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 1 зачетную единицу, 24 академических часа лекций и 12 академических часов самостоятельной работы студента.

7. Учебно-тематический план

№	Разделы и темы	Лекции (ак. ч.)	Самосто- ятельная работа	Формы контроля
1	Глобальные трансформации XXI века: основные концепции	2	1	Текущий контроль
2	Предмет и метод общей теории ноономики	4	1	Текущий контроль
3	Эволюция индустриального производства. На пороге новой технологической революции	2	1	Текущий контроль
4	Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)	2	1	Текущий контроль
5	Потенциал новых технологий и угроза цивилизационной развилки. Реальные и симулятивные потребности	4	1	Текущий контроль
6	Культура как внутренний критерий новой рациональности	4	1	Текущий контроль
7	Ноономика как неэкономический способ организации общественного производства	2	1	Текущий контроль
8	Необходимость реиндустриализации России как предпосылка движения к НИО.2 и ноономике	4	1	Текущий контроль
Промежуточная аттестация			2	Зачет
Итого		24	12	

8. Учебная программа

Тема 1

Глобальные трансформации XXI века: основные концепции

Глобальные трансформации: цивилизационный и формационный подходы. Цивилизационное развитие как динамический исторический процесс. Кризисы цивилизационного развития. Технологические, экологические, социальные и гуманитарные составляющие современных кризисных явлений; противоречия мир-системной структуризации: «ядро» и «периферия». Финансовый капитал как катализатор современных кризисных процессов.

Технологическое развитие и его противоречия как основа экономических и социальных трансформаций.

Теоретические концепции причин трансформационных сдвигов: Тойнби, Шпенглер, теоретики постиндустриализма, марксистские теории трансформаций.

Тема 2

Предмет и метод общей теории ноономики

Концепция ноономики как научная гипотеза.

Исследование материальных условий производства как основы социально-экономического устройства общества. Исторический и системный взгляд на технологическую и социально-экономическую эволюцию. Роль человека и человеческого знания в развитии производства. Влияние технологических инноваций на ход экономического развития. Материальное индустриальное производство как технологическое ядро ноономики. Его составные части.

Методология исследования ноономики. Системный метод, диалектика. Критическое использование инструментария основных школ экономической теории. Неоклассика. Институциональный подход. Проблемы критического использования современных марксистских теорий.

Тема 3

Эволюция индустриального производства. На пороге новой технологической революции

Периодизация этапов научно-технического развития в рамках различных направлений. Промышленные революции как точки трансформации глобальной экономики. Автоматизация и химизация производства как основные факторы научно-технической революции и развития промышленного производства. Изменение парадигмы развития международной торговли в новых технико-экономических условиях. Трансформационная роль творческого труда в общественном воспроизводстве. Отечественная политическая экономия и комплексное отражение технико-экономических трансформаций в различных социально-экономических системах. Теория ноономики и современный рост знаниеемкости производства.

Тема 4

Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2)

Отличительные особенности современного производства. Технологический прогресс: рост рисков и возможностей в эпоху глобальных трансформаций. Основные характеристики технологической трансформации в условиях «ускорения ускорения» инновационных процессов, свойственного НИО.2. Основные характеристики знаниеинтенсивной экономики. Проблемы, которые необходимо решить в условиях глобальных трансформаций и развития знаниеемкого производства. Рединесс-потенциал и пенетрационный потенциал технологий. Синергия технологий. Направления изменений в содержании труда и формирование нового типа работника в условиях НИО.2 и перехода к ноономике.

Тема 5. Потенциал новых технологий и угроза цивилизационной развилки. Реальные и симулятивные потребности

Новые технологии и два сценария общественного развития. Экономические стимулы к росту симулятивных потребностей. Повышение ресурсного давления на природную среду. Угроза утраты гарантированности человеческого существования. Проблема сохранения природной среды. Симулятивные потребности и развитие технологических возможностей вмешательства в биологическую природу человека. Проблема сохранения человеческой сущности. Технологическое развитие и расширение возможности удовлетворения потребностей на ресурсоэкономной основе. Угроза безграничного роста потребления. Диалектика взаимного перехода симулятивных и несимулятивных потребностей. Проблема внутреннего ограничения симулятивных потребностей. Пределы экономической рациональности.

Тема 6. Культура как внутренний критерий новой рациональности

Технологическая революция и развитие человека: вызовы и противоречия. Нооцивилизация: проблема Нового человека. Постановка проблемы человека в общей теории ноономики и в марксистской социальной философии: сравнительный анализ. Значение человека в парадигме нооцивилизации. Новый человек: проблемы развития. Проблема познания в парадигме нооцивилизации. Нооцивилизация: альтернативы развития.

Тема 7. Ноономика как неэкономический способ организации общественного производства

Устранение труда и производственных отношений. Безлюдное производство и превращение производства (техносферы) в относительно автономную сферу. Новый способ взаимодействия общества и хозяйственной системы — внешнее регулирование хозяйственных

процессов человеческим обществом. Потенциальная возможность бесконфликтного перехода к новому общественному устройству. Ноономика как неэкономический способ хозяйственной деятельности и удовлетворения потребностей.

Тема 8. Необходимость реиндустриализации России как предпосылка движения к НИО.2 и ноономике

Глобализация, финансиализация и деиндустриализация. Необходимость реиндустриализации России. Последствия деиндустриализации и потенциал технологического прорыва. Опережать не догоняя? Потенциал и ориентиры реиндустриализации России. Необходимость коррекции социально-экономических институтов. Проблемы использования плановых методов. Реиндустриализация, НИО.2 и ноономика.

9. Форма промежуточной аттестации и фонд оценочных средств

9.1. Формы и оценка текущего контроля

Текущий контроль подразумевает оценку освоения студентами основных понятий, направлений, проблем, ключевых достижений методологии современной социально-философской и политэкономической мысли по проблематике курса, содержания современных дискуссий в этой области.

9.2. Формы и оценка самостоятельной работы

Самостоятельная работа подразумевает освоение студентами понятийно-категориального аппарата современной социально-философской и политэкономической марксистской мысли, ключевых имен и концепций. Оценка самостоятельной работы проводится в форме зачета письменных эссе по основным вопросам и/или избранным работам по проблематике курса.

9.3. Форма и оценка промежуточной аттестации

Аттестация проводится в форме **зачета**. Примерный список вопросов:

1. Что такое индустриальная революция? Как соотносятся индустриальная революция и индустриализация?
2. Каково значение индустриального производства в экономике?
3. Почему индустриальный способ производства характеризуется сменой технологических укладов?
4. Как влияет развитие индустриального производства на формирование и удовлетворение потребностей?
5. Каковы характерные черты нового индустриального общества?
6. На какие реальные тенденции в экономике опирается концепция «постиндустриального общества»? Можно ли современное общество назвать постиндустриальным?
7. Почему наряду с обычными потребностями в экономике формируются так называемые симулятивные потребности? Какова взаимосвязь обычных и симулятивных потребностей?
8. Почему деиндустриализация влечет за собой отрицательные последствия?
9. В чем причина развития процессов финансиализации?
10. Каковы особенности шестого технологического уклада?
11. Что такое NBIC-конвергенция и что она дает с точки зрения развития технологий?
12. Что включает в себя цифровизация экономики?
13. Какова роль знаний и информации при переходе на новый этап технологического развития?
14. На чем основан переход к новому индустриальному обществу второго поколения?
15. Каковы особенности знаниеинтенсивного материального производства? Почему для его развития необходима интеграция производства, науки и образования?

16. Какие новые способы удовлетворения потребностей открывает переход к производству знаниеемкого материального продукта?
17. Как меняются структура занятости и структура потребностей с переходом к НИО.2?
18. Какие новые возможности в удовлетворении потребностей дает синергия технологий?
19. Какие риски заключены в неограниченном росте потребления? На какой основе могут формироваться внутренние границы роста потребления?
20. Какова роль познания в процессе формирования потребностей и критериев их рациональности?
21. Каковы характерные черты ноопроизводства?
22. В чем состоит роль культуры в регулировании человеческих потребностей?
23. Возможна ли гармония технологического прогресса и культуры?
24. Каким образом синергия технологий способствует формированию и удовлетворению новых потребностей?
25. Что может выступать в качестве внутренних ограничителей роста потребностей и потребления?
26. Что выступает главным регулятором хозяйственной деятельности в ноономике?
27. В чем вы видите конфликт экономической цивилизации и культуры? Можно ли преодолеть этот конфликт?
28. Какая деятельность останется на долю человека в случае перехода к безлюдному производству?
29. Какую роль в функционировании общественной системы ноономики будут играть: культура, технологии безлюдного производства, процесс познания и развитие отношений доверия? (можно охарактеризовать 2 из представленных 4 факторов по выбору студента).
30. Какова роль реиндустриализации в преодолении технологического отставания?

10. Ресурсное обеспечение

Предварительный комментарий к списку литературы: рекомендации конкретных источников по отдельным темам курса будут предоставляться непосредственно на лекциях по соответствующей теме.

Основная литература

- Бодрунов С. Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2016. 327 с.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
- Бодрунов С. Д.* Общая теория ноономики: Учебник. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.
- Бодрунов С. Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации: Монография. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.
- Глазьев С. Ю.* Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–64.
- Колганов А. И.* Теория ноономики как междисциплинарная теоретическая платформа // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2023. Т. 2. № 1. С. 45–57.

Дополнительная литература

- Батищев Г. С.* Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии (сборник статей). М.: Наука, 1969. 432 с.
- Белов П. Г., Чернов К. В.* Техногенные системы и экологический риск / Под общ. ред. П. Г. Белова. М.: Юрайт, 2018. 434 с.
- Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика, Культурная революция, 2006. 268 с.
- Бодрунов С. Д.* К вопросу о сравнительном анализе теорий ноономики и социализма // Вопросы политической экономии. 2020. № 3 (23). С. 52–66.
- Бодрунов С. Д.* От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118.
- Бодрунов С. Д.* От экономических интересов — к нооценностям // Вопросы философии. 2022. Т. 7. С. 15–26.

- Бодрунов С. Д., Гэлбрейт Дж. К. Новая индустриальная революция и проблемы неравенства. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. 143 с.
- Бузгалин А. В. Закат неолиберализма: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 31–42.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded): В 2 т. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: URSS, 2019. Т. 2. 900 с.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. М.: URSS, 2022. 560 с.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии // Альтернативы. 2012. № 2. С. 65–91.
- Булавка-Бузгалина Л. А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 202–214.
- Булавка-Бузгалина Л. А. Культура как рынок: «не продается вдохновенье»? // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 5–17.
- Булавка-Бузгалина Л. А. Маркс-XXI. Социальный прогресс и его цена: Диалектика отчуждения и разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 5. С. 73–84.
- Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисловие Р. К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 270 с.
- Глазьев С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93–115.
- Глазьев С. Ю. Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада // Экономическое возрождение России. 2024. № 2. С. 34–45.
- Гринин А. Л., Гринин Л. Е. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // Философия и общество. 2015. № 1–2. С. 17–47.
- Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 479 с.
- Десаи Р. Геополитэкономия о роли государства развития // По ту сторону глобального кризиса: ноономика, креативность, геополитэкономия. С. 169–254. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022. 368 с.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.

- Земцов С. П.* Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 1-16.
- Квинт В. Л., Бодрунов С. Д.* Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика: Монография. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2021. 351 с.
- Колганов А. И.* Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 65–80.
- Маркс К.* К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 13. Предисловие. С. 68. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 771 с.
- Маркс К.* Капитал Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 907 с.
- Маслов Г. А.* Концепция НИО.2 и ноономики: истоки становления в экономической теории // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 142–151.
- Маслов Г. А., Яковлева Н. Г.* Производство. Наука. Образование в России: технологические революции и социально-экономические трансформации // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 58–64.
- Момджян К. Х.* О «разумных» и «неразумных» потребностях человека // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 547–550.
- Нуритдинова А. Р.* Основные направления интеграции науки, образования и производства // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 4. С. 24–27.
- Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2011. 231 с.
- Семенов Ю. И.* Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради», 2003. 776 с.
- Тойнби А. Дж.* Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций / Пер. с англ. К. Я. Кожурина. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 670 с.
- Фриман А.* Сумерки машинократического подхода: незаменимый труд и будущее производства // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 37–60.
- Шпенглер О.* Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Альфа-Книга, 2017. 1088 с.
- Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. (Главы 1 и 2). М.: Прогресс, 1982. 455 с.

- Яковлева Н. Г.* Технологические и социально-экономические трансформации начала XXI века: роль и место образования // Экономическое возрождение России. 2020. № 2. С. 133–142.
- Amin S.* Maldevelopment: Anatomy of a Global Failure. Oxford: Pambazuka Press, 2011. 350 p.
- Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science / Eds. M. Roco, W. Bainbridge. Arlington, 2004. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/1/NBIC_report.pdf
- Freeman C.* The Economics of Industrial Innovation: 2nd Ed. L.: Francis Pinter, 1982. 250 p.
- Managing Nano-Bio-Infocogno Innovations: Converging Technologies in Society / Eds. W. S. Bainbridge and M. C. Roco. Dordrecht: Springer, 2005. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/3/NBIC_report.pdf
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. Пер. с англ. / Вступ. ст. Г. М. Дерлугьяна. М.: URSS, 2020. 304 с.

Отзывы о настоящем издании,
обнаруженные опечатки
присылайте по адресу
URSS@URSS.ru.

Ваши замечания и предложения
будут учтены и отражены на
web-странице этой книги.

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

URSS

Тел. (многоканальный)

+7 (499) 724 25 45

<https://URSS.ru>

37300 ID 330385

9 785002 371938